

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1899

Оглавление.

Стран.

Отдѣль I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Латышскія заимствованія изъ славянскихъ языковъ. *Г. Эндзеллина* 285—312
2. Счеркъ современнаго экономическаго положенія Башкиръ Уфимской губерніи. *А. Калачева* 313—329

Отдѣль II.

Памятники языка и народной словесности.

1. О народномъ говорѣ Чухломскаго уѣзда Костромской губерніи. *Θ. Покровскаго* 330—349
2. Сказаніе объ Элэнди и его сыновьяхъ (переводъ съ чукотскаго). Сообщено *В. Г. Богоразомъ*. 350—370
3. Три сказки, записанныя въ Колымскомъ краѣ. Сообщено *В. Г. Богоразомъ* 371—380

Отдѣль III.

Критика и библиографія.

1. Slovenske narodne pesmi. Uredil D-ra K. Štrekelj. Izdala in zabožila Slovenska Matica. *Г. А. Ильинскаго* 381
2. Moravské Kravařsko (Politický okres Novojický). *Г. А. Ильинскаго*. —
3. Statystyka ludności Kaszubskiej. Zebral i opracował Stef. Ramult. *Г. А. Ильинскаго*. 382
4. Kleinere Schriften von Reinhold Köhler. I. Band. Kleinere Schriften zur Märchenforschung. *Ю. А. Яворскаго*. 383

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩАГО ВЪ ОТДѢЛЕНІИ ЭТНОГРАФІИ

В. И. ЛАМАНСКАГО

ВЫПУСКЪ III

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1899

ОТДѢЛЪ I.

Латышскія заимствованія изъ славянскихъ языковъ.

Какое значеніе имѣетъ изслѣдованіе заимствованій одного языка отъ другого, извѣстно всякому историку и филологу. Изученіе заимствованій латышскаго языка тѣмъ любопытнѣе, что языкъ этотъ до сихъ поръ довольно хорошо сохранилъ первичные звуки индоевропейскаго праязыка, и поэтому онъ является немаловажнымъ источникомъ для исторіи звуковъ сосѣднихъ германскихъ и славянскихъ языковъ, нерѣдко сохраняя заимствованныя слова въ ихъ первобытномъ видѣ, теперь уже измѣненномъ въ томъ языкѣ, изъ котораго они были заимствованы. Списокъ латышскихъ заимствованій изъ славянскихъ языковъ, правда, уже составленъ А. Брюкнеромъ (*D. slav. Fremdw. im lit.*, 166—190), но онъ просто сопоставляетъ заимствованныя слова съ ихъ оригиналами, не дѣлая никакихъ выводовъ для славянской фонологіи, и въ большинствѣ случаевъ ничего не говоритъ о распространеніи отдѣльныхъ заимствованій среди латышей, а вслѣдствіе этого читатель получаетъ невѣрное представленіе о числѣ славянскихъ словъ, перенятыхъ латышами. Наконецъ списокъ его съ одной стороны не отличается полнотою, а съ другой—нѣсколько коренныхъ латышскихъ словъ, хотя авторъ поставилъ себѣ девизомъ слова «*ne quid nimis!*» Все это, надѣюсь, оправдываетъ появленіе настоящаго сочиненія послѣ работы Брюкнера, хотя, быть можетъ, и отъ меня ускользнули нѣкоторыя заимствованія.

Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ только поляки и особенно русскіе въ историческое время имѣли и имѣютъ сношеніе съ латышами. Когда начались сношенія русскихъ съ латышами, намъ неизвѣстно; знаемъ однако по лѣтописямъ (ср. Keussler, *D. Ausgang d. ersten russ. Herrsch. in d. gegenw. Ostseeprovinz.*, Petersburg. 1897), что уже до прибытія нѣмцевъ въ Ливонію русскіе имѣли сношенія, какъ съ другими племенами этого края, такъ и съ латышами. Послѣдніе платили дань сосѣднимъ русскимъ князьямъ (псковскому и полоцкому); нѣкоторые изъ этихъ князей даже постоянно жили среди латышскаго населенія (напр. въ Кокенгузенѣ), и даже православіе было принято латышами, какъ свидѣтельствуя хроника Гейнриха Латышскаго (XI 7) и христіанская терминологія латышскаго языка (ср. *Mag. d. lett.—lit. Ges.* XX 1, стр. 14 сл.). Однако на еще болѣе раннее знакомство съ русскими указываетъ латышское названіе русскихъ, слово—*krēvi*¹⁾. Брюкнеръ (стр. 166 и 175) производитъ

¹⁾ Я обозначаю здѣсь черезъ *ѣ* и *ѵ* соответствующіе литовскимъ *ė* и *į* дифтонги *ia*, *ma*; буквы *s*, *ś*, *z*, *ź*, *c*, *č*, *dz* *dź*, *v* употреблены какъ въ латинской транскрипціи славянскихъ языковъ; *g*, *k*, *l*, *n*, *r*, обозначаютъ смягченія этихъ согласныхъ. Слогодудареніе, когда оно мнѣ извѣстно, обозначаю

это слово отъ польской формы «*kręwicy*», но простое *e* въ лат. языкѣ не переходитъ въ *ë*. Поэтому слово *krëvi* восходитъ къ р. «кривичи», а такъ какъ *i* или *ï* тоже не переходитъ въ *ë*, то слово *krëvi* было перенято латышами еще въ то время, когда индоевр. дифтонгъ *ei* еще не измѣнился въ монофтонгъ у славянъ; то-есть, «*krëvi*» происходитъ отъ * *kreivi*, какъ напр. *zëma* отъ * *zeima* (гр. $\chi\epsilon\acute{\iota}\mu\alpha$, р. зима), а если такъ, то этимологія имени кривичей (отъ слова «кровь»), предложенная Носовичемъ (Словарь бѣлор. нар. 737), невѣрна. Объясняется же такое названіе русскихъ (*paqs pro iou*) тѣмъ, что кривичи были единственное русское племя, извѣстное латышамъ (ср. Журн. Мин. Нар. Просв. т. 309, стр. 73).—При завоеваніи Ливоніи нѣмцами, сношенія между русскими и латышами вполне прекратились (за исключеніемъ сорубежниковъ), и даже послѣ 1721 года замѣтно не возобновились *). Только съ введеніемъ реформъ Александра III опять начинается усиленное вліяніе русскаго языка на латышскій: уже въ волостныхъ училищахъ дѣти обучаются почти всѣмъ предметамъ на русскомъ языкѣ, и начиная съ административныхъ, судебныхъ и полицейскихъ властей до желѣзнодорожныхъ служителей—всѣ говорятъ по русски. Не удивительно поэтому, если въ это короткое время уже начали проникать разные русскіе элементы въ латышскій языкъ, но такъ какъ этотъ процессъ еще не кончился, то я въ слѣдующемъ своемъ изложеніи этихъ заимствованій новѣйшаго времени не буду приводить. Кромѣ великорусскаго языка (Псковской губерніи) мы должны будемъ принимать здѣсь въ расчетъ и нарѣчіе бѣлоруссовъ, живущихъ въ Витебской губерніи рядомъ съ латышами.—Гораздо меньше было вліяніе польскаго языка на латышскій; непосредственнымъ оно стало только съ 1562 года (нѣкоторыя польскія слова могли перейти въ лат. языкъ при посредствѣ лит. языка), когда Лифляндія была присоединена къ Польшѣ, и продолжалось приблизительно до 1629 года (начала шведскаго владычества въ Лифляндіи) за исключеніемъ латышей-католиковъ Витебской губерніи, подчиненныхъ и теперь еще въ значительной степени вліянію польскаго духовенства и дворянства. Вслѣдствіе этого, какъ указываетъ Брюкнеръ (стр. 206), ссылаясь на словарь Курмина (и приводя тамъ же примѣры), языкъ витебскихъ латышей довольно богатъ полонизмами; мнѣ, къ сожалѣнію, этотъ словарь былъ недоступенъ, а впрочемъ настоящая работа этимъ не много теряетъ, потому что (ср. слова Брюкнера тамъ же) эти полонизмы главнымъ образомъ только новообразованія недавняго

знаками ' , ~ , ~ , о значеніи которыхъ ср. мое сочиненіе «über den lettischen silbenaccent» въ *Bezzenb. Beitr. 3. Kunde d. idg. Spr.* 1899 г.

*) Позволю себѣ указать на стоянки русскаго войска въ Лифляндіи и Курляндіи, на службу въ русскомъ войскѣ и флотѣ Латышей, вѣрочавшихся на родину, на значительныя поселенія русскихъ старовѣровъ въ Ригѣ и т. под., наконецъ на постоянное въ теченіе 150—100 л. пребываніе немногихъ Латышей въ Петербургѣ и въ Россіи и обратныя ихъ отъѣзды на родину въ качествѣ. Этими путями несомнѣнно проникали русскія слова къ Латышамъ въ теченіе почти 200 лѣтъ.

времени ³).— Не про всякое слово можно сказать, у какого славянскаго племени оно перенято, вслѣдствіе близкаго родства славянскихъ языковъ, и поэтому съ этой точки зрѣнія никакихъ подраздѣленій не дѣлаю. Точно также бываютъ случаи, когда нельзя на основаніи одного лингвистическаго матеріала рѣшить, перенято ли данное слово у нѣмцевъ или у славянъ; такіе случаи всегда буду отмѣчать.— Далеко не всѣ заимствованныя слова, конечно, одинаково распространены среди латышей, и поэтому считаю нужнымъ, хотя бы приблизительно, обозначать степень распространенія каждаго заимствованія. И такъ буду различать 1) слова общеупотребительныя (буквами *com.*), 2) слова общезвѣстныя, но престонародныя и въ литературномъ языкѣ безъ особенныхъ цѣлей не употребляемыя (буквами *vulg.*), 3) слова, извѣстныя лишь въ нѣкоторыхъ варѣчійяхъ (буквами *dial.*), и 4) слова, извѣстныя только въ пограничныхъ говорахъ (буквами *conf.*); особенно много заимствованій встрѣчаемъ (судя по словарю Ульмана) въ Опекальнѣ и среди витебскихъ латышей. Повторяю, что такое подраздѣленіе считаю только приблизительнымъ вслѣдствіе скудости данныхъ (основываюсь главнымъ образомъ на словарѣ Ульмана и на собственныхъ свѣдѣніяхъ); къ тому же и не всякое слово легко поддается такой классификаціи.— Группировать же буду всѣ слова по славянскому гласному начальнаго слога, потому что гласные этого слога въ лат. языкѣ, будучи всегда ударяемыми, особенно вѣрно сохраняютъ свой прежній характеръ, между тѣмъ какъ неударяемые гласные легче подвергаются измѣненіямъ. Группировку по культурнымъ понятіямъ считаю неудобною, потому что множество словъ очень трудно группировать съ этой точки зрѣнія, и другому не всегда легко отыскивать желаемое слово по такой группировкѣ; а цѣлямъ языковѣда она вовсе не соответствуетъ.— Слова, несомнѣнно произведенныя отъ первоначально заимствованной формы уже на латышской почвѣ, не буду приводить.—

Заимствованія въ лексической области. Славянское *a* передается 1) черезъ долгое *a*:

ā l a v a (*com.*), *dial.* также *alovise*—яловица; относительно первой формы можно сомнѣваться, дѣйствительно ли она заимствована, но очень вѣроятно, что форма «*alovise*» заимствована, такъ какъ она очень напоминаетъ русскую форму; и суффиксъ—*ise* довольно неупотребителенъ въ лат. языкѣ (ср. *Biel. Lett. Spr. § 222*).

baпt(i)s (*dial.*) блюдечко—п. *bania*, *banka*, р. банка.

ba v i t ě s (*conf.*)—бавиться, лит. *bovytis*.

bl a g s (*conf.*) слабый; худой—бр. *blaġis*, п. *blāhu*, лит. *blōgas*.

³) Вслѣдствіе взаимныхъ сношеній и нѣкоторыя слова балтійскихъ языковъ были заимствованы славянами. Примеры привели Миккола (*Berg. Beitr. XXI 118—121*), Брюкнеръ (стр. 23), Вольтеръ (*Mitteil. d. lit. liter. Ges. II 308—309*), Погодинъ (*Arch. f. slav. Phil. XVII 634*); еще другія слова (напр. *глава*, *глѣвъ*) въ словарѣ русск. яз. Академіи Наукъ считаются заимствованіями изъ лат. языка.

gánit (comm.) позорить; гадить, ругать—бр. гáницъ, п. ganić, лит. gonyti; въ пользу того, что слово это заимствовано, говорить нисходящее сло-гоудареніе слога gà—(ср. Saussure, Mém. de la soc. deling. VIII, 431).

grāmata (comm.) книга, письмо-грамота, лит. grōmata; grāmatlėks (comm.)—грамотникъ.

kāl ūt (dial., въ Курл.) порицать—лит. kōlioti, п. kalać; относительно значенія ср. глаголь gānit.

kārusti (comm.)—капуста, лит. korūstai; это слово можетъ быть пере-нято и у нѣмцевъ, ср. ср.—врх.—н. karpus и прусскій провинціализмъ karuste (Frischbier, Preussisches Wörterbuch).

krāsa (comm.) краска—краса, лит. krosa (krōsyti); krāsns (въ словарь Стендера) или krāšus (dial.)—красный (прекрасный); относительно перехода в въ š ср. псковскія формы «пѣшибо», «шяштра» (Соболевскій, Опытъ рус-ской діалектологіи I 30).

lāska (conf.) милость—бр. ласка, п. łaska, лит. loskà.

māni (comm.) обманъ—бр. манъ, мана, лит. mōnai. mānio (dial.) обманщикъ—бр. манъ; mānit (comm.) обманывать—манить, лит. mōnyti.

pāsmā (dial.)—пасмо, п. pasmo, лит. pōsmas.

pàtaga ³⁾ (comm.) плеть—батоги, п. batog, лит. botāgas.

pāčka (conf.) коробочка—пачка, п. paczka.

pāvs (comm.)—навъ, п. raw', лит. pōvas; это слово можетъ быть заим-ствовано также изъ нѣмецкаго языка.

prāva (comm.) тяжба—п. prawo, лит. provà; prāvēt (dial.) исправлять—править, лит. prōvyti; тотъ же глаголь (съ тѣмъ же значеніемъ) является и въ болѣе позднемъ видѣ съ ā: pravīt (dial.).

prāmis (comm.) или gāmis (dial.)—прамъ (поромъ); отпаденіе *p* въ началѣ слова слѣдуетъ приписывать вліянію ливскаго или эстонскаго языка.

sāpūs (въ грамматикѣ Адольфи)—сани; болѣе поздняя форма—sāpas (dial.)—санки и sankas (dial.)—санки.

skāters и skāterītis (dial.) одежда—скатерть.

slābs (comm.)—слабый (?).

stārasta или stārasts (vulg.)—староста.

strādāt (comm.) работать—страдать (ср. страда, страдовать); strādņėks (comm.) работникъ—страдникъ.

svāts (conf.)—свать, лит. svotas; svātūt (conf.)—сватать; svāćao (conf.)—сваты, бр. сваця.

³⁾ Звучные согласные въ лат. языкѣ спорадически перешли въ соответ-ствующие отзвучные, напр.: bekas—pekas, budele—pudele, grabāžas—krabažas, guzakuz—a, dusēt—tusēt, dranīs (нѣм. Drohne)—tranīs, лит. burnà—лат. purna, лит. glėbūs—лат. klėpis; иногда видимъ противоположное: tesmens (лит. tesmu)—desmens, kriška (р. крышка)—griška, нѣм. Planke—лат. blanka и др.; ср. также Брюкнера (стр. 56 сл.) и Geisler, Litauische Studien (стр. 53 сл.).

trāpīt (comm.)—трафить, бр. трапиць, лит. trōpyti; trāpitēo (vulg.)—трафиться, бр. трапицца.

tvāgaka (dial.) творогъ—п. twarog (или ср.—нѣм. tvark?).

vābūt (dial.) призывать—вабить.

vāpēt (comm.) муравить—вапить; vāre (comm.) мурава—вапа.

čārat (comm.) тяжелою двигаться, ползать—бр. чапацца; о заимствованіи свидѣтельствуеъ звукъ č, который въ началѣ слова никакъ не можетъ соответствовать русскому ч.

zābaks (comm.)—сапогъ, лит. sorāgas; о переходѣ s въ z и p въ b ср. прим. 3 и Брюкнера, стр. 54.

zāpasts или sāpasts (conf.)—запасъ, лит. zopōstas.

Сюда же относятся и тѣ рѣдкіе случаи, что на мѣстѣ славянскаго *a* является двугласный *ū*; они объясняются именно тѣмъ, что долгое *a* въ восточныхъ говорахъ лат. языка иногда переходитъ въ дифтонгъ *ī* (-*oa* или *ua*; ср. Bezzenberger, Lettische Dialekt—Studien, стр. 84 сл.). Мнѣ извѣстны слѣдующіе примѣры:

kūžna (dial., Руенъ) запасъ—казна; вѣроятно и форма kūsa (съ тѣмъ же значеніемъ) представляетъ собою измѣненіе того же слова.

rūnis (dial.) господинъ—бр. панъ, п. rap, лит. rōnas.

rūgs (conf., Витебскъ)—паръ.

Сюда же наконецъ относились бы приводимыя Брюкнеромъ слова: bāba (comm.)—баба, лит. bōba; lāva (comm.) полокъ, спальная скамья—бр. лава, лит. lōva; sādža или sādžus (dial.) литовская деревня—бр. садзиба, лит. sodžius, jūša (dial.) глубь, проливъ—яма; но нѣтъ рѣшительно никакого повода считать эти слова заимствованными изъ славянскихъ языковъ (слово sādža заимствовано изъ лит. языка); тому даже противорѣчить или слогаудареніе (bāba, лит. bōba, срб. bāba; чешс. bāba; lāva, лит. lōva) или различіе значенія (jūša—яма; притомъ jūša встрѣчается и въ говорахъ, незнающихъ перехода *a* въ *ū*). Точно такъ же и слова sūdēji, sūdřeji, sūdri (comm.)—сажа, п. sadza, лит. sūdžiai, никакъ не заимствованы латышами: этому противорѣчатъ дифтонгъ *ū*, правильно соответствующій славянскому *a* (какъ напр. въ dūt—дать отъ V[—]dō) и встрѣчаемый также въ среднемъ (литературномъ) нарѣчій, и согласный *d* (V[—]sōd—отъ sēd.).

2) черезъ короткое *a*:

aba (dial.) или ара (dial.)—або.

arūds (dial.) хлѣбный закромъ—бр. арудъ, лит. aru das.

balamūte (comm.) болтунъ—баламутъ, лит. balamūtas.

badraks (conf.)—батракъ.

baraškas (conf.)—баранки (крендельки); слово это несомнѣнно заимствовано, хотя не знаю точно соответствующей славянской формы.

- baġaninš или baġeninš (dial.)—баранчикъ.
branīt (dial.)—бранить.
caciš (dial.), также čaciš, cecī, cecas (dial.) дѣтская игрушка—чеча, цаца, п. саса.
čaja (dial.)—чай.
čarka (vulg.)—чарка.
draġka (dial.)—драка; того же происхожденія вѣроятно и draška или drašis (dial.) шумный споръ.
kalači (conf.)—калачи.
kalīte (dial.) кожаная сума—калита.
karata (dial.)—капотъ, п. karota (или изъ нѣм. Capot?).
karliče (dial.) погребальня—каплица, лит. karlyčė.
karġalis (comm.)—капраль.
karbača (dial.)—карбачъ, лит. karbāčius.
karite или karėte (comm.)—карета, лит. karėtā.
kaĩmanėiks (vulg.)—карманчикъ.
kazakš (comm.) или kazėks (dial.) волостной посыльныйчій—казакъ; kazaška (dial.)—казачѣкъ (пляска).
kazarġa (comm.) или kazarġis (dial.)—казарма.
kasens (comm.) или kasans (dial.) кочерыгъ—качанъ (кочанъ), п. касал; переходъ ġ въ с объясняется цоканьемъ въ Псковской и Витебской губерніяхъ (Соболевскій, Оп. русск. діал. I, 30 и 74).
krawcs (conf., Вит.) портной—бр. кравецъ, п. krawies.
lapšas или lapšas (dial.)—лапти.
malavāt (conf. Вит.)—малевать, п. malować.
manėirka (dial.)—манерка.
paĩmītis (conf.) наемникъ—бр. наймитъ.
palāte (dial.)—судебная палата.
palatka (dial.)—палатка.
palīt (dial.)—палить (стрѣлять).
paruška или parušk'is (dial.)—папушка (табаку).
pasports (dial.)—паспортъ.
pazuġka (vulg.)—пазуха; звука ch въ лат. языкѣ нѣтъ, и поэтому русское *ж* передается черезъ *ж*.
pašėuks (conf., Вит.)—пастухъ.
praši (dial.) дѣла—бр. праца, п. праса.
gabata (dial.) работа; gabotėks (dial.)—работникъ.
gaja (conf.)—рай.
ġanica или ġanice (comm.)—ранецъ; о переходѣ неударяемаго русск. *е* въ *і* ср. Соболевскаго, тамъ же, стр. 29 и др.
ġazbaĩnėks (vulg.)—разбойникъ; встрѣчаются также формы ġazbaĩnėks

и *rezbavība* (dial.)—разбойничество, въ которыхъ *a* перешло въ *e*, благодаря влиянію сосѣдняго *r* (ср. Брюкнера, стр. 43) ⁴).

sads (conf.)—садъ.

sažens (comm.)—сажень.

slava (comm.)—слава, *slavēns* (comm.)—славный (славенъ), *neslava* (comm.)—неслава; слово это однако общеупотребительно и вѣроятно уже давно известно латышамъ, поэтому не исключена возможность, что лат. *slava* не заимствовано, но прямо соответствуетъ р. слово, гр. κλέος, скр. *ḡavas* (ср. глаг. *slu-dināt* гласить и лит. *šlovė*—слава).

stakans (dial.)—стаканъ.

staņcija (comm.)—станція.

starātēs (vulg.)—стараться.

staravers (dial.)—старовѣрь.

staršīnš (dial.)—волостной старшина.

šablis (dial.) сабля—бр. шабля.

šalderis или *žalbērs* или *žalburgs* (всѣ dial.) вертопрахъ, шалунъ—шалберъ, бр. шалдыга, лит. *šaldras* (о переходѣ *š* въ *ž* ср. прим. 3; въ говорахъ гдѣ *š* переходитъ въ *ō*, вмѣсто *žalburgs* встрѣчается и форма *žolburgs*); *šaldi—baldi* (dial.) по-дурачки—бр. шалы-балды ⁵).

šarts (dial.) шутка—бр. жартъ, п. *žart* (о переходѣ *ž* въ *š* ср. прим. 3).

špala (dial.)—шпала.

švanģtēs (conf., Вит.)—чваниться; относительно перехода *š* въ *s* ср. русскую диалектическую форму «што».

tačka (dial.)—тачка.

vargans или *vargana* (dial.)—варганъ, лит. *vargõnai*.

gvalte (conf.) насилие—гвалтъ, лит. *gvāltas*.

zaplava (dial.)—заплавъ.

zalks (dial.)—залогъ.

zastava или *zestava* (dial.)—застава.

znakums (dial.)—знакомый.

značka (conf., Вит.) записка—значёкъ.

zak'is (comm.)—заяцъ, бр. зайка, лит. *zuikis*; по всей вѣроятности это слово заимствовано, хотя нѣтъ точно соответствующей славянской формы.

želavaine (dial.)—жалованье; о переходѣ *a* въ *e* ср. прим. 4.

⁴) Приведу еще другіе примѣры подобнаго перехода: *grazns-grežno*, *braņgs—breņgs*, *sagi-seri*, *gagavas-regavas*, *sagma-serma*; но и въ сосѣдствѣ другихъ согласныхъ изрѣдка встрѣчается тотъ же переходъ: *aēlksnis—elksnis*, *vaēgs—veļgs*, *zastava-zestava*, *žagus-žegus* и др.

⁵) Послѣ *l* и *n* и въ другихъ заимствованныхъ словахъ изрѣдка вставляется *d*, напр.: *dalderis*—н. Thaler, *mālderis*—н. Maler, *dēnderis* (рядомъ съ *dēneris*)—н. Diener.

šlektis (dial.) чистокровный — восходитъ очевидно къ лит. šlėktis (п. szlascata).

Изъ лит. языка (šėdyti) вѣроятно взято и слово šedīt или cėdīt (dial.) — шадить; а слово geĩte (comm.) «аренда» не взято изъ русскаго (бр. ранда, лит. gандà), но изъ нѣмецкаго языка (Rente или Arrēnde).

Брюкнеръ приводитъ еще: šaba (dial.) лягушка — бр. жаба; drava (comm.) или dreve (dial.) пасѣка — бр. доробъ (!); kabata (comm.) карманъ — бр. кабатъ; laidaks или laiduks (dial.) лѣнтяй — бр. лайдакъ, п. ļajdak, лит. laidōkas; rakulas (comm.) — пакля, бр. пакулле; raparde (comm.) — папороть (папоротникъ), лит. rapartis. Но при сопоставленіи словъ šaba и жаба друдно объяснить появленіе š вместо š въ лат. языкѣ (развѣ спорадическимъ появленіемъ звука *дж* вм. *ж* въ нѣк. русскихъ говорахъ и тѣмъ, что сказано въ прим. 3; но это довольно невѣроятно); drava (dreve), лит. drāvis (drēvis) не сближаются, ни формально, ни по значенію, съ бр. доробъ *); kabata и бр. кабатъ въ своемъ значеніи не имѣютъ ничего общаго, и поэтому я вполне согласенъ съ Биленштейномъ, производящимъ (Lett. Spr. I 275) слово kabata отъ V[—]kab — (kabināt — вѣшать, лит. kabėti — висѣть), какъ adata отъ adīt, drupata отъ drupt, alkata отъ alkt (ср. еще žagata, lupata, lamata, plukata, stėpats и др.); р. лайдакъ и п. ļajdak уже своимъ дифтонгомъ *ai* возбуждаютъ подозрѣніе, что они заимствованы, а именно изъ лит. языка; какъ вѣрно уже высказался Потєбня (ср. Mitteil. d. lit. liter, Ges. II 308), а поэтому и лат. laidaks или вовсе не заимствовано, или заимствовано изъ лит. языка, точно также и слова р. пакля, бр. пакулле, п. rakulų Миккола (Bezenb. Beitr, XXI 121) очень правдоподобно считаетъ заимствованными изъ латтскихъ языковъ, а не наоборотъ. Что же касается словъ raparde, лит. rapartis, то мнѣніе Брюкнера, будто бы они были заимствованы изъ слав. языковъ, ничѣмъ не оправдывается. Брюкнеръ производитъ и слово gūnit (comm.) «холостить» изъ русск. языка (ранить, лит. gonyti); но переходъ а въ ū невѣроятенъ.

Остается еще одно очень распространенное и старое заимствованіе, въ которомъ русскому *a* соответствуетъ долгое *e*:

žēl (comm.) — жаль, žēlabas (comm.) сѣтованіе — жалоба, žēlastiba (comm.) — жалость; если *ā* здѣсь не перешло въ *ē* на латышской почвѣ (подобно тому, какъ *ā* въ *ē* въ словѣ želavaine), то «žēl» восходитъ къ русскому *жѣль (то есть: «žēlī»), къ формѣ, которую мы очевидно должны предполагать для «жалъ», и которая происходитъ отъ славолеттскаго корня gēl — который имѣется еще въ латышскомъ словѣ nežēlis «мерзавецъ» (собственно-безжалостный?). Изъ всего этого видно,

*) Если припомнимъ, что drava (лит. drāvis) собственно — дерево съ дупломъ, занятымъ пчелами (р. пчельнице), и что теперь еще въ лат. яз. улей (пасѣка) называется также просто kūks, kuciņš, kūcis (т. е. дерево, деревцо), то становится очень вѣроятнымъ, что drava и лит. drāvis восходятъ къ корню dru или dreu (скр. dru, ц.-с.л. дрѣва, дрѣколь. гр. δρῦς, δρῦτομος. гот. triu), ср. Fick, Vergl. Wörterb. 4 I стр. 68.

что лат. *žēl* несомнѣнно заимствовано, хотя Брюкнеръ вовсе не приводитъ этого слова. Съ такимъ же (но несомнѣнно позднимъ) переходомъ русскаго *а* въ лат. *ē* имѣется еще одно заимствованіе *сѣški* (conf., Вит.)—часто.

И такъ мы видѣли, что славянскому *а* соответствуетъ въ лат. заимствованіяхъ не только короткое, но и долгое *а*, и это долгое *а* встрѣчается какъ разъ особенно въ самыхъ употребительныхъ (значить, старыхъ) заимствованіяхъ; поэтому мы должны полагать (ср. также F. Schmidt, zur Gesch. d. idg. Vocalismus II 165 сл.), что эти слова съ долгимъ *а*, по крайней мѣрѣ отчасти, были переняты у славянъ еще въ то время (это произошло отчасти навѣрно уже до 1200 года), когда славяне сами еще произносили долгое *а*. Конечно, не всѣ заимствованія съ долгимъ *а* восходятъ къ столь давнему времени: нужно именно принимать въ расчетъ, что въ русскомъ языкѣ гласные подъ удареніемъ дѣлаются долговатыми.

Русское *я* передается чаще всего черезъ *ē*:

grēda или *grāda* (dial.)—гряда, также куча (*maškas grēda*—дровяница); *grēds* (dial.) планка—грядка.

jēgma (dial.)—ярмарка.

prēst или *sprēst* ⁷⁾ (dial.)—прясть; *sprēslice* (dial.)—пряслица; *ā* является въ *pralka* (dial.)—прялка.

mētra (comm.)—мята, лит. *mėta*; dial. также *mētra*—п. *mieta*.

rēdes (dial.) шоры—рядъ (ср. п. *konski rząd*), лит. *rėdas*; *rėdit* (dial.) привести въ порядокъ, выдать замужъ—рядить (ср. рядное, рядная запись), лит. *rėdyti*.

stēgs или *stēga* (dial.)—стягъ (пика, шесть).

svēts (comm.)—святой; *svėtki* (comm.) праздникъ—святки; *svėtit* (comm.)—святить.

tēgāt (dial.) изслѣдовать—тягаться?

Остаются примѣры передачи *я* черезъ *ā* или *ē*:

sprādze (comm.)—пряжа, пряжка; но *sprādze* (comm.) «замѣкъ» не имѣетъ (какъ показываетъ также слогаудареніе) ничего общаго съ р. пряжа; о начальномъ в ср. прим. 7.

jermulna (dial.) шапочка жидовъ—п. *jarmurka*.

petaks (vulg.) или *petuks* (dial.)—пятакъ.

При передачѣ русскаго *я* черезъ *e* нужно принимать въ расчетъ, что въ русскихъ говорахъ неударяемое *я* произносится какъ *e*.

Славянское *о* (*ě*) передается 1) черезъ *ā*:

ablava (conf.)—облава, п. *oblawa*.

agurkis (dial.) огурецъ—п. *ogórek*, лит. *aguīkas*.

aēva (comm.) или *alvs* (dial.)—олово, лит. *alvas* (?).

⁷⁾ Латышскія (особенно заимствованныя) слова, начинающіяся съ *k, p, t*, нерѣдко получаютъ еще впереди звукъ *s*.

- artavs (въ библии) лепта—п. ort, лит. ortas.
atals (comm.)—отава, п. otawa, лит. atolas (ср. Bezenb., Lett. Dial.—Stud. 20, прим. 4).
atstaũka (vulg.)—отставка.
bagaturis (въ нар. пѣснѣ изъ Лубана, въ изд. Барона и Виссендорфа № 3858,1) богачь—богатырь.
bajars (dfal.) знатникъ, дворянинъ—бояринъ, лит. bajõgas,
bagavika (dial.)—боровикъ, лит. bagavũkas.
barkškis (dial.) или съ развившимся на лат. почвѣ долгимъ гласнымъ barkškes (dial.)—борщъ, борщевикъ, лит. baĩšciai; относительно перехода *ã* въ *ã* передъ *г* ср. напр. Kãrlis изъ нѣм. Karl, и др.
bačvinš или bačinas (dial.)—ботвинья, бр. боцвинне, лит. batvūno.
baznica (comm.) церковь—божница, лит. bažnyčė; о значеніи слова «божница» ср. Mitt. d. lit. liter. Ges. II 310.
braga (dial.) кровелька надъ сѣннымъ стогомъ—п. brõg.
čabas или čabatas (vulg.)—чоботы (чѣботы).
dabũt (comm.)—добыть.
galava (dial.)—волостной голова; dial. также; goloviča.
gaspaža (vulg.)—госпожа.
gatavs (comm.)—готовый, лит. gãtavas.
gavêt (comm.)—говѣть; gavėnis (comm.) постъ—говѣніе.
gaškis (dial.)—гость; dial. также съ *o*: goste—гостьба.
grasitės (comm.)—грозиться, лит. grasinti; вѣроятно заимствованъ и глаголъ grežũt (dial.) «грозить», съ *a* въ *e* послѣ *г*, какъ нпр. въ gežbalnėks—разбойникъ.
kaĩada (dial.) шумъ; шумная шайка—коляда.
kalata, kalote, kalatka, kalotka (всѣ dial. или conf.)—колода, колода (нѣм. Leisten, Fussblock.).
kalpaks или kalpaka (dial.)—колпакъ, лит. kalpokas.
kałps (comm.) батракъ—холопъ.
kaltũns (dial.)—колтунъ, п. kołtun.
kanere (comm.)—конопля, ср. Брюкнера, стр. 89, прим. 81.
kanevals или kanevalgs (dial.)—коновалъ.
kaĩčuks или kaĩčuka (vulg.) ременная плеть—бр. кончукъ, лит. kaĩčiukas.
karėlka (comm.)—копейка.
karėt (conf., Вит.)—копоть.
kara или kaps (dial.)—копа (60), лит. kara.
karcs, karėis, karėe (dial.)—копица, бр. копѣць, род. п. копцã; въ другихъ говорахъ является и вмѣсто *a*: kurača, kurice, kuricis, что объясняется, можетъ быть, переходомъ неударяемаго *o* въ *u* въ русскихъ говорахъ, напр. Витебской губерніи (ср. Соболевскаго, тамъ же, стр. 75).

karmit (dial.) кормить; dial. также о: kormit.

karūgs (comm.) знамя — хоругвь.

katica или kartica (dial.) — котцы; о вставленном *r* ср. Брюкнера, стр. 59 сл.

kasters (conf; Вит.) — костеръ.

kasučka (dial.) — косушка (мѣра).

kašelis (dial.) или kašele (dial.) — кошель (мѣшокъ); въ Опекальнѣ также съ о: košulis.

katls (comm.) — котель (или ср.-н.-нѣм. kotel?); katlers (conf., Вит.) — котляръ.

kažuks (comm.) или kažuks (dial.) — кожухъ.

kavāt (dial.) хранить — ховать, п. showac, лит. kavoti; Брюкнеръ приводитъ еще изъ словаря Ульмана форму kavāt, взятую изъ сочиненій Бронвальда, но это — источникъ ненадежный, а приводимый Брюкнеромъ глаголъ kavēt (comm.) медлить, мѣшать, уже по значенію своему не имѣетъ ничего общаго съ р. ховать, п. showac.

klānit (comm.) — клонить; klānitēs (comm.) — клониться (?).

klapata (vulg.) или klapasta (dial.) — хлопота; klapatāt (vulg.) — хлопотать.

klāpācis или klāpā (dial.) мальчикъ, слуга — хлопецъ, лит. klāpācis; въ нѣв. говорахъ является о: klopācis, klopā, klopāka, klopāiks, или даже е: klēpā.

krālit(i)s или krāliņš (dial.) — кроликъ.

kvārs (conf.) — хворый.

laža (dial.) каменная скамья около печи для спанья и сидѣнья — ложе;

lažņa (dial.) импровизированная постель.

kravata (dial.) — старая кровать.

lavīt (dial.) — ловить, lavītēs (dial.) — подстергать.

magaričas (vulg.) — могорычъ.

malācis (vulg.) — молодець.

mašelnēks (dial.) — мошельникъ (мошенникъ).

nazis (comm.) — ножъ (?).

radoska (dial.) — подоска.

ragadi (dial.) — погода.

ragasts (comm.) волость — погость.

ragrabs (comm.) — погребъ.

rakmels (conf., Вит.) — похмелье.

raķoiniks (conf.) — покойникъ.

rakuta (dial.) — повуга; rakutņiks (dial.) — бр. повутникъ.

palags (comm.) простыня — пологъ, лит. palagas.

paļkavņēks (comm.) — полковникъ; dial. также pulkavņēka.

raminkas (conf., Вит.) — поминки.

- paḡāds (conf., Вит.) совѣтъ—бр. порада.
 paskani или paskaņas (comm.)—посковнѣ.
 pastalas (comm.)—постолы.
 pastruńkīs (dial.) плеть—бр. постронокъ, п. postronek.
 patješkās, paškās, paķīškās, paķīši, paķītes (dial.)—подтяжки.
 pažags, pažaga, pažūgs (conf., Вит.) кочерга—пожогъ, п. ožog?
 pažičēt (conf., Вит.) ссудить—п. роўсзуч лит. žūcyti.
 pavada или pavads (comm.)—поводъ (бразда).
 pavārs (comm.)—поваръ; pavārnica (dial.)—поварница.
 prasts (vulg.) грубый—простой; dial. также съ o: prosts.
 prakvasts (vulg.) негодий—прохвость.
 raks (dial.) срокъ—бр. рокъ, п. rok, лит. rākas.
 rasalē или rašuls (dial.) расоль—бр. росоль, лит. rasālas.
 saldačka (conf., Вит.)—солдатка.
 skavārdis (conf., Вит.) сковородникъ (вертель)—сковорода; skavārdnice (conf.)—сковорода.
 smatrus или smatra (dial.)—смотръ; smatrīt (dial.)—производить смотръ.
 staika (dial.) шинокъ—стойка; dial. также съ o: stoika.
 strajas (dial.)—строй; saūr strajām dzīt—прогнать сквозь строй; dial. также съ o: strojas.
 svabads (dial.)—свободный.
 šaras (dial.)—шоры.
 taība (comm.)—торба, лит. tarba.
 tavariča (dial.)—товарищъ.
 vātka (dial.)—водка; dial. также съ o: votka.
 valaks или valaka (dial.)—волокъ, лит. valaka.
 valacītēs (conf.)—волочиться.
 valā (comm.) досугъ—воля (?).
 važa (dial.) поводъ, цѣпь—вожья,
 zvans (comm.) колоколъ—звонъ, лит. zvālas; zvanīt (comm.)—звонить, лит. zvānyti.

2) черезъ ъ:

Кромѣ уже приведенныхъ словъ, въ которыхъ ъ чередуется съ ā, сюда еще относятся:

- bo (conf.) ибо—бр. бо, п. bo.
 bobuls (conf.)—бобыль.
 drobiškās (conf.) крошки—бр. дробочки.
 korniks (dial.)—кормникъ (кормчий).
 koč (dial.) хотя—бр. хоць; Брюкнеръ относитъ сюда также kačīu (kačīu) и Мюленбахъ (въ Teikums, стр. 101) даже kačt (comm.) «если бы» (латинское utinam), «хоть бы»! противъ этого говорятъ слогаудареніе и различіе значенія и формы: изъ славянскаго o здѣсь никакъ не могло произойти

лат. *aū* (ничего похожего на это нѣтъ), и потому *kaūtu kaūtsu* нужно пока считать коренными латышскими словами.

koza (dial.) скорлупа, струць, сухая кора—кожа; относительно перехода *ž* въ *z* ср. псковскія формы: музика, сазаль и др. (Собол., тамъ же стр. 30); въ нѣкоторыхъ говорахъ является *ī*: *kuza*.

koš, koš! (въ другихъ говорахъ также *kuž, kuži!*) слова, употребляемая, когда приласкиваются къ лошади, — лит. *koš, koš*, п. *koš*; отсюда произведено дѣтское слово *košīnš* (dial. также *kuža*) лошадка—бр. кося.

kroras (conf.)—кропъ.

mož (dial.) можетъ быть—бр. може, п. *može*.

kompajs (dial.) чарка водки—темнуха (темное?).

oboze (dial.)—обозъ.

obrazs (dial.)—образъ (н. Heiligenbild).

obroks (dial.)—оброкъ.

obads (conf.)—ободъ.

obažēt (conf.) издѣваться, насмѣхаться—обажати.

plotņeks (dial.)—плотникъ.

poľaks (dial.)—полякъ, п. *polak*.

pora (dial.)—попъ (игрушка); *rops* (dial.) волостной голова—попъ.

porica (dial.)—порица.

prošava (conf.)—прощаніе.

stolers (conf., Вит.)—столяръ.

stroža (vulg.) приказчикъ—п. *strōž*; dial. также: *straža*.

tolks (conf.) совѣтъ, помощь—толкъ.

tolmēt (conf.) понимать—толмить.

torņici (dial.) церковная кружка—топница, лит. *torņucē*.

troika (dial.)—тройка.

zolners (dial.) солдатъ—п. *žolnierz*, лит. *žialnērius*.

3) черезъ *ū*:

bulvāns, bulāns, bulēns (dial.) чучело—болванъ.

gruņada или *gruņata* (dial.) совѣщательное собраніе—громада, лит. *gruņadas*.

kuņts (comm.) борзая собака—хортъ, лит. *kūrtas*.

luģis (dial.)—лодья; *luģinēks* (dial.)—лодейникъ.

pluťs (dial.)—плоть.

stulbs или *stulps* (dial.)—столбъ, столпъ, лит. *stulpas*.

tuľks (comm.) толмачъ—толкъ, лит. *tulkas*.

tulpētē (dial.)—толниться.

žulťs (comm.)—жѣлъчь, п. *žolc*.

4) черезъ *ū*:

rūta (comm.)—рота.

rūlis (comm.)—полякъ, п. *polak* (ср. *Pol-ska!*); относительно перехода

о въ и ср. русскія діалектическія формы: вуоль, мюодъ и др. (Соболевскій, тамъ же, стр. 91 сл.).

Остаются еще рѣдкіе примѣры совсѣмъ неправильной передачи русскаго о: *pesilkas* (dial.)—носилки; гласный е возникъ вѣроятно влияніемъ глагола *nešt* «нести».

zelts (comm.)—золото (?).

paša (conf. Вит.) водоносное коромысло—ноша.

vaiždiks (dial.) «гвоздика» восходитъ прежде всего къ лит. *gvaizdikas* (съ *ai* вм. *a* изъ *žvaigždė*?)

Въ латышскомъ среднемъ (литературномъ) нарѣчій нѣтъ гласнаго о, и поэтому, какъ мы видѣли, славянское о, обыкновенно передается черезъ ѣ. Слова съ ѣ принадлежатъ такимъ лат. говорамъ, которые имѣютъ гласный о. Если же вмѣсто русскаго о является ѣ, то въ общеупотребительныхъ словахъ (напр. *kuģis tulks*) это ѣ вѣроятно восходитъ еще къ русскому з (хѣртъ, тѣлкъ); а въ болѣе позднихъ заимствованіяхъ это ѣ вѣроятно объясняется произношеніемъ неударяемаго о какъ у въ нѣк. русскихъ нарѣчійхъ.

Брюкнеръ считаетъ заимствованными и слѣдующія слова (съ славянскимъ о): *bagāts* (comm.) богатый, лит. *bagotas*; *bass* (comm.) босой, лит. *bāsas*; *da* (dial.) до, лит. *da-*⁹); *daba* (comm.) нравъ, природа—бр. доба, лит. *daba*, *dārgs* (comm.) дорогой; *gads* (comm.)—годъ; *gadītēs* (comm.) случаться—бр. годзицца, лит. *gādītis*; *gādāt* (comm.) доставать, хлопотать—бр. годзиць; *kāģtāt* (dial.) лупиться—бр. коротаць; *kaza* (comm.)—коза; *prasīt* (comm.) спросить, требовать—просить, лит. *prašyti*; *lāpsta* (comm.)—лопата; *radi* (comm.)—роды, родственники, *gadīt* (comm.) создавать—родить; *salms* (comm.) соломина—солма (ср. срб. слама, чешс. slama); *sams* (dial.)—сомъ, лит. *šāmas*; *plūta* (dial.) мясо, кожа, кишки—плоть (ср. ц.—сл. плѣть); *pulks* (comm.) толпа—полкъ (ц.—сл. плѣкъ); *skūģbt* (comm.) сдѣлаться хмельнымъ—скорбѣть (ц.—сл. скръбь). Но мнѣніе Брюкнера ничѣмъ не оправдывается: ничто не мѣшаетъ намъ полагать, что это все коренныя латышскія слова. Слово *ragāns* (comm.) «язычникъ» могло войти въ составъ лат. языка также при посредничествѣ пѣмцевъ—католиковъ (латинское *ragānus*). Слово *stadala* (comm.) конюшня при корчмахъ—р. стодола, лит. *stadolē* н. *stadolle*,—по всей вѣроятности литовско-латышское слово, образованное отъ глагола * *stadīt* (ср. *stadini* и *statīt*) «останавливать» (произведеннаго отъ *stāt* «стать», какъ напр. *dziņdīt* «пойть» отъ *dzeit* «пить», ср. *Bielenstein*, Lett. Spr. I стр. 213) при помощи суффикса—*ala* (ср. *bištala*, *dējala*, *sēnala*, *sūkalas*, *sestala* и *Biel. Lett. Spr. §§ 196—198*), и значить тогда: «постоялый дворъ». Форма *stedele* (*Biel.*, Lett. Spr. § 198) образовалась изъ *stadele* влияніемъ гласнаго е въ

⁹) Предлогъ *da* (*da-*) вовсе не такъ неупотребителенъ, какъ утверждаетъ Брюкнеръ (стр. 161): въ Лифляндіи онъ довольно часто встрѣчается въ народномъ говорѣ какъ *praeg*. *insepar*.

слово—de-. Итакъ слѣдуетъ полагать, что русскіе (и нѣмцы) заимствовали это слово у латышей (или литовцевъ), а не наоборотъ. Тоже самое нужно сказать про *bandas* (dial.) «выслуженная доля земли»—лит. *bandà*, бр. *бонда*; Это отчасти призналъ потомъ и самъ Брюкнеръ (стр. 204); что бр. *бонда* заимствовано, видно изъ сочетанія—онд- (вмѣсто ожидаемаго—уд-). Такъ же и слова *slūka* (comm.), лит. *slauka*, пр. *slanke* «вуликъ», «слука», не заимствованы изъ малорусскаго нарѣчія («слонька»), но малорусское слово (какъ показываетъ р. *слука*) заимствовано вѣроятно изъ литовскаго языка. Что же касается словъ *tīgus* (comm.) рынокъ—торгъ (ц.-сл. трѣгъ), лит. *tūtigus*, и *sāls* (comm.)—соль, то также ничѣмъ нельзя доказать, что они заимствованы латышами у славянъ; слово *sāls*, если оно дѣйствительно заимствовано, можетъ быть перенято и изъ другихъ языковъ (лат. *sal*, гот. *salt*).

Славянское е передается 1) черезъ ё:

berlinka (dial., устарѣло) пятакъ—берлинка.

bez (comm.)—безъ, лит. *bè*; можно, однако, также полагать, что лат. *bez* не заимствовано (ср. скр. *bahis!*).

bez mēns (comm.) или *vez mēns* (dial.)—безмень, лит. *bez mēnas*.

čerpaks (conf.)—черпакъ; другая форма—*čerpāgs* (conf.), гдѣ сочетаніе—čgr- измѣнилось въ -čgr-, благодаря восходящему (или нисходящему) слогоударенію, какъ и въ

tēgrīt (conf.)—терпѣть; dial. также *terpīt*.

četri (comm.)—четыре; латышская форма была бы **set(u)ri* (ср. *setur-tais*—четвертый^{*)}).

čverte или *šverte* (dial.) четверть—п. *ćwierć*, бр. *чверть*, лит. *čvėrtis*, *svertas*.

deņčīks или *deņšīks* (dial.)—денщикъ.

ģegūts (dial.)—деготь; а «деготь» въ свою очередь передѣлано вѣроятно изъ лат. *degūts* или *deguts* или лит. *degūtas*, ср. *Mikola*, *Bezenb. Beitr. XXI 119*.

jelcis (dial.)—елець.

kēša (vnlg.) карманъ—п. *kieszon*, лит. *kėšėnius*.

ledaks или *ledēks* (dial.) хилякъ, грубиянъ, чловѣкъ дурного поведения—лит. *ledākas*, бр. *ледашчикъ*, п. *ladacs*.

lemesis (comm.)—лемешъ, п. *lemiesz*; *lemesnīca* чистилка у плуга—п. *lemiešnica*.

leste (dial.) камбала—лещъ, п. *leszsz* (эст. *lest*.)

lenta или *linta* (dial.)—лента, лит. *linta* (?).

pedel'a (comm.)—недѣля, лит. *pedėlia*.

^{*)} Брюкнеръ полагаетъ также, но безъ достаточнаго основанія, что и *d* въ *devīni*, лит. *devūni*, перенято изъ русскаго (слав.) «девять» (пр. *pevīnts*—девяти); ср. объ этомъ *Wiedemann, Handb. d. lit. Spr, § 54, прим. 1.*

- negadns (dial.) негодный, недостойный, п. niegodny.
gembas (dial.) губы — п. gęba.
niešpars (conf., Вит.) вечерня—бр. нешпоръ, п. nieszpor.
nevala (comm.) недосугъ—неволя (?).
pergadelis (dial.) дьяволъ—лит. pergėtelis, неприятель (ср. неприязнь!).
rekle (dial.) омутъ, бездна—пекло, лит. reklà.
reģīza (dial.) поромъ—перевозъ.
rečka (dial.)—печка.
petruška (conf., Вит.)—петрушка, п. pietruszka.
pleme (dial.) семейство—племя, лит. plėmė.
pletne (dial.)—плеть.
plenica (dial.)—пленница (п. Flossholz).
pleci (comm.) или pileči (dial.)—плечо, п. plėsu; латышская форма
была бы * p(l)ėši (ср. лит. petis).
gemesis (въ библіи) плотникъ—ремесленникъ, лит. gembėsas, бр. ре-
месникъ.
sebrs (dial.) собратъ, пріятель—бр. себрь (ц.-сл. себрь); но выяснены
діалектическія формы: sėbris, sãbris, sũbars, suburs, ср. лит. sėbrsas, бр. сябрь,
эст. sõbber.
slejas (dial.)—шля, п. szleja.
serģis (dial.)—сердитый человекъ.
smerte (conf.)—смерть, лит. smėrtis.
sterva (dial.)—стерва, лит. stėrva.
špetns (dial.) гадкій, дикій—бр. шпѣтный, п. szpetny.
tesele или tēsele (dial.)—тесла (? ср. глаголъ test или tēs тесать—!);
teslica (conf.)—теслица.
vengri (dial.) венгерцы—лит. veĩgtai, п. wegry.
verste (comm.)—верста.
vesels (comm.) здоровый—веселый (?).
žerbiūš или žirbiūš (dial.)—жеребій.

Сюда относились бы еще слѣдующія, по миѣнію Брюкнера, заимствованныя
слова:

tel'š (comm.) теленокъ, лит. telis; tele (comm.)—телка; нѣтъ никакого
повода считать эти слова заимствованными; только telice (dial.)—телица. лит.
telycė, можетъ-быть, заимствовано, въ пользу чего говорить суффиксъ-ice.

venteris (dial.)—вентеръ, лит. vėnteris, п. węcierz; по Словарю русск. аз.
Академіи Наукъ эти славянскія слова заимствованы изъ лит. языка, а не
наоборотъ.

dzenūlo (устарѣло) улей — п. dzien; латышское слово (ср. также dzeiņš,
dzeinis, bārdudzīt) вѣроятно образовано отъ корня gen (dzīt, graes dzēni, лит.
genėti) и не имѣетъ въ такомъ случаѣ ничего общаго съ польскимъ словомъ,
произведеннымъ отъ глагола dзиаć (какъ и dzianka и dzienie).

Даже возраженія не заслуживаютъ попытки Брюкнера соединять ёгсеа (dial) «ссорливая женщина» и ёгсётёс (diab) «мучиться», «сориться» (отъ ёгсе, лит. егкё «клевъ»; ср. также словарь Ульмана подъ этимъ словомъ), съ бр. ёрзаць, и. негудс (отъ гудъ честь, comm.) «позоръ» съ р. негодий и бр. негод-някъ.

2) черезъ i:

biřkavs (comm.)—берковоць, лит. birkavas.

kristit (comm.)—крестить (н. taufen); гласный *й* въ krustit (dial) «крестить», krustilės (comm.)—креститься, krusts (comm.)—крестъ, вѣроятно объясняется контаминаціею формъ *krists (р. крестъ <крѣсть>) и латинскаго crix, кр.-нѣм. k'róse.

sileke (comm.), лит. silke—сильдъ.

stikls (dial), лит. stiklas—стекло (ц.-сл. стькло).

svikls (dial), лит. sviklai—свекла, п. świkl.

timnice (dial)—темница (ц.-сл. тьмница).

zizlis (dial)—жель (ц.-сл. жьзль); латышская форма была бы *dzizlis.

Гласный *й* въ этихъ словахъ (за исключеніемъ слова svikls ?) вѣроятно передаетъ древне-русское *ъ*.

Остаются еще примѣры неправильной передачи славянскаго *е*:

častit (dial) угощать—честить.

čamařaga (dial)—чемерица, лит. čiamerūšios.

šaves (conf., Вум.) сапожникъ—п. szewc, бр. шевецъ.

čumedaņs или čumata (dial)—чемоданъ, лит. činpada.

vrėgs или vřiga (dial), лит. vrėgas «шпіонъ» —п. špieg (др.-врх.-н. vřeho); латышское слово вѣроятно взято не прямо изъ польскаго, но изъ литовскаго языка.

Брюкнеръ несправедливо считаетъ заимствованными еще слѣдующія лат. слова: cil'vėks (comm.)—человѣкъ; встрѣчается еще диалектическая форма съ *k* (kilvėkelis «человѣчекъ»), и поэтому заимствованіе должно было произойти еще въ то время, когда славянское мягкое *к* еще не превратилось въ *ч*, а говорить безъ надобности о заимствованіи въ столь древнее время,—это дѣло фантазіи, не науки. То же самое слѣдуетъ сказать про dzilna (comm.) «дятель» (черный или зеленый; а пестрый дятель называется dzenis)—желна; *dz* правильно соответствуетъ русскому *ж* (изъ *ǰ*). Слова krams или krems (comm.)—время, pavags (comm.)—небога, vilna (comm.), лит. vilna—волна, п. welpa (срб. вуна), также ничѣмъ не заставляютъ думать о заимствованіи. Что же касается слова krėslis (comm.), лит. krėslas—кресло, п. krzesło, то заимствованіе здѣсь произошло вѣроятно со стороны славянъ, ср. Mikkola, Bezenb, Beitr. XXI, 120.

Славянское *ъ* передается 1) черезъ ё:

dėdis (dial.) старикъ—дѣдъ (изъ *dhēdhos, какъ показываетъ гр. τῆδῆγ и латышское dēdēt (comm.) дряхлѣть).

dēlēt (dial.) — дѣлѣть.

dēlāt въ izdēlāt (dial.) — сдѣлать.

bēdnis (conf.) — бѣднякъ.

slēde (dial.) — слѣдъ.

svēžs (conf., Вит.) — свѣжій.

2) черезъ ѣ:

cēls (dial.) — цѣлый; въ другихъ говорахъ (ср. Bezzenb, Less. Dial.-Stud. 87 сл.) ѣ перешло въ ѣ, и такъ получилась форма cāls; то же самое произошло въ словѣ:

cāns (conf.) изъ *cēns — цѣна.

dēl' (comm.), лит. dēl' «радн» — ц.-сл. дѣля (ср. р. богадѣльня и готское in dailai «радн»).

grēks (comm.) — грѣхъ.

klēvs (conf.) — хлѣбъ; въ другихъ нарѣчїяхъ ѣ перешло въ ѣ: k klāv (conf.).

mēms (comm.) — нѣмой (?).

lēcēt въ izlēcēt (dial.) — излѣчить; dial. также съ короткимъ e izlēcēt

sērs (dial.) — сѣра.

strēlēt dial.) — стрѣлять; слово же strēla (dial.) «полоса» — стрѣла, нѣм.

Strahl (изъ *strēla) вѣроятно не заимствовано.

vēsts (comm.) — вѣсть (изъ *voistis).

Безъ достаточнаго основанія Брюкнеръ считаетъ заимствованными и слѣдующія слова: klēts (comm.), klētis — клѣтъ (ср. слогуудареніе!); mērs (comm.) — мѣра (отъ $\sqrt{mē}$): tāls (dial) образъ, скелеть — тѣло; а слова: vērs līkt или nēmt (comm.) «принимать въ уваженіе» и vērūt (comm.) «наблюдать» не имѣютъ, какъ показываетъ ихъ значеніе, никакой связи съ р. вѣра (латинскимъ vērus), но родственны съ др.-врк.-н. wāga (изъ *wēga) «вниманіе», «забота» (ср. нѣм. wahnnehmen) и греч. ὄρα «забота» или «вниманіе».

3) черезъ ѣ:

belaks (dial.) — бѣлякъ (бѣлый заяцъ).

сена (comm.) — цѣна (изъ *goinā); а слова сѣна (употребляются теперь только въ loc. sing. сѣнā) «уважаніе» и сѣnit (comm.) «уважать» не заимствованы, но наследованы изъ индоевр. праязыка (ср. лит. kalpa).

k'elčiks (dial.) тѣлогрѣйка (-* тѣльчикъ?).

lesnēks (conf.) — лѣсникъ.

plēška (dial.) — плѣшка.

sedli (comm.) — сѣдло; dial. также segli.

sedulka (comm.) — сѣдлака.

svēce (comm.) — свѣча.

вернѣба (conf.) — вѣрность; dial. съ переходомъ сочетанія —ērn — въ —ērn-: vērnība (conf.).

Остаются примѣры неправильной передачи слав. ѣ:

sinces (conf.)—сѣнцы (ср. спорадическій переходъ *ъ* въ *и* въ псковскихъ говорахъ. Соболевскій, тамъ же, 29 сл.).

vīgrīt (dial.)—вѣрять; *ī* здѣсь вѣроятно восходитъ къ *ë* (ср. *Bielenstein, Lett. Spr.* I стр. 96).

cišags (dial.) царь, цѣсарь, передѣлано изъ лит. *šesogius*.

Брюкверъ считаетъ заимствованнымъ изъ славянскихъ языковъ и слово *k'laips* (comh.)—хлѣбъ (н. *Laib*), но дифтонгъ *ai* указываетъ на заимствованіе изъ германскихъ языковъ (гот. *hlaifs*).—Серьезнаго возраженія почти не заслуживаетъ мнѣніе Видемана (*Lit. praet.* стр. 17 и *Handb. d. lit. Spr.* стр. 13), что литовско-латышское *ai* въ серединѣ слова не переходитъ въ *ë*, и что по этому слова, какъ напр. *snëgs*, лит. *snegas*—снѣгъ, *atėlekas* «остатки»—ц.-сл. отгѣлькъ и др., заимствованы изъ славянскихъ языковъ (въ *Handb. d. lit. Spr.*, стр. 16 онъ, впрочемъ, отчасти уже отказывается отъ этой причуды). Между тѣмъ этотъ переходъ встрѣчаемъ въ довольно многихъ словахъ (иногда соответствующихъ славянскихъ формъ вовсе не знаемъ), напр.: *lėks*—гр. *λοῦκος*, *ėšmas*, лит. *ėšmas*—пр. *ausmis*, *sėks*—лит. *saĩkas*, *kvėši*, лит. *kvašiai*—гот. *hvaiteis*, *brėdis*, лит. *brėdis*—пр. *braudis* и др.; объ условіяхъ этого перехода ср. статью Явниса (Гуковскій, Поневѣжскій уѣздъ, стр. 125 сл.).

Славянское *и* передается 1) черезъ *і*:

biguse (dial.) родъ кушанья—бр. бигушь.

bizūns (dial.) плеть—бр. бизунъ, лит. *bizunas*.

blina (dial.)—блинъ; dial. также *blinčuks* и съ долгимъ *і*: *blīnis*, лит. *blūnai*.

brite (dial.)—бритва.

brička (dial.)—бричка.

čintt (dial.)—чинить (н. *flicken*).

induks или *indiks* (dial.)—индюкъ.

izvažas (dial.)—извозня.

istaba (comh.) комната—истба (изъ истьба).

k'ibitka (dial.)—кябитка.

k'ika (dial.) кика, лит. кука.

k'ila (dial.)—кила (грыжа).

k'iški (dial.)—кишки.

lib (въ катихизисѣ 1586 года)—либо.

lišk'is (conf. Вит.) лишній—лишекъ, бр. лишка.

miška (dial.)—мишка.

ni (dial.) не—ни.

piľ'avāt (conf., Вит.) стеречь—бр. пильноваць, лит. *piľnavõti*.

prība(u)ka (dial.)—прибавка.

prīpraža (dial.)—припряжка.

prival'īt (dial.)—привалить.

prizval'a (dial.) прозвище—призвать.
 rīja (comm.)—рига (овинг). н. Riege?
 spīckas (comm.)—спички.
 spilka (conf., Вит.)—шиллька (н. Stecknadel), лит. spilka.
 svin(d)s (comm.)—свиноць, лит. švilnas; dial. также: zvinš.
 šinelis (vulg)—шинель.
 šinka (conf., Вит.)—шиноць, лит. šinkà.
 vica (dial.) гибкій пруть—п. wic, лит. vicas.
 vitēt (dial.) пить за чье-либо здоровье, кутить—бр. витаць, лит. vitoti.
 žvati (conf.) домашній скотъ—бр. животы; živa (conf.) жизнь (ср «пожива»); žival! (dial)—живѣ!

Брокнеръ считаетъ заимствованными и слѣдующія слова. i (dial.)—и; слово это однако сокращено изъ ir «и» (какъ напр.: a' < ar, pa' < pag и др.); ika или iki (comm.), лит. ika!—икра (н. Wade и Fischroggen), но нѣтъ никакого основанія считать эти литовско-латышскія слова заимствованными; то же самое слѣдуетъ связать про zvirgzdi (comm.) лит. žvirgzdas «дресва»—п. zwir, бр. жвирь.

2) черезъ ĩ.

dīgāt (dial.)—двигать.
 diva или divs (dial.) чудовище—диво, дивъ, лит. dīvas (ср. De Saussure Mém. de la soc. de ling. VIII 431).

(g)riba (dial.)—грибъ, лит. grūbas.

ībt (comm.) упасть въ обморокъ—гибнуть; dial. также: guibt изъ *гибнуть.

kīvēlis (comm.)—кисель.

klīns (dial.) грыжа—клинъ?

pirāgs (comm.)—пирогъ.

plīte (comm.)—плита, лит. plytā.

siga или sika (dial.)—сигъ (сѣкъ), лит. sykė.

svinit (dial.) загрязнить—п. šwinić.

svita (dial.) одежина—бр. свита.

žids (comm.)—жидь.

Брокнеръ считаетъ заимствованными и слѣдующія слова: dirāt (comm.) сдирать кожу, лит. dirti; gnīda (comm.) гнида, лит. glnnda (срб. гнѣда); īsts (comm.)—истый; nītis (comm.) «ниченицы», лит. nūtis—нить; но ничто не принуждаетъ насъ здѣсь думать о заимствованіи. Что же касается слова kītis (dial.) «чистоплотный», то оно (при такомъ значеніи) врядъ ли имѣетъ что-нибудь общаго съ р. «хитрый» и лит. kytis.—Такъ какъ латышское ĩ не переходитъ въ i, то передача славянскаго и черезъ ĩ вѣроятно объясняется, по крайней мѣрѣ въ болѣе употребительныхъ словахъ, тѣмъ, что во время заимствованія славянское и произносилось еще долго. Славянское и иногда восходить къ дифтонгу ei, и отголосокъ этого дифтонга мы вѣроятно имѣемъ

въ уже упомянутомъ словѣ *křevs* (comm.) русскій — кривичъ. Сюда относились бы еще и другія слова, если бы оправдалось (что довольно невѣроятно) мнѣніе Брюкнера, что они заимствованы: *ěskāt* (dial.) искать вшей, лит. *ėškoti* (др.-врх.-н. *eiskōn*): *ěva* (comm.) черемуха, лит. *ėvā*—ива, срб. *ība*, чешс. *jiva* пр. *invis*; ср. F. Schmidt, z. Gesch. d. idg. Voc. I 48); *měrs* (comm.) миръ (покой), лит. *mėras* (ср. Брюкнера, стр. 107, прим. 145); *sěts* (comm.), лит. *setas*—сить, срб. *sīto* (прекрасное совпаденіе слогаударенія показываетъ, что это слово принадлежало уже славолетскому, но крайней мѣрѣ литовско-латышскому, праязыку); *alėpas* (comm.)—слина. Наконецъ Брюкнеръ считаетъ заимствованнымъ изъ слав. языковъ и слово *vaina* (comm.)—вина (также: ошибка, причина, рана), но русское *и* никакъ не могло перейти въ латышское *ai*.

Русское *у* (*ю*) передается 1) черезъ *й*:

bl'ūda (comm.)—блюдо, лит. *bliudas*.

dūma (comm.) мысль—дума, лит. *dūmā*; *dūmāt* (comm.)—думать, лит. *dumōti*.

kūds (conf.)—худой, худощавый, dial. также съ долгимъ *u*: *kūds*, лит. *kudas*.

kūdel'a или *kūdel's* или *kūdal'a* (comm.)—вудель (п. *kadziel*), лит. *kudelis* (црк.-сл. копѣль) ¹⁰).

kūkalis (comm.)—полевой куколь, лит. *kukalis*; литовское слово несомнѣнно заимствовано (ср. п. *какол*), а латышское *kūkalis*, можетъ быть, тождественно съ лит. *kankalas* «волоколъ» (это значеніе, должно быть, имѣли первоначально и р. куколь, п. *kaKol*; ср. *pul'kstenites*—колокольчики).

lūks (comm.)—мелкій лукъ; conf. также съ долгимъ *u*: *lūkava*—луковца.

muka (comm.)—мѣка (ц.-сл. *монка*), лит. *mukā*; *mucit* (comm.)—мучить, лит. *mučyti*; въ болѣе поздней формѣ является *й*: *mučit* (dial.).

uma (dial.)—умъ, лит. *umas*.

puds (comm.) полупудовникъ—пудъ (или изъ латинскаго *pundus*?); въ формѣ, недавно перенятой, является короткое *u*: *puds* (comm.)—пудъ.

puga (comm.)—пуговица (*пуга?).

pustit (comm.) опустошать, лит. *pustyti*; *pustaša* (comm.)—пустошь; *pusts* (comm.) бѣда; въ позже заимствованныхъ формахъ является *u*: *pusti* или *pustas* (dial.) развалины, *puška* (dial.) пустошь—п. *puszcza*.

prūds (conf.)—прудь, лит. *prudas*.

rubeža (comm.)—рубежь, лит. *rubežius*.

skups (comm.)—скупой (п. *skapy*), лит. *ėkupas*.

ėkruskī (dial.)—крючка (п. *Ranke*), ср. прим. 7.

suds (comm.) наказаніе—судъ, лит. *sudas* (п. *vad*); *sudit* (comm.) называть—судить, лит. *sidyti*; *snu* (comm.)—р. судья.

¹⁰) Весьма странна догадка Видемана (lit. Praet. 38), будто *u* въ *kudel'a* восходитъ къ дифтонгу *ou*.

sulti (comm.)—сулить, лит. siulyti.

suma (comm.)—сума; въ болѣе поздней формѣ является короткое и: suma; dial. встрѣчается также форма—šuma.

Брюкнеръ несправедливо считаетъ заимствованными еще слѣдующія слова: zubs comm.—зубъ (п. zdъ.); въ пользу того что лат. zubs не заимствовано, говорить лит. žambis «соха» (ср. гр. ὑμφος; вѣроятно и лит. žambas «кромка», «край»—то же самое слово); относительно перехода—am—въ ѣ ср. напр. lupе «свотъ»—гот. lamb, turp «дѣлаюсъ»—лит. tamrū и др.—klups (comm.) «гумно», лит. klupas—р. клуныя; какъ указалъ Явнисъ (Понев. уездъ, стр. 128), литовско-латышское слово правильно произведено отъ √ klá—(лат. klāt, лит. klōti «стлать», р. класть), и если такъ, то вѣроятно р. клуныя заимствовано изъ балтійскихъ языковъ. А лат. klēnis (dial.) «гумно» вонечно еще меньше можно считать заимствованнымъ, чѣмъ klups, потому что русское у никакъ не могло перейти въ лат. ё. Наконецъ Брюкнеръ относитъ сюда и ulpiсе (dial.) «сельская дорога»—улица. но принимая заимствованіе, трудно объяснить ѣ въ ulpiсе, и слово это можетъ быть образовано отъ ula «голышъ».—Почти всѣ тѣ слова, въ которыхъ русское у передано черезъ и, очень употребительны и общезвѣстны въ лат. языкѣ, и поэтому можно полагать, что они были очень рано заимствованы, а именно еще тогда, когда вмѣсто гласнаго у еще проносился дифтонгъ (приблизительно ou, изъ котораго потомъ произошелъ гласный и, и еще позже ѣ-у; тотъ же дифтонгъ конечно былъ и замѣстителемъ прежняго ou): латышское и могло произойти въ этихъ словахъ только изъ дифтонга ¹¹⁾).

Въ соответствующихъ литовскихъ словахъ почти всегда является и, то есть: они были позже заимствованы, чѣмъ латышскія слова.

2) черезъ

buda (comm.) хижина-буда; въ словѣ, позже заимствованномъ, является и: budka (vulg.)—будка.

čuditēs (dial.)—чудиться, лит. čiudytis.

duda (dial.) дуда, дудка, лит. duda; dial. также: duidas «скрипка».

duša (comm.) отважность-душа, лит. dušia.

gužas (dial.)—гужь (н. Kummetriemen); позже является и: gužas (conf.).

guža (dial.)—гусь.

kpute (dial.)—кнутъ.

kums (comm.)—кумъ, лит. kumas.

kuk' i или kuči или kuсе (dial.)—вутья, бр. вуцця.

kūlis (comm.) снопь, лит. kulys (gen. kulio)—бр. куль, п. kul.

libet (conf.) нравиться—любить.

¹¹⁾ Единственный гласный, который превращается въ и, это—о, какъ въ индоевропейскихъ корняхъ, такъ и въ заимствованныхъ словахъ, напр. lupе изъ нѣм. Lohn.

puġa (dial.) вѣтеръ—лит. puġa, нр. пуġа.
 puġa (dial.)—пухъ, лит. puġas,
 puġe или puġis (dial.)—пуня, лит. puġé.
 puġka (dial.) коробочка—бр. пушка.
 puġs (comm.)—пура (н. Loof.), лит. puġas (?).
 puġnėks (conf; Вум.)—ручнѣкъ (н. Handeuch).
 sprute (dial.)—пруть (н. Bandrute), ср. прим. 7.
 struga (dial.)—стругъ (н. Struse).
 (struba (dial.)—труба; trubnėks (dial.)—трубникъ; позже является u:
 trubis (dial.)—труба (н. traba, лит. triubà).
 šuba (dial.)—шуба, лит. šuba; позже является ū: šuba (dial.).
 tuġe (conf.)—туча (н. teczà).
 uġa (dial.)—уда, лит. uġa (н. wėda).
 uġas (comm.)—усы, лит. uġai (н. waz); dial. также: usav. Брюкнеръ
 относитъ сюда еще kruze (comm.) «кружка» и subrs (dial.) «зубръ»; но kruze
 и лит. kruzas несомнѣнно заимствованы изъ нѣмецкаго языка (kruse), и subrs
 правильно передѣлано изъ болѣе старой и еще существующей формы sumbrs,
 которую не такъ легко можно считать заимствованною.

3) черезъ ū:

bluda (conf.) блужданіе—блудъ; bludīt (conf.)—блудить; а форма blandītės
 (comm.) не заимствована изъ польскаго языка (blądzić), какъ думаетъ Брюк-
 неръ, но представляетъ собою соответствующее славянскимъ формамъ коренное
 лат. слово (нѣтъ по крайней мѣрѣ никакого повода считать его заимствован-
 нымъ); форма bludītės (dial) или правильно образовалась изъ blandītės, или
 заимствована.

brusa (dial.)—брусъ.
 bujans (dial.)—буянъ (н. Waarenlager).
 buława (dial.)—булава.
 buł'ka (vulg.)—булка.
 bulbes (dial.) или bulvas (conf.) картофель—бр. бульба, лит. bulbė,
 bulvis (ср. также р. булва).
 bumaška (dial.)—бумажка (н. Banknote).
 bunte (vulg.)—бунтъ (н. Aufstand).
 burłaks или burłaka (vulg.) разбойникъ—бурлакъ.
 ġuġka (dial.) щенокъ—бр. цюцька²³⁾.
 ġuguns (comm.)—чугунъ.
 ġurinat (dia.l.)—щупать, лит. ġurinėti.
 ġurga (dial.)—чуприна.
 ġuga (dial.) слуга—н. ġuga, лит. ġugas.

²³⁾ Брюкнеръ производитъ отъ бр. цюцька также слова киса (dial.) «пснца»
 и kuseġe (comm.) «щенокъ», но этому противорѣчить согласный *k* въ началѣ
 латышскихъ словъ.

- dubenis (conf.)—дубина.
 dukas или duka (dial.)—духъ (также: сила), лит. dukas.
 dura (dial.)—задница—п. dura.
 duraks (vulg.)—дуракъ; dial. также: duraks, ср. прии. 4.
 durns (dial.) ошалѣлый—дурной, лит. durnas.
 glups или glupš (dial.)—глухой, лит. gliupas.
 gubernā (comm.)—губернія.
 gubīt (dial.)—губить.
 juška (dial.)—юшка.
 kruts (conf.)—крутой.
 kruč(k)l (dial.)—врючки; kručīt (dial.) дѣлать врючки; kruče или kručol-
 pėks (dial.)—врючковторецъ.
 kudlis (dial.)—кудлай, лит. kūdlas.
 kukūa (comm.)—кухня, лит. kūkne; kukars (conf.)—кухарь, лит. kukorius
 kukarēt (conf.)—кухарить.
 kulaks (vulg.)—кулакъ (н. Faust).
 kule (comm.) ившѣчекъ—куль.
 kupcis (vulg.), dial. также kupča—купецъ, лит. kūrčius.
 kurata (dial.)—куропатка, лит. kurarkā.
 kuriņš (dial.)—курень (н. Hökerbude).
 kurmis (vulg.)—тюрьма.
 kurka или kurise (dial.)—индѣйская курица (курка), лит. kurka.
 kurva (dial.)—курва, лит. kurva.
 luba (dial.)—лубъ (также: дрань), лит. lūba; lubīt (dial.) драть лыво:
 слова же lubas (dial) лит. lubas, и lubīt «лушить» вѣроятно не заимствованы
 (ср. Wiedemann, lit. praet. 38).
 lul'k'is (dial.) трубка—п. lulka.
 lupstaga или lupstags (dial.)—любистокъ.
 mundēris (vulg.)—мундиръ.
 mužiks (vulg.)—мужикъ, лит. mužikas.
 muškota (conf.)—мушкетъ.
 nužda (dial.)—нужда.
 pluts (dial.)—плуть. .
 puška (dial.)—пушка..
 pušk'is (comm.)—пучокъ цвѣтовъ.
 rub(u)lis (comm.)—рубль.
 gumams (dial.) жеребецъ—п. gumak, лит. gumokas.
 guža (dial.)—ружье (или также: орудіе), лит. guža.
 skuga (dial.)—шкура (также: блядь), п. skóga, лит. skūgà.
 sluga (dial.)—служанка-слуга, лит. sluga; služot (dial.)—служить, лит.
 služyti.
 studinš (dial.)—студенъ

stulpane (dial.) пионія—п. tulipan, ср. прим. 7.

stupāt (dial.)—ступать.

sukari или cukari (dial.)—сухарь.

sukata (conf., Вум.) сухотка—п. suchota.

сundama или сundega (dial.)—сундукъ.

supra(t)ka или suprata (conf.)—супрадка.

štuka (vulg.)—штука, лит. štukà.

šums (conf.)—шумъ; šumit (conf.)—шумѣть.

sutit (conf.)—шутить, лит. sutyti; sutka (vulg.) шутка, лит. šutkà.

trusis или truse (dial.) кроликъ—бр. трусь.

tups (conf., Вум.)—тупой.

ubagø (comm.)—убога, лит. ūbagas.

ulica (conf.)—улица, лит. ulysė.

Сюда относятся также слова:

vucītēs изъ * vucitēs (conf.) учиться бр. вучицьца; о переходѣ *и* въ *и* ср. Bezzenb; Lett. Dial. Stud., стр. 95 сл.

vūimat (conf.) примѣчать—умѣть; ср. бр. вумъ и лат. tuipani изъ tuipeni.

По мнѣнію Брюкнера, латыши переняли у славянъ и слѣдующія слова: brugis (comm.), лит. brugis «мостовая», п. bruk; гораздо вѣроятнѣе, что латыши заимствовали это слово прямо изъ нѣм. языка (ср.-н.-нѣм. brugge), kurpe (comm.), лит. kūrpiе «башмакъ» п. kurpiе, р. курпы; Миккола (Bezzenb Beitr. XXI, 121) дѣлаетъ очень вѣроятнымъ противоположное, то-есть, что славяне заимствовали у латговъ это слово, точно также какъ и р. путра, мр. путря <лит. лат. putra (comm.) «каша». Слово žubināt (comm.) «ѣсть безъ аппетита, нехотя» или «сосать» врядъ ли имѣетъ что-нибудь общаго съ р. «зубъ»; оно вѣроятно родственно съ лит. žėbėti (по значенію тождественнымъ съ žubināt) и ц.-сл. zobati (относительно *ž* вмѣсто *z* въ лат. формѣ ср. напр. лат. žagars лит. žagaras, лат. žuds, лит. žandas; а и могло образоваться передъ *b* изъ *a*, что нерѣдко бываетъ передъ губными: пре-пр.-аре, tumsa—лит. tamsà, рашпт—рашпт, stampa—stampa, руръ—лит. raras), а слова: žubs и žubīt, которые Брюкнеръ тоже сближаетъ съ р. «зубъ», намъ извѣстны только по старому (прошлаго вѣка) словарю Ланге, такъ что о нихъ нельзя ничего опредѣленнаго сказать. Наконецъ Брюкнеръ приводитъ также l'auđis (comm.) люди и slaukts (dial. Вум.) «кадь съ отверстіемъ въ нижнемъ днѣ»—бр. жлукто, но дифтонгъ *au* показываетъ, что заимствованіе должно было произойти въ очень древнее время (когда русскій языкъ зналъ еще дифтонгъ *au*), если оно вообще было, и относительно слова l'auđis (нѣм. Leute) это даже крайне невѣроятно.—Брюкнеръ производитъ также слова klance или klince (dial.) «мѣшечекъ» отъ бр. клумка, мр. клунокъ, лит. klumkas, но и это сопоставленіе (вслѣдствіе большого различія гласныхъ) ненадежно.

Русское *ы* передается 1) через *иі*:

muīta (comm.) пошлина—мыто, лит. *muītas*; *muītņēks* (comm.)—мытникъ
kuīlis (comm.), лит. *kuīlys* (gen. *kuīlio*) «порозъ», «кабанъ»—*кыль
(ср.-р. «кылякъ»): Фикъ сближаетъ (Vergl. Wörterb. I, 26) *kuīlys* са скр. *kiri*
и гр. *κτέλας*, но это немыслимо, потому что дифтонгъ *иі* въ древнихъ лет-
скихъ корняхъ нигдѣ не встрѣчается; слова *иі* или заимствованы, или ново-
образованія.

Брюкнеръ относитъ сюда и слово: *muīža* (comm.) имѣніе—мыза; но го-
раздо вѣроятнѣе, что латышское слово перенято изъ эстонскаго (или ливскаго)
языка (*moisa*): финскій народъ ливовъ принялъ лат. языкъ, и теперь еще нѣ-
мецкія названія нѣкоторыхъ имѣній въ латышской части Лифляндіи оканчи-
ваются на—*mois* (напр. *Muhremoīs*).

2) черезъ *й*:

lužes или *lužikas* (dial.)—лыжи (н. *Schneeschuhe*); вѣроятно и слова
ludes и *luģes* (dial.; съ тѣмъ же значеніемъ) того же происхожденія.

3) черезъ *і*:

ričage (dial.)—рычагъ.

brīle (dial, устарѣло) шляпа—бр. брыль, лит. *brīlus*.

sīts (conf., Вит.)—сытый.

skrine или *skrinis* (dial.) сундукъ—бр. скрыня лит. *skrynė*.

Брюкнеръ относитъ сюда также слово *stīga* (comm.) струна, лит. *stīga*—
мр. стыгъ; противъ этого говорятъ особенно слогоудареніе латышскаго слова,
свидѣтельствующее о старинности его.

4) черезъ *і*:

biēka (dial.)—бычокъ (пляска).

bika (dial.) большой баранъ—быкъ; *bikus* (dial.) злонаправный мальчикъ—
бр. быкусь.

bil (dial.) если—лит. *bile*, н. *byle*.

ciņulņiks (dial.)—цырюльникъ.

čībuka (dial.) чубукъ—лит. *čibukas*, н. *čybuch*.

čigāns (comm.)—цыганъ, лит. *ciņogas*.

drigānts (dial.) жеребецъ, шалунъ—лит. *drigantas*, н. *drygant*.

griki (comm.), dial. также *kriki* и *driki* «греча»—лит. *grėkai*, н. *gryka*.

kriška или *griška* (dial.)—крышка (нѣм. *Ofenschieber*).

lizika (conf., Вит.) ложка—п. *lūžka*.

militēs (conf., Вит.) ошибаться—бр. мыланьца, п. *mylicėsi* лит. *milyti*.

mislit (conf.)—мыслить, лит. *mislyti*.

rinka (dial.)—рынокъ, лит. *rinka*; а слово *rinkis* (comm.) «кругъ», ко-
торое Брюкнеръ самымъ страннымъ образомъ также относитъ сюда, несомнѣнно
взято изъ нѣмецкаго (*Ring*).

stirta (dial.) скирда—лит. *stirta*, н. *stygta*; другія, болѣе употребитель-
ныя формы того же слова—*stirpa* и *kira*.

timpa (dial.) монета—лит. timpa, бр. тынфа, п. tuuf. Наконецъ слѣдуютъ слова, которыя въ предыдущихъ отдѣлахъ не нашли мѣста:

kīminī или kīmenes (comm.) тминъ—лит. kīmuai, бр., п. kmin.

Слово serit (dial.) casage вѣроятно не заимствовано (къ чему склоняется Брюкнеръ), но родственно съ п. srač, р. соръ (и вѣроятно также съ нѣм. Haup).

Даже возраженія не заслуживаетъ мнѣніе Брюкнера, что слово sīvēns (comm. изъ sivēns dial; ср. zivs—лит. žuvis, tivāki—(tuvāki и др.) «поросёнокъ» передѣлано изъ р. «свинья»; невѣроятна также его попытка производить слово sūpkis (dial.) «свинья» отъ р. свинка или п. švīnka (латышское слово формально слишкомъ мало походитъ на славянскія формы). Неяснымъ остается отношеніе между лат. pupa (comm.), лит. pupa и р. бобъ, п. bób; между лат. sege (comm.; ср. segi sēt «варить, собств. вязать, сыръ») и п. seg (другихъ примѣровъ перехода славянскаго e въ лат. ē нѣтъ; а р. сыръ, лит. sūgis стоятъ еще дальше); между burkāns (comm.), лит. burkāns или burkunas и р. баркянъ или борканъ (изъ *бърканъ?) или баркунъ (ср. также п. bugak).

Нѣкоторыя русскія слова при переходѣ въ лат. языкъ уподобились уже существующимъ латышскимъ словамъ:

pa glags (conf.)—перелогъ (лат. pag—р. пере).

zils (книжное новообразование)—слонъ (лат. zil's—синій, голубой а—пш—употребительный латышскій суффиксъ).

Еще другія слова, особенно въ новѣйшее время, были образованы по образцу русскихъ словъ изъ существующихъ уже корной латышскаго языка. Сюда относятся (какъ указываетъ Keussler, Mag. d. lett.-liter. Ges. XX I, 17 сл.) латышскія названія недѣльныхъ дней (образовавшіяся вѣроятно еще до прибытія нѣмцевъ въ Прибалтійскій край); pirmdēna—понедѣльникъ, считается именно, какъ въ православной церкви, первымъ днемъ недѣли (не вторымъ, какъ у католиковъ); остальные дни называются: utrudēna, treedēna, ceturtdēna, pētdēna, sestdēna, svētdēna, «воскресенье». Въ новѣйшее время писателями образованы уже вполне укоренившіяся слова; pēmeģs—примѣръ (pē=при, meģit=нѣрять); grēksmets—предметъ (grēks=предъ, mest «метать»=местъ); sastāvs—составъ (sa=со-, stavēt «стоять»=ставитъ); apjums—объемъ (ar=объ-, est=взять).

Если сравнимъ число славянскихъ словъ, перенятыхъ латышами со слишкомъ (находящимся у Брюкнера) заимствованныхъ литовцами славянскихъ словъ, то тотчасъ увидимъ, что въ латышскій языкъ вошло гораздо меньше славянскихъ словъ, чѣмъ въ литовскій; а это очень хорошо объясняется исторією обоихъ народовъ, латышскаго. Слѣды славянскаго вліянія видны также въ морфологій и синтаксисѣ литовскаго языка (ср. Брюкнера, стр. 159 сл.), чего нельзя сказать о латышскомъ языкѣ. Только въ нарѣчій витебскихъ латышей, имѣвшихъ непрерывныя сношенія съ славянами, встрѣчаемъ разныя явленія, которыя сюда относятся. Всѣ согласные тамъ (подобно русскому и польскому языкамъ) передъ гласными e и i произносятся очень мягко (то же бы-

васть въ нѣкоторыхъ литовскихъ говорахъ, ср. Брюкнера, стр. 64); примѣры славянскаго (польскаго) вліянія на синтаксисъ приводитъ Бенценбергеръ (*Less. Dial.-Stud.*, стр. 75 сл.). Въ остальныхъ нарѣчіяхъ латышскаго языка ничего подобнаго не встрѣчаемъ; только въ новѣйшее время, вслѣдствіе введенія русскаго языка во всѣ учебныя заведенія, замѣтно у писателей, не обращающихъ особаго вниманія на свой языкъ, вліяніе русскаго языка и въ области синтаксиса (довольно часто встрѣчаются, напримѣръ, предложенія въ родѣ слѣдующаго: «kas viņš arī nebūtu» = р. «кто бы онъ ни былъ», между тѣмъ какъ латышъ, незнающій русскаго языка, выражается только: «lai viņš kas būtu» или «lai viņš būtuks būdams»).

И. Эндзелинь.

Юрьевъ (Дерптъ),
20 Марта 1899 г.

Очеркъ современнаго экономическаго положенія Башкиръ Уфимской губерніи.

(Сообщено Этногр. отд. Имп. Общ. въ засѣданіи 4 декабря 1898 г.).

Лѣтомъ этого (1898) года я провелъ около 2 мѣсяцевъ въ Уфимской губерніи, желая ознакомиться съ Башкирами, которые интересовали меня, какъ народность, переживающая переходную стадію отъ одного быта къ другому, отъ кочевно-скотоводческаго къ земледѣльческому. Мнѣ казалось, что, подмѣтивъ нѣкоторыя особенности въ этомъ переходѣ, ближе познакомившись съ борьбой двухъ стадій въ жизни народа, я лучше уясню себѣ его основныя особенности. Крімъ того, такіе переходы всегда тяжелы и болѣзненны; я думалъ, что этнографъ могъ бы принести инородцамъ посильную помощь, изучивъ неизбежную послѣдовательность, указавъ ихъ крайности и аномаліи, и онѣ, быть можетъ, были бы устранены, особенно въ жизни сосѣднихъ по культурѣ инородцевъ, которые, въ свою очередь, дойдутъ до этихъ трудныхъ ступеней въ своей жизни.

Башкиры вотчинники въ числѣ 600,000—700,000 занимаютъ губерніи Уфимскую и Оренбургскую, часть Самарской, Пермской и Вятской. Центръ Башкиріи находится въ Уфимской губерніи, которая по своимъ природнымъ условіямъ въ старину была наиболѣе богата, разнообразна и пригодна для кочевыхъ быта. Сѣверо-востокъ Уфимской губерніи занимаетъ Уральскій хребтъ и его многочисленныя сырты, т. е. отроги, которые разбѣгаются длинными грядами отъ хребта и теряются въ сосѣднихъ безбрежныхъ Оренбургскихъ и Приволжскихъ степяхъ; отроги эти невысоки, однообразны и, пожалуй, унылы, ихъ склоны покрыты пашнями и пастбищами, порой выжженными солнцемъ, благодаря отсутствію лѣсовъ, залегавшихъ здѣсь въ былыя времена неизмѣримыми пространствами, гдѣ мощно росли сосны и ели, лиственницы и пихты, а по долинамъ спускалось чернолѣсье: столѣтніе дубы, клены, липы и березы, въ то время уходившія далеко въ степи, протянувшіеся длинными тѣнистыми звеньями къ югу и западу вдоль рѣкъ Башкиріи. Теперь отъ этихъ лѣсныхъ богатствъ остались одни воспо-

минанія. На самомъ Уралѣ лѣса уничтожены на половину и безвозвратно исчезли въ степи, измѣнивъ кореннымъ образомъ климатъ. Югъ и юго-западъ Башкиріи представляетъ изъ себя громадную степную область. Башкирская степь въ былыя времена могла служить примѣромъ роскошныхъ ковыльныхъ степей. Ее орошали многоводная Бѣлая, Дема съ прозрачной водой, быстрый Ай, Икъ и др. текуція съ Урала живописныя и веселыя рѣки. Аршина толщины достигалъ дѣвственный черноземъ, покрытый выше пояса зеленой травой, пушистымъ серебрянымъ ковылемъ и массой цвѣтовъ, о которыхъ Башкиры и теперь вспоминаютъ въ своихъ пѣсняхъ. Такова была степь нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ; теперь съ обезлѣсеньемъ, съ распашкой земли засуха, а съ ней и неурожай—хроническое явленіе. На десятки верстъ тянется истощенная земля, высохшая и растрескавшаяся отъ зноя, съ скудной и печальной растительностью, пожелтѣвшей съ конца іюня; не успѣютъ изглядиться послѣдніе признаки весны: тогда степь дѣлается унылой. Кругомъ безграничный просторъ, сливающийся съ горизонтомъ, на которомъ чуть чуть снѣжуютъ далекія вершины Урала. Безрадостно, безконечно тянется пыльная пустынная, степная дорога отъ деревни до деревни; не видно кругомъ многочисленныхъ стадъ скота, паснагося здѣсь въ былыя времена; нѣтъ и высокихъ хлѣбовъ, которые должны были бы смѣнить ихъ; вдоль дороги тянутся пепельно-черные квадраты невзошедшихъ полей, выжженныхъ солнцемъ и развѣянныхъ вѣтромъ; изрѣдка встрѣтится одинокій путникъ башкиръ съ котомкой, собирающій милостыню по сосѣднимъ деревнямъ. или пахарь башкиръ, печально плетущійся съ осмотра своего невзошедшаго поля. Кругомъ пустыня и молчаніе; примолкли степныя птицы, истомленные зноемъ; по живымъ съ раскрытыми отъ жажды клювами расхаживаютъ вороны и грачи, охотясь за кузнечиками и кобылками. Тишину и неподвижность степи нарушаютъ одни только насѣкомыя, которымъ раздолье подъ пальцами лучами солища, да изрѣдка перекликаются свистомъ суслики, взобравшись на земляные холмики изъ своихъ норокъ. А тамъ и жалкая башкирская деревушка съ развалившимися избами, съ раскрытыми, скормленными скоту соломенными крышами, безъ надворныхъ построекъ, безъ дворовъ, безъ своеобразнаго оживленія, которое такъ свойственно всякой деревнѣ. Единственнымъ украшеніемъ ея возвышается одинокій деревянный минаретъ, покривившійся отъ времени, но и отъ него вѣетъ на васъ какимъ-то безнадежнымъ отчаяніемъ и тоской. Во всемъ чувствуется хроническая бѣдность, разрушеніе, острый голодъ и несчастье.

Таково было первое впечатлѣніе моего знакомства съ Башкиріей, когда я попалъ на югъ Белебѣвскаго уѣзда, откуда началъ свои разъѣзды. Впрочемъ впечатлѣніе это мало смягчалось и впоследствии, особенно благо-

дара печальнымъ условіямъ голода, бывшаго въ этомъ году въ Уфимской губерніи.

Два столѣтія тому назадъ Башкирія представляла изъ себя таинственную и недоступную страну, о привольѣ и богатствѣ которой разсказывали чудеса, но попасть туда было опасно и трудно. Степь славилась грабежомъ и набѣгами дивихъ башкиръ, кочевавшихъ по степямъ и долинамъ горъ. Сами башкиры подчинялись русскому правительству почти номинально, внося небольшой ясакъ, т. е. подать, разъ въ годъ; они вели самостоятельныя войны съ киргизами и калмыками. Они всегда были готовы поднять возстаніе и противъ русскихъ, сжигая ихъ первыя поселенія въ степи, уводя въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей и угоняя скотъ.

Первыми самыми ранними эмигрантами въ Башкирію были Казанскіе татары, тептяри, черемисы, вотяки и пр. народности, населявшія бывшее Казанское царство. Послѣ паденія Казани при Іоаннѣ IV, не желая подчиняться русскимъ, сюда потянулись сотни переселенцевъ, разсчитывая, что отдаленная Башкирія надолго обезопаситъ ихъ отъ русскихъ. Здѣсь они принялись за хлѣбопашество, принесли съ собою осѣдлость, болѣе мирные нравы и мусульманство. Ихъ вліяніе оставило глубокой слѣдъ на всей башкирской жизни, что всегда нужно помнить, изучая этнографическія особенности башкиръ. Впослѣдствіи эти первые переселенцы стали носить названіе припущенниковъ т. е. добровольно пушонныхъ самими башкирами на свои земли переселенцевъ.

Въ XVII—XVIII столѣтіяхъ заселеніе Башкиріи началось и съ другой стороны. Уралъ привлекъ вниманіе русскихъ предпринимателей и русскаго правительства, и тамъ появились горные заводы, къ которымъ отходили больше лѣсные районы. На заводы селили русскихъ крестьянъ крѣпостныхъ, образуя изъ нихъ контингентъ горныхъ рабочихъ. Около заводовъ все далѣе, смѣлѣе и смѣлѣе селились вольные крестьяне; разные бѣглецы отъ правительства и помѣщиковъ, находившіе здѣсь приволье и свободу. Въ началѣ XVII ст. въ Башкиріи устраиваютъ рядъ русскихъ военныхъ поселеній, никетовъ, эмиграція принимаетъ стихійный характеръ. Сюда являются русскіе купцы, промышленники, скупающіе за бездѣнокъ все, что можно скупить у башкиръ, башкирцамъ продаютъ разный „иностранческій“ товаръ за чрезмѣрно высокія цѣны—стадія, которую переживаютъ всѣ иностранцы въ свое время. Начинаютъ скупать лѣса на срубъ, земли, цѣлыя долины „углы“, сколько можно въ день конемъ объѣхать—все это за гроши, за водку, за табакъ, за недоброкачественный, дорогой товаръ. Начался первый періодъ расхищенія башкирскихъ земель, жестокій и острый. Башкиры тѣснились, уступая свои вотчины, въ минуты народнаго самосознанія, мстя пришельцамъ

страшнымъ возстаніемъ, пожаромъ и кровью. Бунты подавлялись силой. Башкиръ жестоко наказывали, исчезали цѣлые роды, ихъ ссылали въ Сибирь, рвали ноздри, уводили и продавали въ крѣпостные. Таково на примѣръ наказаніе за бунтъ 1740 года, когда сожжено было 696 ауловъ, убито 16634 башкира, 4000 сослано, у 301 отрѣзали уши и носы, много малолѣтнихъ отдаю въ матросы и въ вѣчное крѣпостное владѣніе тому, кто пожелаетъ. Послѣ многихъ такихъ попытокъ (бунты 1662, 1705, 1707, 1735, 1740, 1755 г.) башкиры наконецъ поняли, что силой бороться противъ этого стихійнаго захвата ихъ земель совершенно невозможно. Они бросились искать правосудіе въ Москвѣ и Петербургѣ и начали засыпать приказы и сенатъ челобитными и жалобами на расхватъ ихъ земель. Башкирскія судебныя дѣла потянулись десятками лѣтъ, накопились грудями въ канцеляріяхъ но правительство все еще не могло выработать себѣ правильнаго взгляда на т. наз. башкирскій вопросъ. Въ 1649 г. царь Алексѣй Михайловичъ запрещаетъ башкирамъ продавать свои земли и отмѣняетъ всѣ прежнія продажи земель. Въ 1736 г. запрещеніе это отмѣняется.

Въ 1758 г. склоняютъ башкиръ продать свою землю одному частному лицу, именно Глѣбову, вельможѣ, думая этимъ обойти дарованныя грамоты Іоанна IV, который отдалъ всѣ земли по Уралу башкирамъ въ вотчину.

Въ 1761 г. разъяснено, что селиться на башкирской землѣ можно, только имѣя указы отъ сената; 1818 г. снова запрещеніе, 1839 г. позволеніе продавать свободныя земли, оставшіяся сверхъ надѣла по ревизскимъ душамъ VIII ревизіи 1816 г., 1869 г.—разрѣшеніе продавать земли кому и какъ угодно—начало послѣдняго періода расхищенія башкирскихъ земель, надѣлавшаго шуму въ 80 г.; наконецъ 1882 г. запрещеніе продавать земли въ частныя руки и позволеніе башкирамъ размежеваться съ цѣлью продавать только свободную землю и однимъ крестьянамъ. И только въ 1898 г. 20 марта—новый законъ, окончательно разрѣшающій башкирскій земельный вопросъ—обязательная нарѣзка земли башкирамъ по 15 дес. на душу X ревизіи, съ образованіемъ запасной земли, которую башкиры могутъ продавать обществамъ и товариществамъ при посредничествѣ крестьянскаго банка. Такова въ самыхъ общихъ чертахъ исторія башкирскаго вопроса.

Знакомясь съ современными башкирами Уфимской губерніи, я ставилъ себѣ двѣ цѣли: мнѣ хотѣлось видѣть, не встрѣчается ли у нихъ какихъ либо остатковъ, пережитковъ ихъ былого скотоводческаго быта; съ другой стороны, я хотѣлъ уяснить себѣ, въ какой степени башкиры могутъ считаться настоящими земледѣльцами, и какъ сложилась ихъ жизнь подъ вліяніемъ новыхъ условій. Для болѣе полнаго ознакомленія я выбралъ башкиръ

разныхъ полосъ: степной полосы на югѣ Белебѣвскаго уѣзда, горной области, въ Златоустовскомъ уѣздѣ, глухой лѣсной—въ Уфимскомъ уѣздѣ. Въ первыхъ двухъ я посѣтилъ 29 башкирскихъ деревень, въ нѣкоторыхъ оставаясь по нѣскольку дней.

Теперь трудно опредѣлить точно время, когда собственно башкиры вотчинники поставлены были въ невозможность жить однимъ скотоводствомъ, но уже въ прошломъ столѣтїи башкиры Белебѣвскаго и Мензелинскаго уѣздовъ настолько быстро стали распродаютъ свои земли подъ распашку и лѣса на срубъ, такъ скоро лишились своихъ неизмѣримыхъ пастбищъ для скота, что неизбѣжно должны были подумать о новыхъ способахъ жизни. Они сами должны были приняться за хлѣбопашество, робко и неумѣло конечно. Грубо разрыли примитивнымъ деревяннымъ плугомъ, сабаномъ, землю, бросали въ плодородную, дѣвственную почву сѣмена и уходили за нѣсколько десятковъ верстъ на кочевку, забывая о пашнѣ, къ которой возвращались только осенью. Вблизи пашни устраивали постоянныя зимовки избы, примитивныя и жалкія, крытыя дерномъ, съ единственнымъ окошкомъ, затянутымъ пузыремъ, съ чуваломъ—печкой посрединѣ. На внутреннемъ устройствѣ избы отразилось вліяніе татаръ принужденниковъ; тутъ около этой жалкой зимовки складывалась новая жизнь башкира, который принужденъ былъ многому научиться, чтобы не умереть съ голоду. Въ этой тѣсной и низкой избушкѣ онъ томился зимой, мечтая о лѣтѣ съ возможностью уйти на кочевку.

Съ продолжавшейся урѣзкой свободныхъ земель, лѣтняя кочевка приближалась все ближе и ближе, кошемную „тирму“, т. е. юрту приходилось ставить въ 2, 3 верстахъ отъ зимней избы, переселяясь туда скорѣе ради удовольствія вспомнить старыя обычаи, чѣмъ ради необходимости для скота. Кочевать продолжали только богатые, имѣющіе возможность приобретать дорого стоящую „ширму“; бѣдняки устраивали лѣтнія жилища изъ плетней и луба—такъ наз. „алачикъ“ или около самой деревни, или даже у себя на дворѣ. Наконецъ и богатые могли выѣзжать только на сентябрь мѣсяцъ, выбирая мѣстомъ кочевки свои собственныя сжатые поля, гдѣ можно было пасти остатки своего скота на жнивьяхъ до перваго снѣга. Оставалось одно—прекратить эти послѣдніе остатки кочевокъ, если только можно было это назвать кочевками, что и сдѣлали современные намъ башкиры въ Уфимской губерніи. Мнѣ особенно хотѣлось отыскать и посмотреть башкирскую кочевку, этотъ характерный остатокъ старины. При своихъ разъѣздахъ по Уфимской губерніи, я встрѣтилъ двѣ тирмы. Обѣ принадлежали очень богатымъ старикамъ башкирамъ, которые въ нихъ живутъ, какъ на дачѣ, ради того, чтобы до своей смерти сохранить старинный, милый ихъ сердцу обычай. Обѣ на-

ходились на югъ Белебѣвскаго уѣзда. Тирма старинной формы напоминаетъ совершенно киргизскую юрту; она устраивается изъ нижняго деревяннаго рѣшетчатаго остова, по башкирски „кирага“, изъ палокъ „узь“, которыя поднимаются отъ этого остова къ верхнему кругу на куполо-образномъ потолкѣ, верхняго деревяннаго обода „сагаракъ“. Этотъ деревянный легкій остовъ закрывается кошмами (войлоками), при чемъ съ одной стороны оставляется дверь, а на потолкѣ круглое отверстіе, ограниченное ободомъ „тавиіеве“, которые во время дождя закрываютъ квадратной кошмой — „ерганиеве“.

Внутреннее устройство тирмы теперь не подчиняется какому либо обычаю; оно зависитъ отъ богатства хозяина. Богатые ставятъ туда кровати, стулья и шкафы, полъ устилаютъ коврами; мѣдная посуда, кувшины татарской формы, съ длинными горлышками, тазы, самовары стоятъ красивой горной; у двери, завѣшанной ковромъ, на стѣнѣ виситъ старинное сѣдло, убранный серебромъ, рядомъ съ нимъ дешевое зеркальце, купленное на базарѣ, грустная иронія!

Для кумыса стоитъ деревянная „губба“, гдѣ кумысъ бродитъ. Откуда его переливаютъ въ „турсуки“ и „курлыки“ изъ кожи. Эту старинную кожяную утварь для кумыса, которая смѣнилась стеклянной русской посудой — бутылками и штофами, я видѣлъ всего одинъ разъ. Такова юрта „тирма“, которую, вѣроятно, чрезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ смерти этихъ стариковъ, не увидишь болѣе въ Башкиріи. Есть много деревень, въ которыхъ башкиры сами никогда въ жизни не видали тирмы и выслушивали вопросъ, когда они въ послѣдній разъ ѣздили на лѣто за деревню на кочевку, съ недоумѣніемъ. Изъ 29 деревень, которыя я видѣлъ, въ 2-хъ я встрѣтилъ по одной юртѣ, въ 1 дер.—10 домохозяевъ выходятъ за околицу деревни въ шалаши „алачикъ“, въ одной деревнѣ—2 выходятъ къ себѣ на жинивье осенью, въ одной деревнѣ одинъ переходитъ къ себѣ въ юрту, поставленную въ огородѣ; въ одной деревнѣ 3-ое кочуютъ въ своей деревнѣ.

8 лѣтъ не кочуютъ одиночные башкиры въ 2 деревняхъ, 15 лѣтъ — въ 3 деревняхъ; 20 лѣтъ всей деревней не кочуютъ 5 д.; 52 года—4 д.; 30 л.—2 д.; 35 л.—1 д.; 40 л.—1 д.; 70 л.—1 д.; совершенно не могли припомнить 5 деревень Златоустовск. уѣзда—горные башкиры. Забыта кочевка въ Мензелинскомъ и Уфимскомъ уѣздахъ. Единичныя кочевки вблизи своей деревни рѣдко встрѣчаются на югѣ Стерлитамакскаго уѣзда. Таковы печальные остатки прежняго вольнаго кочеванія по безбрежнымъ степямъ Башкиріи. На ряду съ исчезновеніемъ кочеванія совершенно параллельно идетъ быстрое уменьшеніе количества скота, мѣстами упавшее ниже нормы скота у русскихъ крестьянъ сосѣдей. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, я разсيرا-

шивалъ въ каждой деревнѣ о количествѣ скота и дѣлалъ это подѣ конецъ своего пребыванія въ деревнѣ, когда могъ надѣяться, что недобѣріе башкиръ ко мѣ, какъ чиновнику, за котораго они въ первую минуту меня принимали уменьшится. Вотъ цифры, которыя получились у меня по 29 деревнямъ. Въ нихъ было 1881 домохозяевъ. 4920 наличныхъ душъ мужскаго пола; изъ нихъ безлошадныхъ было 282 домохозяина, т. е. 15⁰/₁₀₀, безъ всякаго скота 56 домохозяевъ; остальные владѣли 5793 рабочими лошадьми, 4715 коровами, 648 овцами и козами, т. е. каждый въ среднемъ по 3,62 лошади, 2,7 коровы, 3,7 прочаго скота. У 25 богачей лошадей не менѣе 25. Очень характерны цифры, полученныя Уфимскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, опубликованныя пока только для Уфимскаго уѣзда. Въ Уфимскомъ уѣздѣ:

У русскихъ 40,946 рабочихъ лошадей, у башкиръ 11,556; они владѣютъ 16,9⁰/₁₀₀ всего количества рабочаго скота въ уѣздѣ, русскіе владѣютъ 59,7⁰/₁₀₀.

У вотчинниковъ на 1 дворъ приходится 1,8 рабочаго скота, 4,1 всего, скота, тогда какъ у государственныхъ крестьянъ на 1 дворъ приходится 2,2 рабочаго, а всего скота 5,7. Сравнительно съ крестьянами собственниками, горнозаводскими крестьянами и др. башкиры занимаютъ только 5-ое мѣсто въ уѣздѣ. Число безлошадныхъ дворовъ въ ⁰/₁₀₀ — 20,3, безъ всякаго скота 10,4. На одну десятину обрабатываемой земли приходится скота у вотчинниковъ на 1 д. почти 0,1, у горнозаводскихъ крестьянъ 13, т. е. у башкиръ 1 лошадь приходится на 10 дес. пашни.

Таковы печальныя цифры, показывающія, что башкиры уже не только не скотоводы, но у нихъ не достаетъ рабочаго скота и для болѣе обширнаго земледѣлія.

Малое количество скота прежде всего отразилось на пищѣ, которая всегда является характернымъ показателемъ быта инородцевъ. Молочные продукты—обычная пища скотоводовъ быстро исчезаетъ и смѣняется хлѣбной пищей крестьянъ. Считаю интереснымъ прослѣдить эту замѣну одной пищи другой, я старался въ каждой деревнѣ опредѣлять характеръ пищи.

Въ моихъ 29 деревняхъ только въ одной пили кумысъ средніе по зажиточности хозяева; въ 11 дер. пили только богатые, т. е. по 2, 3 домохозяина въ деревнѣ, остальные кумыса никогда не пили и забыли его приготовленіе.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, расположенныхъ по линіи Самарско-Златоуст. ж. д. дѣлаютъ кумысъ исключительно для продажи больнымъ. Нѣсколько болѣе распространенъ айранъ, т. е. квашеное молоко и куртъ, т. е. сушеный творогъ, родъ сыра, но въ нѣкоторыхъ деревняхъ Златоустовскаго уѣзда и

они совершенно забыты. Въ одной деревнѣ говорили мнѣ, что въ старину дѣлали у нихъ нѣсколько сортовъ сыра, куртa еремчика и пр. молочные запасы, но я ихъ ни разу не встрѣтилъ. Забыты также разныя мясныя блюда, любимыя кочевниками скотоводами, разныя башбармаки, кувырдачки, тѣстючки, знакомыя намъ у киргизъ, напримѣръ. Впрочемъ нужно сказать, что мясная пища входитъ непремѣннымъ условіемъ у каждаго башкиря; безъ мяса, которое башкирь покупаетъ въ долгъ на базарѣ по фунтамъ, онъ, по его словамъ, умреть съ голоду. Кое-какіе остатки еще не такъ давно исключительно скотоводческаго хозяйства можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ обычаяхъ въ общинномъ правѣ. Еще до сихъ поръ, напримѣръ, каждая деревня сообща загораживаетъ большіе, около 1000—1500 дес., выгоны паскотны для скота, въ раскладкахъ повинностей замѣтно нѣкоторое стремленіе вести расчеты на скотъ; выборъ или наемъ пастуха является дѣломъ, долго волнующимъ общественниковъ. Изъ обычаевъ сохраняется торжественное наложеніе тамги, т. е. родового знака на молодую лошадь, наконецъ, замѣтна привычка цѣнить выше кобылъ, которыя преобладаютъ въ табунахъ, если даже онѣ и не доятся для кумыса. Вотъ, кажется, все, что можно подмѣтить въ этомъ отношеніи изъ остатковъ былого скотоводческаго быта у башкирей. Приходится, очевидно, отказаться отъ мысли считать башкирей хоть сколько-нибудь скотоводами.

Теперь посмотримъ, каковы башкиры, какъ земледѣльцы. Прежде всего мнѣ хотѣлось познакомиться съ башкирской общиной, которая сложилась подъ вліяніемъ новыхъ земельныхъ условій. Башкиры считаются общими собственниками всѣхъ земель, имъ пожалованныхъ еще Іоанномъ IV. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ они получили по 15 дес. на душу X ревизіи въ общинное пользованіе съ образованіемъ свободной земли, считая по 40 дес. на душу VI ревизіи, бывшей въ 1816 г., т. е. на тѣ души, которыя были въ этомъ году въ данномъ сельскомъ обществѣ. Половина башкирскихъ обществъ осталась не размежеванной, добровольно раздѣливъ между собою всѣ земли по т. н. „миролюбивому соглашенію“. Нормой этого раздѣла, который состоялся не безъ крупной внутренней борьбы между обществами, было отчасти фактическое владѣніе землей, отчасти число душъ, наконецъ, качества и особенности земель, въ смыслѣ ихъ доходности.

Получивъ большой „уголъ“ земли, границей котораго были горы, ручьи, ямы и проч., каждая деревня, какъ только что поднялась арсенная цѣна на землю, постыдилась передѣлить землю между своими сообществовиками. Въ передѣлахъ башкирскихъ земель между собой вообще замѣчается два принципа. Старый, очень несправедливый—по числу душъ X ревизіи, числу теперь, конечно, не совпадающему съ числомъ наличныхъ домохозяевъ

въ деревнѣ. При дѣлежѣ по ревизскимъ душамъ пай получается только ревизскій; домохозяинъ или тотъ, кто, послѣ смерти ревизской души, взялъ на себя всѣ ея повинности. Всѣ родившіеся послѣ ревизіи, т. е. послѣ 1871 г. такъ и называются въ башкирскихъ деревняхъ „новорожденными“ и не получаютъ ни пайи земли. Эти „новорожденные“, которымъ по 27 лѣтъ, имѣютъ часто свои многочисленныя семьи; ихъ положеніе печально: они въ сущности вѣчные батраки у ревизскихъ душъ или только арендаторы своихъ собственниковъ, тщетно добивающіеся на сходѣ о новомъ передѣлѣ земельно наличнымъ душамъ. Это одинъ изъ самыхъ острыхъ вопросовъ общиннаго быта башкиръ.

Другой, болѣе справедливый способъ дѣленія земли—дѣленіе по наличнымъ мужскимъ душамъ до 4 лѣтнаго возраста, при передѣлѣ черезъ каждые 10—15 лѣтъ. Общества, которыя перешли къ такому дѣленію своихъ земель, имѣютъ гораздо менѣе бѣдниковъ и живутъ болѣе мирно. Къ сожалѣнію, новый законъ 1898 г. положилъ въ основаніе нарѣзки неразмежеванныхъ земель счетъ душъ X и VI ревизій,—чѣмъ снова воскресилъ борьбу и неопредѣленное положеніе родившихся послѣ 71 г., хотя законъ и рекомендуетъ башкирамъ сейчасъ же послѣ казеннаго размежеванія передѣлаться своими силами по наличнымъ душамъ. Приступая къ передѣлу земель, сельскій башкирскій сходъ, обыкновенно въ полномъ составѣ отправляется на поля и проявляетъ самую точную оцѣнку земель по качеству почвы и прочимъ условіямъ. Далѣе вся осматрѣнная площадь земель разбивается по качеству на три кліна, при чемъ различаются хорошая, средняя и плохая земли. Каждый клій разбивается сначала по числу десятковъ въ обществѣ, при чемъ каждому десятку приходится земля въ 3 кліняхъ. Затѣмъ слѣдуетъ бросаніе жребія въ каждомъ десяткѣ между отдѣльными башкирами, и дѣлежъ конченъ, при чемъ каждый получить равное количество хорошей, средней и плохой земли. Исслѣдуя ближе причины передѣла земель, мы убѣждаемся, что они вызваны не столько ради цѣлей земледѣлія,—земли еще много въ каждомъ обществѣ—паша, гдѣ хочешь, какъ это было въ Сибири до начала переселенія—сколько ради сдачи своей дешевой земли въ аренду. Объ этой арендѣ, какъ самомъ существенномъ пособіи экономической жизни башкиръ, мы скажемъ потомъ, теперь же посмотримъ, какъ справляются съ земледѣліемъ сами башкиры.

Сравнительное обиліе черноземной земли не требуетъ отъ башкира удобрения и позволяетъ вести примитивное хозяйство даже не примѣняя трехполья. Ранней весной башкиръ выѣзжаетъ со своимъ сабаномъ-плугомъ, который еле тащутъ 3 лошади, перепахивать пары и боронить ихъ. Въ первыхъ числахъ мая они сѣютъ пшеницу, затѣмъ рожь и другіе хлѣба; эти

заканчивается первый періодъ его заботъ о пашнѣ. Затѣмъ начинаются при-готовительныя работы въ слѣдующему году, до Петрова дня—вообще всѣ сроки работъ заимствованы отъ русскихъ мужиковъ вмѣстѣ съ названіями,—до Петрова дня онъ норовитъ поднять побольше новины, запахивая 2, 3 десятины. Съ Петровою начинается сѣнокосъ, съ „Ильина“ начинается жатва поспѣвающаго хлѣба, въ „Спасу“ все кончаютъ и сѣютъ озимую рожь. Орудія самыя первобытныя, деревянные неуклюжіе плуги, бороны съ деревянными (плугами) зубьями, плохого качества серпы, косы и пр.; хлѣбъ молотятъ, не умѣя его высушивать передъ этимъ, мелютъ хлѣбъ на мельницѣ у русскихъ за очень дорогую плату 2 ф. съ пуда, т. е. 5⁰/₁₀₀ его стоимости.

Интересно, какъ оцѣниваютъ свое хлѣбопашество сами башкиры. Мнѣ приходилось не разъ спрашивать ихъ, почему ихъ хлѣба хуже сосѣднихъ крестьянскихъ. Всегда получался приблизительно одинъ отвѣтъ: привычки къ этой работѣ нѣтъ, слишкомъ трудная работа, всего не упомнишь, не сообразишь, не поймешь, „не хлѣбный“ мы народъ—формулировали они однимъ словомъ. Сосѣди русскіе крестьяне оцѣнивали ихъ очень низко съ этой стороны: куда-де нехристамъ, чего они понимаютъ въ этомъ дѣлѣ. они и запахать-то путемъ не умѣютъ. По ихъ словамъ, у башкиръ нѣтъ еще и должнаго уваженія къ труду пахаря и къ нивѣ. Башкиръ до сихъ поръ не прочь съострить надъ крестьяниномъ, круглый годъ думающимъ о своемъ хлѣбѣ, не постѣсняется прогнать лошадей или проѣхать на телегѣ по нивѣ, полѣвившись объѣхать ее кругомъ. Цифры наглядно показываютъ, что хлѣбопашество не велико у башкиръ.

Въ видѣнныхъ мной деревняхъ изъ 1881 домохозяевъ пашутъ 1761, западо въ этомъ году 7578 десятинъ хлѣба: пшеницы, ржи, проса и полбы, т. е. на важнаго домохозяина приходится по 4,3 дес.; на наличную душу муж. пола 1,57 дес. и слѣдовательно, на важнаго башкира или башкирку около 0,7 дес. Не сѣяли въ этомъ году 120 домохозяевъ, только 50—60 домохозяевъ сѣяли болѣе 20 дес., т. е. могутъ считаться богатыми. Таковы цифры; общее впечатлѣніе въ башкирскихъ деревняхъ—это постоянная недостача хлѣба, вѣчныя угрозы умереть съ голоду отъ его отсутствія. Башкиръ не имѣетъ никогда избытковъ, чтобы сохранить ихъ на черный день, у него нѣтъ общественнаго хлѣба въ нужномъ количествѣ въ случаѣ неурожая, и вотъ ближайшія причины хронически повторяющихся башкирскихъ голодовъ, въ которые не рѣдки случаи смерти отъ голода не только дѣтей, но и взрослыхъ. Вотъ отчего эта растерянность башкира, которая бросается въ глаза, когда онъ намъ жалуется, что всходы у него опять плохи, что онъ не знаетъ, какъ ему выйти изъ безвыходнаго положенія, въ которое онъ зашелъ. У него нѣтъ ни рабочаго скота, чтобы расширить запашку,

у него нѣтъ денегъ, чтобы не проѣсть за зиму хлѣбъ, нужный ему для посѣва весной. Къ этому присоединяются съ одной стороны дѣйствительно трудныя условія хозяйства въ степной полосѣ, гдѣ, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, не рѣдки засухи, съ другой,—и это главная причина—полное невѣжество башкиръ, незнакомство ихъ съ самыми элементарными познаніями по сельскому хозяйству. Въ этомъ вина всецѣло лежитъ на пришельцахъ, отнявшихъ у башкиръ земли—русскихъ. Никто ни разу не пробовалъ научить башкиръ чему-либо; среди нихъ нѣтъ ни одной сельскохозяйственной школы или фермы, или опытнаго поля, гдѣ бы они дѣйствительно могли чему либо выучиться. Русская грамота появилась у нихъ едва нѣсколько лѣтъ въ формѣ такъ называемыхъ башкирско-русскихъ школъ. Башкиры, если и учились сельскому хозяйству, то только у татаръ приущениковъ, у которыхъ хозяйство не выше, чѣмъ у самихъ башкиръ, или у русскихъ мужиковъ, но русскій мужикъ можетъ быть хорошимъ учителемъ только тогда, когда онъ самъ живетъ полнымъ хозяйствомъ; въ сожалѣнію, въ Уфимской губ. это наблюдается не (всегда) вездѣ: нашимъ русскимъ переселенцамъ, которые становятся съ башкирами въ близкія сношенія, самимъ не оказываютъ должной поддержки на первое время, послѣ ихъ переселенія на новое мѣсто. А это, быть можетъ, было бы однимъ возможнымъ способомъ быстро обрусить башкиръ и поднять уровень ихъ сельскаго хозяйства. Законъ 1881 г. запретилъ продажу башкирскихъ земель и тотчасъ же вызвалъ аренду ихъ той массой новыхъ пришельцевъ, которые, привлеченные молвой о башкирскихъ земляхъ, продолжали прибывать изъ сосѣднихъ и дальнихъ губерній. Землю арендовали или у всего башкирскаго общества, или частнымъ образомъ у отдѣльныхъ домохозяевъ. Цѣны быстро поднялись: съ нѣсколькихъ копѣекъ за десятки десятинъ онѣ дошли до 1¹/₂ рубля за десятину подъ одинъ посѣвъ. Аренда сдѣлалась въ высшей степени важнымъ ресурсомъ въ башкирской жизни. Аренда общественной земли оплачивается подати; отдѣльные хозяева, сдавая всю дешевую землю, приобрѣли важное подспорье въ своему хозяйству, единственный способъ получить деньги.

Въ 29 моихъ деревняхъ было всего 160,000 дес. общественной земли; изъ нихъ сдавались въ аренду въ среднемъ на 3, 4 года болѣе половины и деньги вездѣ шли въ уплату податей. Ни въ одной изъ этихъ деревень, по словамъ сосѣднихъ крестьянъ, не оставалось свободной десятины земли: вся сдавалась въ аренду подъ посѣвъ хлѣба за 1—1,50 руб. за десятину, деньги шли домохозяевамъ. Общая картина башкирскихъ земель можетъ ввести въ заблужденіе. Хлѣбныя нивы тянутся на десятки верстъ, склоны холмовъ чередуютъ квадратами паровъ или ярко зеленѣютъ позднѣе поспѣвающими хлѣбами. Увы! эти нивы принадлежать не башкирамъ,—эти хлѣба

богатыхъ мужиковъ и мѣщанъ арендаторовъ. Въ среднемъ, по словамъ крестьянъ, каждый башкиръ сдаетъ изъ своего надѣла десятины по 10—15 и такимъ образомъ получаетъ по 15—20 руб. въ годъ. Нужно однако оговориться, что эта свободная земля въ арендѣ образуется не отъ избытка земель, принадлежащихъ башкирамъ, а только отъ незначительности собственныхъ запашекъ. Башкиры въ среднемъ сами сѣютъ по 3, 4 десятины или совсѣмъ ничего не сѣютъ, занимая своими посѣвами изъ 156,951 дес. своей земли только 7578 дес., т. е. нѣсколько менѣе половины.

Заслуживаютъ интереса своеобразныя отношенія башкиръ хозяевъ и арендаторовъ ихъ земель. Тотъ и другой стараются жить дружно и угождать другу другу. Башкиръ не забываетъ русскихъ праздниковъ; каждый праздникъ ѣдетъ въ гости къ своему арендатору, который въ свою очередь старается накормить и напоить до пьяна своего голоднаго гостя, иногда и неѣвшаго нѣсколько дней. Гость увезетъ и съ собой малую толку угощения для своихъ дѣтей и жены, а хозяинъ не забудетъ заключить какое нибудь выгодное дѣльце съ своимъ гостемъ насчетъ аренды. Башкиръ, дружно живущій съ арендаторомъ мужикомъ, никогда на слѣдующій годъ не набавитъ арендной платы, не прогонитъ съ старой пашни, которую домовитый хозяинъ арендаторъ не боится удобрять и готовить подъ паръ. „Бульна хороша человекъ“ говоритъ про того арендатора башкиръ. „Хоть онъ и собака, и душа въ ѣмъ басурманская, а дурного слова сказать нельзя о башкирцѣ“ говоритъ мужикъ, типичный русскій пахарь, живущій всѣми своими интересами у хлѣба, у пашни.

Вліяніе такого пахаря сказывается благотворно и на самомъ башкирѣ. По крайней мѣрѣ въ Златоустовскомъ уѣздѣ они всѣ стоятъ гораздо выше въ развитіи, чѣмъ напр. въ Белебѣевскомъ уѣздѣ, гдѣ арендаторы ихъ земель — татары. Башкирамъ Златоустовскаго уѣзда одинъ шагъ, чтобы самими сдѣлаться крестьянами, постепенно увеличивающими количество своихъ собственныхъ посѣвовъ.

Новый законъ 1899 г. окончательно санкционируетъ продажу излишней земли, позволяя продавать башкирамъ вотчинникамъ сверхъ 15 десат. надѣла на душу X ревизіи, т. е. около 10 дес. на наличную душу. Позволеніе продавать землю, не смотря даже на созрѣвшее сознаніе невыгоды такой продажи у самихъ башкиръ, поведетъ, мнѣ кажется, къ быстрой и окончательной распродажѣ башкирскихъ земель. Причина этого коренится глубоко; это полная бѣдность и необеспеченность башкиръ. Ужъ и теперь, когда еще не вездѣ можно заключать формальныя сдѣлки о продажѣ, бѣдныя посѣпшили набрать въ долгъ подъ землю у русскихъ кулаковъ. Я встрѣчалъ семьи, гдѣ этотъ долгъ уже доходилъ до 100 руб. Общинное

владѣніе земель вообще плохо воспитываетъ чувство собственности и солидарности у башкиръ.

Общую землю не хотятъ ни беречь, ни эксплуатировать болѣе правильно: „чего ее удобрять—передѣлять землю, труды пропадутъ“. „Общество“—эту фразу также часто слышишь у башкиръ, какъ и у русскихъ мужичковъ общественниковъ. Всѣ налоги, а они очень велики, считаются съ земли, но раскладываются они не по фактическому владѣнію, а по раздѣлу всѣхъ земельныхъ налоговъ по числу душъ. Благодаря этому, бѣднякъ, владѣющій 1 дес., платитъ столько же, сколько богатый, запахивающій десятии десятины. Это вынуждаетъ бѣдняковъ, какъ можно скорѣе избавиться отъ излишковъ земель, чтобы не платить по 6, 7 руб. въ годъ и освободиться отъ земельной недоимки, дошедшей до 20, 30 руб. съ души.

На сельскихъ сходахъ башкиръ теперь идетъ страшная борьба богатой и бѣдной партій; первая стоитъ за аренду, вторая за продажу земель „на вѣчно“, какъ выражаются башкиры. Трудно сомнѣваться, что партія бѣдняковъ преобладаетъ по численности и на башкирскомъ сходѣ.

Таково экономическое положеніе современныхъ башкиръ, отразившееся на внутреннемъ складѣ всей ихъ жизни, на всѣхъ ихъ этнографическихъ особенностяхъ. Перейдя къ знакомству съ ихъ домашней жизнью, прежде всего легко убѣдиться, что всѣ ихъ характеристическія черты стираются замѣчательно быстро, старые обычаи, привычки, весь складъ домашней жизни, — все это смѣняется новымъ, безцвѣтнымъ. Громадное влияніе на нихъ, въ этомъ отношеніи, имѣютъ ихъ сосѣди татары, передавшіе имъ, кромѣ мусульманской религіи, массу своихъ чертъ. Изба современнаго башкира не отличается отъ избы татарина—тептера. У богатого она строится въ двѣ горницы, соединенныя холодными сѣнями. Въ правой живутъ мужчины, принимаются гости, это т. н. Турьяга, въ лѣвой живутъ женщины „катынъ ерга“; каждая изба до половины занята нарами, т. е. широкимъ, низкимъ помостомъ, на которомъ разложены кошмы, подушки, гдѣ днемъ усаживаются съ ногами, а ночью спятъ въ повалку. Стѣны убраны базарными дешевыми картинами, полотенцами, на гвоздѣ виситъ чалма старика. Уголь занимаетъ печь чуваль, широкое, неуклюжее сооруженіе изъ кирпича или глины. Избушка бѣднаго башкира представляетъ печальную картину, особенно зимой. Мнѣ приходилось встрѣчать жилища изъ глины и плетня не болѣе 4 кв. саж. по полу, въ которое нужно влѣзать, низко согнувшись. Маленькое оконце затянуто пузыремъ и пропускаетъ тусклый свѣтъ. Нагіе ребятишки копошатся на земляномъ полу, тутъ же въ углу привязанъ новорожденный тележокъ. Воздухомъ этого жилища невозможно дышать, между тѣмъ здѣсь

безвыходно цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ зимы живетъ вся семья, не имѣя одежды выйти на улицу.

Домашнее имущество такого башкира не сложно. Лошади у него нѣтъ, скота всего двѣ коровы, ни овецъ, ни козъ, ни домашней птицы.

Это типичный представитель бѣдняка башкира, какихъ тысячи. Жизнь богатаго сложнѣе и разнообразнѣе. Зимой богачъ не прочь и повеселиться, справляя свадьбы и другіе семейные праздники. Онъ готовитъ на праздники большой запасъ „кислушки“, хмѣльнаго напитка изъ меда.

Въ его пищѣ встрѣчаются старинныя кушанья: „билбармакъ“, брошенное мясо съ тѣстомъ и жиромъ „саама“, лапша въ водѣ, „вог‘ыть“ — сушеное, „саксакъ“ — тѣсто въ маслѣ, „прутъ“, сыр — сушеный творогъ, лѣтомъ у нѣкоторыхъ кумысь. Хлѣбъ пекутъ кислый, иногда дѣлаютъ его изъ полбенной муки. Пьютъ три раза въ день чай черный — кирпичнаго монгольскаго не любятъ.

Одѣваются башкиры въ татарскую одежду, національной я не встрѣтилъ.

Чтобы ближе ознакомить съ обычнымъ настроеніемъ башкиръ, съ ихъ обычными интересами, мнѣ хочется описать ту обстановку, которую я встрѣчалъ почти вездѣ при своихъ разѣздахъ. Ямщикъ привозитъ васъ къ какому нибудь башкиру, который пускаетъ къ себѣ проѣзжающихъ, уступая для нихъ чистую половину своей избы. Не успѣли вы пріѣхать, поздороваться съ хозяиномъ, какъ въ избу одинъ за другимъ входятъ любопытные. Молва о васъ, какъ о необычномъ гостѣ, который разспрашиваетъ о всемъ, дошла до нихъ изъ сосѣдней деревни скорѣй, чѣмъ вы пріѣхали. Не смотря на вашу скромную фигуру, и все желаніе, что бы васъ принимали за случайнаго гостя проѣзжаго, васъ считаютъ чиновникомъ „тѣрей“, посланнымъ изъ самаго Петербурга высмотрѣть, что дѣлается здѣсь. Съ таинственнымъ видомъ спрашиваютъ васъ, что новаго въ Петербургѣ, разузнаютъ, какой на васъ чинъ, можете ли вы самого „земскаго“ ревизовать. Задаютъ вопросъ, сколько вы получаете жалованья и только съ той минуты, когда узнаютъ, что ваше жалованье не соответствуетъ тому представленію, какое они составили о вашемъ значеніи, они убѣждаются, что передъ ними не „тайный“ чиновникъ изъ Петербурга, а простой смертный. Нѣкоторые разочарованные уходятъ домой, другіе дѣлаются довѣрчивѣе, и разговоръ, болѣе интересный, завязывается. Устройте чай и пригласите выпить вмѣстѣ съ вами стариковъ. Сначала пьютъ чай чинно и сосредоточенно. Рѣшительно отказываются отъ каждой новой чашки; но мало-по-малу ихъ живая натура беретъ верхъ, и устанавливается болѣе естественная простота.

Старайтесь ухаживать за хозяиномъ квартиры ласковѣе; отъ него вы, по уходѣ гостей, услышите много цѣнныхъ поправокъ. Для этой же цѣли

не жѣнитесь подавать чаю ямщику, который васъ повезетъ въ слѣдующую деревню. Гости разговорились; вы незамѣтно узнали отъ нихъ много бытовыхъ черточекъ. Затѣмъ нужно, подмѣтивъ какойнибудь вопросъ, который ихъ особенно волнуетъ или имъ близокъ, направить на него. Такой вопросъ возбудитъ горячіе споры; чѣмъ онъ ближе, чѣмъ онъ существеннѣе, тѣмъ возбужденнѣе будетъ общее настроеніе. Раскроется внутренняя жизнь деревенскаго общества, вы различите въ немъ нѣсколько партій. Вы увидите самыя запутанныя нити ихъ взаимныхъ отношеній: презрѣніе къ бѣднякамъ у богатыхъ, ненависть бѣдняковъ къ нимъ, интриги, вражда, честолюбіе, зависть и проч., и проч.

Этими моментами и долженъ пользоваться этнографъ, передъ которымъ иногда открывается истинное положеніе дѣла, затемненное и тщательно скрываемое обыкновенно изъ страха и недовѣрія ко всякому чужому человѣку.

„Зачѣмъ намъ обязательную нарѣзку земель: мы и такъ дружно живемъ; нарѣжутъ землю, всё лишки отнимутъ въ казну!“ и мои гости припоминаютъ исторію съ надѣлами припущениковъ въ 1832 г., когда для нихъ у башкиръ взяли по 15 д. на душу, а въ дѣйствительности по 7¹/₂ д., остальные отобрали въ казну и продавали впослѣдствіи въ частныя руки на льготныхъ условіяхъ.

— „Зачѣмъ нарѣзку дѣлать по душамъ X ревизіи, когда мы бились, бились, насили по наличнымъ передѣляли?— „Какъ будутъ рѣзать деревнямъ запасную землю по душамъ VII ревизіи (VII ревизія была въ 1816 г.), когда въ то время и деревни нашей тутъ не было?!“ — Цѣлый рядъ страстныхъ вопросовъ, показывающихъ, къ моему удивленію, что башкиры знаютъ о новомъ законѣ 1898 г., за мѣсяць только что вышедшемъ и опубликованномъ, чувствуется его непониманіе, недовольство и страшное раздраженіе. „Не пустимъ жевать землю... что хочешь съ нами дѣлай!“.. Моимъ объясненіямъ не вѣрятъ: ужъ и ты не обманываешь ли насъ! подозрительно спрашиваютъ меня. Тамъ, гдѣ нарѣзка произведена, всѣхъ волнуетъ распродажа земель. „Зачѣмъ землю продаемъ? а чѣмъ будемъ жить-то, хлѣба-то откуда достанемъ, неурожай вотъ который годъ. А подати-то съ земли чѣмъ платить будемъ? чего ужъ!“ Старики сокрушенно киваютъ головами: прошло наше раздолье, старины не вернешь.. А богатые злобно шепчутъ: „это все, ваше благородіе, лѣнтая, дармофды, голытьба эта землю продаетъ; нельзя ли ихъ хотъ выдѣлать отъ насъ, что ли?!“ Въ ихъ тонѣ и презрѣніе, и ненависть.

Въ то же время и они чувствуютъ, что ихъ благосостояніе не прочно и не могутъ скрыть своего безпокойства. Не смотря на всё мои старанія возбудить къ себѣ полное довѣріе, я чувствую, что моимъ объясненіямъ закона не

вѣрять, а когда дѣло доходить до прамыхъ вопросовъ о числѣ скота, пашень и пр., я вижу, что башкиры начинаютъ плутовать и, быстро сговариваясь, уменьшаютъ настоящія числа. Ужъ слишкомъ велика ихъ недо- вѣрчивость, воспитанная дѣлами многими годами; вотъ почему я вынесъ изъ своего опыта нѣкоторое недо- вѣріе въ цифры, получаемыя офціальными статистиками. Опросы кончены. Я объявляю, что теперь мы будемъ попросту бесѣдовать, посылаю купить кумыса для гостей и какое-нибудь дешевое уго- щеніе. Два, три башкира уходятъ домой и черезъ минуту возвращаются съ четвертью своего кумыса; оказывается, они хотятъ угощаться въ складчину. Изба теперь представляетъ живописную группу; мы тѣсно сидимъ на нарахъ, угощая другъ друга большой круговой чашей съ кумысомъ. Его пьютъ съ благоговѣніемъ, стараясь не пролить и не расплескать ни капли, вспоминаютъ имя Аллаха. Одинъ изъ стариковъ гостей оказывается пѣвцомъ и музыкан- томъ на кураѣ. Кураемъ называется у башкиръ флейта изъ камыша. По моей просьбѣ, старикъ начинаетъ играть. Жалобно, но пріятно звучитъ грустная мелодія; пѣсня о былой кочевкѣ заунывна; она замираетъ до чуть слышной трели, то возвышается до буйнаго порыва гѣва, отчаянія о невозможности вернуть прошлое. Башкиры слушаютъ сосредоточенно. Не одна сѣдая голова поникла на грудь, а слезы затуманили старческіе глаза.

Молодежь, не помнящая кочевки, слушаетъ болѣе спокойно, но и она тронута.

Ту же мелодію пѣвецъ пропѣлъ словами:

Какъ жаворонокъ тонетъ въ небѣ,
Такъ исчезла навсегда и кочевка,
Но жаворонокъ вернется съ неба,
Кочевка, увы не вернется..
Не знаю, нравится ли тебѣ воздухъ степи,
Намъ онъ милъ сердцу....
Какъ не возвратится молодость,
Не вернется вновь наша кочевка...

Игра на кураѣ совсѣмъ исчезаетъ. Теперь на немъ играютъ немногіе старики, при чемъ есть мотивы очень древніе и интересные; я слышалъ, напр., мотивъ киргизскаго марша, военнаго гимна, который будто бы играли татары, защищаясь противъ Іоанна IV, на Казанскихъ стѣнахъ. Интере- сенъ мотивъ былины объ Едигѣ, текстъ которой, къ сожалѣнію, утраченъ; мотивъ строго выдержанный, эпическаго характера, стройный и величествен- ный. Пѣніе кончено. Чтобы развѣять общее меланхолическое настроеніе, хо- зяинъ избы вытаскиваетъ на средину молодого парня, робкаго, застѣнчиваго геркулеса и приказываетъ ему плясать. Пляска башкиръ не характерна, точно

такъ же пляшутъ и татары. Это рядъ мѣрныхъ движеній корпусомъ съ притопываньемъ ногами; теперь часто можно увидѣть пляску русскаго камаринскаго подъ звуки гармоніи. Наша пирушка тянется долго. Башкиры рѣдко собираются вмѣстѣ и рады отдохнуть и поговорить; поэтому все время идетъ живая бесѣда.

Я еще ближе приглядываюсь къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ, къ обыденнымъ интересамъ и къ міровоззрѣнію. Здѣсь передъ вами люди, которые стали вамъ удивительно близки; вы смутно чувствуете, что заглянули въ ихъ міръ, что они сдѣлались для васъ чѣмъ то болѣе отвлеченныхъ башкиръ, которыхъ вы пріѣхали изучать. Однако поздно. Гости прощаются и расходятся, можетъ быть, дорогой вспоминая, не выболтали ли они мнѣ чего либо лишняго, а вы вносите въ свою книжку всѣ тѣ поправки, которыя теперь необходимо сдѣлать вашимъ записямъ. На утро дальше, въ слѣдующую деревню... Бросимъ общій взглядъ на положеніе современныхъ башкиръ. Они оказываются вышедшими изъ стадіи кочевого быта, но въ то же время они не могутъ еще считаться вполне земледѣльцами. Они переживаютъ стадію перехода. Такіе переходы всегда болѣзненны. Они похожи на тяжкій недугъ, который приблизился къ перелому; выздоровленіе или смерть. Увы! ничего не сдѣлано, чтобы помочь башкирамъ выбрать лучшей исходъ. А между тѣмъ башкиры вовсе не вымирающее племя: у нихъ нѣтъ ни сифилиса, ни рахитизма, ни проч. язвъ вырожденія. Они не алкоголики, благодаря, быть можетъ, запрету магометанскаго закона (религіи) употребленія вина. Напротивъ, они способны къ самому упорному труду, къ образованію, къ высшей культурѣ. Ихъ бѣдствія тяжелымъ камнемъ лежатъ на тѣхъ, кто, отнявъ у нихъ землю, не облегчилъ имъ неизбежнаго перехода къ высшей ступени—земледѣлію, кто считалъ ихъ дикарями, когда они уже нуждались въ законѣ, кто видѣлъ въ нихъ опытныхъ земледѣльцевъ, когда они еще были отчасти номадами скотоводами... Мнѣ кажется, еще не поздно помочь башкирамъ, ближе узнавъ, что они такое, и я надѣюсь, что тогда черезъ два, три десятка лѣтъ не узнаешь голоднаго башкира въ богатомъ домовитомъ пахарѣ вотчинникѣ, искусно и съ любовію обрабатывающемъ свою собственную тучную землю.

А. Калачевъ.

ОТДѢЛЪ II.

О народномъ говорѣ Чухломскаго уѣзда Костромской губерніи.

(Изъ отчета о командировкѣ отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ 1898 г.).

Чухломскій уѣздъ въ большей части своего населенія говоритъ однимъ, акающимъ говоромъ. Исключеніе составляютъ: восточный край уѣзда по границѣ съ Кологривскимъ, съ волостями—Вохтомской, Каликинской, Просѣковской и восточной частью Коровской,—и край южный и юго-восточный, гдѣ въ сосѣднихъ съ Галицкимъ уѣздомъ волостяхъ Муравьищенской и Бушевской аканье является иногда только случайнымъ явленіемъ въ говорахъ съ общимъ характеромъ оканья; въ Каликинской же волости, а также и въ сосѣднихъ съ нею деревняхъ Коровской, равно и въ восточныхъ частяхъ волостей Вохтомской и Просѣковской, слышенъ чистый окающій говоръ, почти безъ всякой примѣси аканья. Нужно приэтомъ замѣтить, что Чухломское аканье является несомнѣнно исконной особенностью говора, а не позднѣйшимъ явленіемъ въ немъ, привнесеннымъ, какъ думаютъ иногда, «чужой стороною»: хотя мужское населеніе уѣзда въ лѣтніе мѣсяцы года почти поголовно живетъ въ Петербургѣ, занимаясь тамъ то малярнымъ, то столярнымъ, то плотничнымъ мастерствомъ, однако свой «высокій» говоръ оно не принесло оттуда, а получило отъ своихъ отдаленныхъ предковъ. Доказательствомъ этого можетъ служить, во первыхъ, то обстоятельство, что наиболее рѣзкое аканье слышится главнымъ образомъ въ женской и по преимуществу пожилой, не покидающей деревни, половинѣ населенія, тогда какъ мужчины, въ особенности прожившіе въ Петербургѣ сравнительно долгое время, говорятъ хотя и акающимъ, но значительно уже въ этомъ отношеніи смягченнымъ говоромъ, безъ того растяженія *a*, которое у женщинъ въ центральной части уѣзда звучитъ для сторонняго наблюдателя иногда надобдливой тягучестью и крикливостью. Во вторыхъ, подтвержденіемъ того, что Чухломскій акающій говоръ не былъ принесенъ изъ столицы, могутъ служить и окающія волости того-же уѣзда, съ одной стороны, и сосѣдняя сѣверная часть Галицкаго уѣзда, съ другой: въ нихъ населеніе находится въ одинаковыхъ съ центральными и сѣверо-восточными волостями условіяхъ жизни и также то почти поголовно, то въ большей части мужской своей половины живетъ по лѣтамъ въ Петербургѣ, а между тѣмъ оно если и измѣняется въ сторону аканья свой первоначальный окающій говоръ, то измѣняетъ немного и скорѣе подъ вліяніемъ своихъ же акающихъ Чухломскихъ сосѣдей, чѣмъ «чужой стороною».

Аканье Чухломскаго уѣзда состоитъ,—во первыхъ, въ томъ, что въ мѣстныхъ говорахъ на мѣстѣ древнихъ орфографическихъ неударяемыхъ *a* и *o* послѣ твердыхъ со-

гласныхъ, не исключая шипящихъ и *ц*, а также и въ началѣ словъ, слышится *а*, часто произносимое съ такимъ растяженіемъ, что если его и можно признать закрытымъ, то только въ весьма малой степени.

Звуковую замѣну эту можно видѣть прежде всего въ слогахъ предъ удареніемъ, какъ на первомъ, такъ и на послѣдующихъ отъ ударяемаго.

Непосредственно предъ удареніемъ слышится, напримѣръ: *сыдва*, *масла* (р. ед.), *садить*, *дарить*, *заказать*; *большой* вм. *большой*, *своей* вм. *своей*, *твоей* вм. *твоей*, *преважу* вм. *перевожу*, *агароды* вм. *огороды*, *гавядина* вм. *говядина*, *дасталася* вм. *досталася*, *нездоровъ* вм. *нездоровъ*, *здоровье* вм. *здоровье*, *дорожи* вм. *дороже*, *дорога* вм. *дорога*, *Микалай* вм. *Николай*, *копѣйки* вм. *копѣйки*, *корова* вм. *корова*, *кабыла* вм. *кобыла*, *кому* вм. *кому*, *колѣса* вм. *колѣса*, *челавѣкъ* вм. *человѣкъ*, *маей* вм. *моей*, *съ маемъ* вм. *съ моимъ*, *самаваръ*, вм. *самоваръ*, *зимовой* вм. *зимовой*, *мая* вм. *мая*, *памрѣшь* вм. *попрѣшь*, *подносите* вм. *подносите*, *пайте* вм. *пайте*, *запаеть* вм. *запоеть*, *палуччи* вм. *получше*, *палѣтя* вм. *полѣтя*, *паѣдите* вм. *поѣдите*, *працентовъ* вм. *процентовъ*, *родной* вм. *родной*, *дарагой* вм. *дорогой*, *прашу* вм. *прошу*, *ярвны* вм. *ярвны*, *салянье* вм. *солянье*, *сасновый* вм. *сосновый*, *стала* вм. *стола*, *второму* вм. *второму*, *стаять* вм. *стоять*, *таргунте* вм. *торгуете*, *таперя*, *таперь* и *таперичъ* вм. *теперь*, *теперь* и *теперичъ* (*вѣроятно*, чрезъ древнее *топерь*), *харошій* вм. *хорошій*, *хазяинъ* вм. *хозяинъ*, *опеть* вм. *опять*, *аbrookъ* вм. *оброкъ*, *съ атцомъ* вм. *съ отцомъ*, *авинъ* вм. *овинъ*, *ашшо* вм. *еще* (и. б. чрезъ *още*) и т. под. Послѣ шипящихъ и *ц* говорятъ: не *жмѣтъ*, а *жалѣтъ*; не *шмги*, а *шаги*; не *царапать*, а *царапать* и под.; въ этомъ такимъ образомъ отношеніи, какъ и по сравнительной открытости *а*, Чухломскій говоръ принадлежитъ къ сильно акающимъ говорамъ *).

Исключенія, то есть случаи, когда въ слогахъ непосредственно предъ удареніемъ въ акающихъ мѣстностяхъ узда сохраняется неударяемое орфографическое *о*, слышатся чаще всего въ энклитикахъ-предлогахъ. Если говорятъ: *па* личной прозьби, *па* праздника, *са* всей, *падъ* елкой, *па* иду, — то слышится также: *по* пазуки (= пазухи), *отъ* горада, *по* нашему, *по* обѣ стороны, *по* прозьби и др. Такимъ же образомъ *о* сохраняется иногда и въ тѣхъ случаяхъ, когда слово заключаетъ въ себѣ, передъ или послѣ этого неударяемаго *о*, звуки *а*, *о*, *е* или *у*; такъ, можно слышать иногда: *изъ солдатовъ*, а не *изъ салдатовъ*; *роскладка*, а не *раскладка*; *благословлены*, а не *благаславлены*: *донесь*, а не *данесь*; *какое* *оказье*, а не *какое* *аказье*; *пропутаеся*, а не *прпутаеся*; *полегчи*, а не *палегче*; *родишся*, а не *радишся*; *воротца*, а не *варотца*; *волоса*, а не *виласа*; *обстаныва*, а не *обстанывать*; *свое*, а не *свае*; *покорнѣше*, а не *пакорнѣше*; *оставти*, а не *оставть*; *больная*, а не *бальная*, а также; *опеть*, *спокойствіе*, при подачи, *съ* сяковой поры, *ляхковой* вм. *легковой* и под.

Въ приокавающихъ Вохтомской, Муравьищенской и Бушневской волостяхъ чистаго аканья въ данномъ случаѣ нѣтъ, такъ что наряду съ—*вароты* вм. *вороты*, *адинъ* вм. *одинъ*, *паѣтому* вм. *поѣтому*, *перегародятъ* вм. *перегородятъ*, *сѣнакъсъ* вм. *сѣнакъсъ*, *здоровье* вм. *здоровье*, *въ маехъ* вм. *въ моихъ*, *тапоръ* вм. *топоръ*, *саводни* вм. *сегодни* (и. б. *изъ соводни*);—можно слышать: *отойтитъ*, въ домахъ, *ворочать*, *говорите*, *попоськой* вм. *поповскій*, *поглуши* вм. *поглуше* и др.

Въ Каликинской же и въ сосѣднихъ съ нею селеніяхъ Коровской и Просѣковской волостей орфографическое *о* въ данномъ случаѣ вовсе не измѣняется въ *а*. Здѣсь, напримѣръ, говорятъ: *понсь* вм. *поѣсть*, *говору*, *росческа*, *вожеть*, *покуды* (= *покуда*), *мое* (= *мой*), *говорите*, *могу*, *сѣдковъ*, *сгониемъ*, *поди* (= *пойди*), *топерца* (= *теперича*), *конешно*, *бояття* (= *боятся*), *бояття* (= *боятся*), *покамъ*, *торговцы* и под.

Во второмъ и слѣдующихъ слогахъ предъ удареніемъ акающій Чухломскій говоръ также произноситъ на мѣстѣ древнихъ орфографическихъ *а* и *о* довольно открытое *а* какъ въ началѣ словъ, такъ и послѣ твердыхъ согласныхъ, а между ними и шипящихъ и *у*. Поэтому здѣсь говорится: *атступилася* вм. *отступилася*, *агароды* вм. *огороды*,

*) См. Соболевскій. Очеркъ русской діалектологіи.—Живая Старина 1892 г., I стр. 10 и 14.

адинокій, вм. одинокій, сваяно вм. своего, бароній вм. бороны (р. с.), наваравалясь вм. наворовались, гаваритса вм. говорится, дарагѡй вм. дорогой, накашенѡ вм. накошено, маяво вм. моего, падишевле вм. подешевле, па сими камѣикъ вм. по семи копѣекъ, падыржи вм. поддержки, прабяруть вм. проберуть, палогодовой вм. полугодовой, маравика (= клюква), шаловдивый и т. под. Произношенія же: зыхатѣль вм. захотѣль, сыракофка вм. сороковка, шыповаль вм. шаповаль и под.,—невозможно услышать, такъ что и въ этомъ отношеніи Чухломскій говоръ принадлежитъ болѣе сильнымъ, чѣмъ умѣренно акающимъ говорамъ.

Исключенія изъ предыдущаго, т. е. произношеніе *о* вмѣсто ожидаемаго *а*, и здѣсь встрѣчаются опять таки по преимуществу въ энклитикахъ-предлогахъ, въ предлогахъ, предавкахъ и въ словахъ съ неоднократнымъ звукомъ *о*, или *а*, или *у*, или *е*: поширекъ (= поперекъ), по чатыри (= по четыре), по росылатки (= по раскладѣ), по буднямъ, благословенье, по бизграмотству, по прѣзду, потрудняе (= потрудитѣ), посвѣляе (= посвѣтаѣ), согрышилъ (= согрѣшилъ), волоса-ги, овсяцѣ (= овсеца), отойтитъ (= отойти), толщиною (= толщиною), по мястамъ (= по мѣстамъ), безо всяво (= безо всего), по огородамъ и др.

Точно также и въ Вохтомской, Бушневской и Муравьищенской волостяхъ, наряду съ вышеприведенными примѣрами аканья, можно услышать окающія: говорите, обжирѣся (= обжерешся), одинасьво (= одиначество) и под., а въ Каликинской и восточной части Коровской и Просѣковской волостей слышится только: говорю, пожелалъ, остальные, огуменникъ (= гуменникъ), понетымъ (= понятымъ), говорите, роспашитесь, отпушай (= отпушай), отъ радинья сердца (= отъ радѣнья сердца), похваляетця (= нахваляется), полицейской (= полицейскій), отбиваетця (= отбивается), по отгородкамъ и под.

Произношеніе затѣмъ звукомъ *а* древнихъ неударяемыхъ *а* и *о* послѣ твердыхъ согласныхъ,—съ шипящими и *у* между ними,—происходитъ въ Чухломскомъ чисто акающемъ говорѣ также и въ слогахъ, слѣдующихъ за ударяемымъ. Такъ, непосредственно послѣ ударенія слышится: участвавать вм. участвовать, нимного вм. немного, за ягздамъ вм. за ягодами, Ѳедаровъ, вм. Ѳедоровъ, тропкый вм. тропкой, только вм. только, ниловка вм. неловко, Михайлавъ вм. Михайловъ, парядашна вм. порядочна, дасталаса вм. досталоса, волости вм. волости, домъ-ать вм. домъ-отъ, па личной просьбѣ вм. по личной просьбѣ, парасенакъ вм. поросенокъ, сынъ-ать вм. сынъ-отъ, ва меринамъ вм. за меринѡмъ, тропачкой вм. тропочкой, каторай вм. которой, изъ горада вм. изъ города, стараста вм. староста, Александра вм. Александрѣ, лѣсь-ать вм. лѣсь-отъ, по пятому вм. по пятому, Играфавна вм. Еграфовна, я-та вм. я-то, а также: скушала, слышать, кожанный, выцаранать и др.; произношенія же—скушала вм. скушала, слышьтъ вм. слышать и под.,—совсѣмъ не встрѣчается. Только въ Идской и Алешковской волостяхъ записано двадцѣтъ вм. двадцать, а въ Мирохановской—лошьтъ вм. лошадь.

Во второмъ и слѣдующихъ слогахъ отъ ударенія произносится также *а*: прѣпадобна вм. преподобнаго, Медвѣдева вм. Медвѣдево, Нилидова вм. Нелидово, Агрыскова, вм. Огрызково, старинькай вм. старинько(і)й, Ефанова вм. Ефаново, мѣсяцъ (= мѣсяца) и под.

Въ качествѣ исключенія, *о* на мѣстѣ ожидаемаго *а* слышится по преимуществу въ падежныхъ окончаніяхъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ. Такъ, наряду съ вышеуказанными примѣрами, иногда говорятъ: працентовъ, хичнова (= хичноваго), тропачкой (= тропочкой), сѣянова (= сѣяноваго), ниграмотной (= неграмотной), малинкой (= маленькій), Сишеновъ, вѣкъ-отъ, старостовъ, Алешковской (= Алешковской). Имильяновъ (= Емельяновъ) и др. Но встрѣчаются, хотя и рѣдко, исключенія и не въ окончаніяхъ словъ: Господя, по бизграмотству, милосливъ (= милостивъ), парюдокъ, пользоваца (= пользоваться), грамоти (= грамотѣ) и под.

Въ Муравьищенской и Бушневской волостяхъ, точно такъ-же какъ и въ чисто акающихъ мѣстностяхъ уѣзда, чаще можно слышать: жить-та вм. жить-то, зимой-та, вм. зимой-то, нѣ была вм. нѣбыло, руськай вм. русско(і)й, попоськай вм. поповск(і)й,—чѣмъ: семейсво (= семейство), затруднительно, ташнехоньки и под. Но въ Каликинской

волости и въ восточныхъ частяхъ волостей Просѣковской и Вохтомской неударяемое *о* сохраняется въ слогахъ и послѣ ударенія. Поэтому тамъ можно слышать только: стороны, валъво, направо, надъ бѣ, коло (= около), бѣлое, спичкой (= спичкой), пѣсьмовъ (= пшевь), тамоди, сѣно-то, черное, Пѣтро, на столбикъ-то, сирочесво (= сиротство) и мн. др.

Открытость произношенія *а* въ акающемъ Чухломскомъ говорѣ, особенно въ центральныхъ волостяхъ уѣзда — Вореевской, Мирохановской и Алешковской, — такъ велика, что здѣсь очень часто конечное ударяемое *а* въ послѣднемъ словѣ фразы, — преимущественно же въ отвѣтахъ, вопросахъ и приказаніяхъ, — а также и неударяемое *а* въ слогѣ, стоящемъ непосредственно предъ удареніемъ, того слова, на которомъ стоятъ логическое удареніе фразы, произносится, — главнымъ образомъ женщинами и по преимуществу старухами, — съ такою протяжностію, что въ немъ слышится почти двойное *а*, неприятно поражающее сторонняго наблюдателя своею тягучестью и крикливостію. Такъ, здѣсь очень часто можно услышать: *даа*, *праастите*, у *снаахи*, ни бизпаакоили, *спраасягъ*, *каармилицъ* (= кормилецъ), семь *каапѣикъ* (= копѣекъ), *ваарочать*, *ваашли*, все *раавно*, *здааровье*, *скаажу*, *гляажу*, *длѣякко* (= легко), *каакое* табѣ! и под. Отъ этого говоръ Чухломлянъ кажется громкимъ, смѣлымъ и рѣшительнымъ, между тѣмъ какъ обиліе въ рѣчи ласкательныхъ обращеній, въ родѣ — ангелы ман, кармилицы (= кормилицы), ридные ман, дарагіе ман и под. — которыми женщины иногда просто пересыпаютъ свой разговоръ, придаетъ ему своеобразную ласковость и нѣжность.

Не чужда, во вторыхъ, акающему Чухломскому говору и другая особенность акавья внутренне-акающихъ говоровъ, состоящая въ томъ, что у нихъ на мѣстѣ неударяемаго *а* слышится въ срединѣ словъ послѣ *з* и мягкихъ согласныхъ (съ шипящими *ч* и *щ*), — какъ непосредственно предъ и послѣ ударенія, такъ и во второмъ слогѣ предъ ударяемымъ, — *и*. Такъ, нерѣдко говорить здѣсь: ни *трису* вм. не *трясу*, *увизаласи* вм. *увязалася*, *загрязнилъ* вм. *загрязнилъ*, *глядидиш* вм. *глядидишъ*, *Ижидиш* вм. *Ижидишъ*, *лгнати* вм. *лгнатишъ*, *распоридилси* вм. *распоридилсишъ*, *завляй* вм. *завляйшъ*, *девити* вм. *девитишъ*, *на пять* вм. *на пятишъ*, *пятачекъ* вм. *пятачекшъ*, *чужело* вм. *чужелюшъ* и др.

Однако большее сходство Чухломскаго говора съ говорами сильно акающими выражается и въ данномъ отношеніи тѣмъ, что указанная замѣна неударяемаго *я* звукомъ *и* наблюдается въ немъ сравнительно рѣдко; гораздо чаще *я* въ этомъ случаѣ сохраняется и даже болѣе того, — весьма нерѣдко, — одинаково по всей территоріи уѣзда, — оно переходитъ въ *е*, что уже сближаетъ его съ сосѣдними окающими говорами губерніи; въ окающихъ же его мѣстностяхъ произношенія *и* вм. *я* и совсѣмъ не встрѣчается. Поэтому наряду съ вышеприведенными прилѣрами акавья, мы также слышимъ, — съ одной стороны: *гляжу*, *тяжа*, ни *мятѣна* *избушка*, *языкъ*, *взяла*, *чужело* (= тяжело), *для* *памяти*, *сѣянова* (= сѣянаго), съ *сяковой* *поры* и др., — съ другой: *завлени* вм. *завленишъ*, *косяковъ* вм. *косяковшъ*, *разъяснитъ* вм. *разъяснитшъ*, *обезуюсь* вм. *обязуюсь*, *пятнадцатъ* вм. *пятнадцатшъ*, *нарядитъ* вм. *нарядитшъ*, *распорженіе* вм. *распорженіешъ*, *понятишъ* вм. *понятишъ*, *еровой* вм. *яровой*, *педесать* вм. *пятьдесятъ*, *состоящего* вм. *состоящегошъ* и др.

Эта замѣна неударяемаго *я*, звукомъ *е* встрѣчается не только въ слогахъ непосредственно передъ и послѣ ударенія и во второмъ слогѣ предъ ударяемымъ, но и во всѣхъ другихъ слогахъ, даже послѣ твердыхъ шипящихъ. Такъ говорится: съ помѣщеніемъ вм. съ помѣщеніемшъ, образующагося вм. образующагосяшъ, по выслушенію вм. по выслушеніюшъ, двацетъ вм. двадцатъ, трицетъ вм. тридцатъ и др. Даже на концѣ словъ *е* вм. *я* слышится въ окончаніи имен. вин. пад. множ. ч. именъ прилагательныхъ, чѣмъ Чухломскій говоръ рѣзко отличается отъ сосѣднихъ съ нимъ окающихъ говоровъ, гдѣ подобной замѣны звуковъ никогда не бываетъ. Такимъ образомъ во всемъ почти уѣздѣ, за исключеніемъ чистыхъ окающихъ мѣстностей Каликинской, Просѣковской и Вохтомской волостей, произносится обыкновенно: *родные* вм. *родныя*, *дарагіе* вм. *дорогія*, *харошіе* вм. *хорошія*, *пастаронніе* вм. *постороннія*, *яравые* вм. *яровыя*, *худые* вм. *худыя* и т. под. Сюда же можно отнести и нѣкоторые отдѣльные случаи: *изавтре* вм. *завтра* и *таперѣ* вм. *теперя*.

Ударяемое *я* переходить въ *е* только въ словахъ: апеть *вм.* опять и сѣдетъ *вм.* сядеть (Судайск. вол.).

Переходъ неударяемаго *е* и *ъ* въ *и*, составляя также особенность акающихъ говоровъ, слышится въ акающихъ мѣстностяхъ Чухломскаго уѣзда очень часто и наблюдается главнымъ образомъ въ слогахъ непосредственно передъ и послѣ ударенія,— предъ послѣдующимъ мягкимъ слогомъ.

Такъ непосредственно предъ удареніемъ мы слышимъ: бири *вм.* бери, ны *вм.* не вижу, иѣ *вм.* еѣ, ривить *вм.* ревить, на андрицѣ *вм.* на андрецѣ, увезли *вм.* увезли, ниси *вм.* неси, загримѣль *вм.* загримѣль, попирекъ *вм.* поперекъ, вмсти *вм.* вести, па семи *вм.* по семи, дивеня *вм.* деревни, кристьянинъ *вм.* крестьяннѣ, смѣя *вм.* себя, силенье *вм.* селенье, припяція *вм.* препятствія, деривень *вм.* деревень, бмзъ денегъ *вм.* безъ денегъ, Фитькѣва *вм.* Федькѣво, ривискихъ *вм.* ревизскихъ, облитѣла *вм.* облетѣла, Нилидова *вм.* Нелидово, тибѣ *вм.* тебѣ, Симень *вм.* Семень, Диментьевъ, *вм.* Деменьтевъ, сидѣлка *вм.* судѣлка, ребята *вм.* ребята, вилѣли *вм.* велѣли, крипили *вм.* крепили, дитей *вм.* дѣтей, стиснялась *вм.* стѣснялась, нильзя *вм.* нельзя, смейство *вм.* семейство, Тирентьевъ *вм.* Терентьевъ, Имирьяновъ *вм.* Емельяновъ, придвидца *вм.* предвидится, виврочка *вм.* веревочка, мичя *вм.* меня, бмсѣда *вм.* бесѣда, втчечѣн *вм.* втеченіи, залничлса *вм.* залъничлса, Катирина, *вм.* Катерина, вилика *вм.* велика, дирньо *вм.* дерньо, плитеть *вм.* плететь, сумливалса *вм.* сомнѣвалась, въ змигѣ *вм.* въ землѣ и т. под. Даже въ Муравьищенской волости произносятъ по преимуществу: бмзчѣсно *вм.* безчестно, обжирѣса *вм.* обжерешся, пинѣтъ *вм.* пенекъ, бмзъ дровъ *вм.* безъ дровъ и т. д. За то въ большей части Бушневской волости, а въ окаящихъ мѣстностяхъ Вохтомской, Просѣковской и въ Каликинской постоянно,—неударяемое *е* въ слогѣ предъ удареніемъ сохраняется, напримѣръ: семейсво *вм.* семейство, еѣ, Евгенья, безъ чаю, ничево *вм.* ничего, мужевья, ево *вм.* его и под. Впрочемъ и въ акающихъ волостяхъ встрѣчаются исключенія, какъ: грести, вездѣ, Медвѣдево, падешевле *вм.* подешевле, семейсво, терезый и черезый, селеніевъ, женихъ, недѣля и др.

Непосредственно послѣ ударенія, предъ мягкимъ слогомъ, или согласнымъ, акающіи селенія уѣзда говорятъ также *и* *вм.* *е* и *ъ*: выпій *вм.* выпей болше *вм.* болше, восьми *вм.* восемь, малчнкой *вм.* маленькій, шатайтса *вм.* шатается, старамсса *вм.* стараешься, старинькай *вм.* старенькій, вывисти *вм.* вывести, паѣдите *вм.* поѣдете, забалумсса *вм.* забалуешься, каминь *вм.* камень и под. Въ проживающей Муравьищенской волости можно слышать почти то-же самое, но въ акающихъ селеніяхъ Вохтомской, Просѣковской, Коровской и Каликинской волостей, а также и въ большей части Бушневской волости, неударяемое *е* въ слогѣ послѣ ударенія сохраняется, хотя бы и стояло предъ мягкимъ слогомъ; такъ, здѣсь говорится: затруднително, свыкнесса *вм.* свыкнешся, можете, свидѣтельвъ, похваляетча (= похваляется), топереца (= тепереца), отбиваетча (= отбивается) и др. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и въ чисто-акающихъ волостяхъ случаи неперехода послѣ ударяемаго *е* въ *и* передъ мягкими слогами встрѣчаются ничуть не рѣже, чѣмъ это бываетъ въ слогахъ предъ удареніемъ; поэтому, наряду съ вышеприведенными примѣрами, можно здѣсь слышать: патписуемса, а не патписуемнса (= подписуемся); жителство, а не житльство; Янадей, а не Янадій (= Генадій); вывисти и вывести, желаете и желаете и др.

Рѣже слышится переходъ неударяемаго *е* въ *и* въ слогахъ непосредственно предъ и послѣ ударяемаго тогда, когда за нимъ слѣдуетъ твердый слогъ. Такъ, если мы слышимъ предъ удареніемъ: Играфавна *вм.* Еграфовна, нмзавю *вм.* незнаю, нмграмотнай *вм.* неграмотный, нмного *вм.* немого, нм высалдъ *вм.* не высалдъ, надмшевля *вм.* подешевле, пиридайте *вм.* передайте, пирмулокъ *вм.* переулокъ, мшшо *вм.* еще, пирислатъ *вм.* переслатъ, пиримложитъ *вм.* переложитъ, нмловка *вм.* неловко, па бмграмотству *вм.* по безграмотству, набмжала *вм.* набѣжала и под., то, съ другой стороны, не рѣже этого говорится: на верху, челавѣкъ (= человекъ), за ево *вм.* за него, къ ему, междѣ, накашено (= накошено), падешевли (= подешевле), счека (= щека), ешшо (= еще), жена, повезла и др. Въ окаящихъ же мѣстностяхъ Вохтомской, Просѣковской и Каликинской волостей слышится только: ешшо (= еще), евоинный, мжтнмъ, витерокъ (= вѣтерокъ) и под.

Такимъ же образомъ и послѣ ударенія предъ твердыми слогами говорятъ какъ: знаешь, встанешь, не найдешь, Медвѣдево, денегъ, домахазяева (= домохозяева), пожелаешь (= пожелаешь), никакой вреду (= вреда), покорнее (= покорнѣе), андѣль (= ангель), припилены (= перепилены), будетъ, бываешь, па моему (= по моему), медвѣдъ (= медвѣдей) и под.,—такъ и: четверо *вм.* четверо, будитъ *вм.* будетъ, кормилецъ *вм.* кормилецъ, копѣикъ *вм.* копѣекъ, подпишитъ *вм.* подпишетъ, желаетъ *вм.* желаетъ, выдитъ *вм.* выдетъ, скажишь *вм.* скажешь, общества *вм.* общества, прѣидитъ *вм.* прѣдетъ, Алексѣивъ *вм.* Алексѣевъ, Сергѣивна *вм.* Сергѣевна, паѣдимъ *вм.* поѣдемъ, въ общимъ *вм.* въ общемъ и др. Въ окаящихъ же волостяхъ—Вахтомской, Просѣвской и Каликинской—можно слышать только: увидаешь, воюешь, сгоняешь, сирочество (= сиротство), можешь, прикращаетъ (= прекращаетъ) и под.

Во второмъ слогѣ и послѣдующихъ,—какъ предъ удареніемъ, такъ и послѣ ударенія,—неударяемое *е* переходитъ въ *и* въ Чухломскомъ акающемъ говорѣ гораздо рѣже, чѣмъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ударяемыми слогами. Такъ, предъ удареніемъ мы слышимъ *и* вмѣсто *е* предъ мягкими слогами только въ очень немногихъ словахъ, преимущественно въ отрицаніи *не* и въ предлогахъ, представкахъ и энклитикахъ, напримѣръ: *ни* бизнакоми *вм.* не безнокоми, шиведѣтса *вм.* шеведѣтса, *безъ* него *вм.* безъ него, *Илпидифоръ* *вм.* *Елпидифоръ*, *пиреважу* *вм.* перевозу, *Имьяльновъ* *вм.* *Емьяльновъ*, *чирезъ* день *вм.* черезъ день, *ни* придвидца *вм.* не предвидится, *пирислатъ* *вм.* переслатъ, *пирложить* *вм.* переложитъ, *пирпилены* *вм.* перепилены, *пиряборка* *вм.* переборка, *пиретяратъ* *вм.* перетиратъ, *пиридайте* *вм.* передайте, *пирулокъ* *вм.* переулокъ и под. Такимъ же образомъ и передъ твердыми слогами слышится иногда: *нездоровъ*, *вм.* нездоровъ, *ни* заплочено *вм.* не заплочено, *бизнакоми* *вм.* безнокоми, *припадобва* *вм.* преподобнаго, *ни* мая *вм.* не мая, *ни* заплатилъ *вм.* не заплатилъ, *ни* задержитъ *вм.* не задержитъ, *неумѣнье* *вм.* неумѣнье, *ни* могу *вм.* не могу и др. Между тѣмъ, съ другой стороны, какъ передъ мягкими, такъ и передъ твердыми слогами, говорятъ: *четваруха* (= четверуха), *пиретяратъ* (а не *пиритяратъ* *вм.* перетиратъ), *пиреважу* (= поревожу), не запрашиваемъ, *перетародятъ* (= перегородятъ) и др., а въ окаящихъ мѣстностяхъ можно слышать только: *недалече*, не зирая *не* на что, не могу, не отпушай (= не отпуская) и т. под. (въ Каликинской волости говорится, впрочемъ, *прикращаетъ* *вм.* прекращаетъ).—Въ слогахъ же послѣ ударенія, слѣдующихъ въ непосредственно за этимъ послѣднимъ, переходъ *е* въ *и* даже можно считать исключеніемъ, потому что если и говорятъ, напримѣръ—*дѣлаете* *вм.* дѣлаете, *обставивашъ* *вм.* обставивашъ и др.,—то вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно слышится только: *исправиваемый*, *пропутаеся* (= пропутается), *селеніевъ* (= селеній), *квитанціевъ* (= квитанцій), *запрашивашъ*, *замужешъ*, *свидѣтелевъ* и т. под.

Конечный неударяемый *е* (и *ѣ*) измѣняется въ *и* акающимъ Чухломскимъ говоромъ преимущественно въ дательномъ и мѣстномъ падежахъ един. числа,—особенно послѣ гортанныхъ, непосредственно за удареніемъ,—и во 2 лицѣ множ. числа повелит. наклоненія. Поэтому здѣсь говорится: по раскладкѣ *вм.* по раскладкѣ, на печкѣ *вм.* на печкѣ, къ маткѣ *вм.* къ маткѣ, къ дочкѣ *вм.* къ дочкѣ, теткѣ *вм.* теткѣ, крисьянкѣ *вм.* крестьянкѣ, хозяйкѣ *вм.* хозяйкѣ, на базарѣ *вм.* на базарѣ, па прозьбѣ *вм.* по прозьбѣ, на озирѣ *вм.* на озирѣ, въ Нелидовѣ *вм.* въ Нелидовѣ, вмѣстѣ *вм.* вмѣстѣ, въ полѣ *вм.* въ полѣ, въ болотѣ *вм.* въ болотѣ, въ бесѣдѣ *вм.* въ бесѣдѣ, по деревнѣ *вм.* по деревнѣ, въ службѣ *вм.* въ службѣ, при эфтичь дѣлѣ *вм.* при этомъ дѣлѣ, при подачѣ *вм.* при подачѣ, въ блюдѣ *вм.* въ блюдѣ, на закосѣ *вм.* на закосѣ, за неумѣніе ихъ грамотѣ *вм.* за неумѣніемъ ихъ грамотѣ, развязывайтѣ *вм.* развязывайте, оставтѣ *вм.* оставьте, поѣжайтѣ *вм.* поѣжайте и др. Однако эту звуковую особенность говора нельзя назвать общею, потому что наряду съ вышеуказанными примѣрами въ тѣхъ же акающихъ мѣстностяхъ уѣзда можно услышать нрѣдко: въ Засуханѣ, къ дочерѣ, грамотѣ, въ приходѣ, прастите (= простите), ступайте, бѣгите, говорите и др. Въ окаящихъ же селеніяхъ Каликинской, Вахтомской, Коровской, Просѣвской и отчасти Бушневской и Муравьицкой волостей можно слышать только: на столбикѣ, къ теткѣ, въ огородѣ, говорите, пишите, распишитесь, извинитесь и т. под.

Какъ особые случаи того-же перехода конечнаго неударяемаго *е* въ *и*, можно

отмѣтить еще въ акающемъ говорѣ слѣдующее: 1) винительный пад. един. числа въ выраженіяхъ: по четыремъ вм. по четыре, на двѣ кашеики вм. на двѣ копейки, по обѣ стороны вм. по обѣ стороны; 2) короткое окончаніе сравнительной степени прилагательныхъ и нарѣчій—въ особенности послѣ шипящихъ согласныхъ: больши вм. больше, полегчи вм. полегче, подешевли вм. подешевле, дорожи вм. дороже, раньше вм. раньше, палуччи вм. получше, ближи вм. ближе, глубжи вм. глубже, поглуми вм. поглуме и под.; 3) 2 лицо множ. числа изъяв. наклоненія: паѣдѣти вм. поѣдите, паѣдѣти вм. пойдете и др.; 4) нарѣчные суффиксы въ словахъ: негди вм. негдѣ, послѣи вм. послѣ. нончи вм. нынче.

Въ остальныхъ, кромѣ перечисленныхъ, случаяхъ конечное неударяемое *e* какъ въ акающемъ, такъ и въ окающемъ Чухломскомъ говорѣ, произносится какъ открытое *e*, чѣмъ этотъ говоръ и отличается отъ сосѣднихъ съ нимъ окающихъ Костромскихъ говоровъ, нерѣдко измѣняющихъ конечное *e* въ закрытое *ѣ*. Такъ, здѣсь вездѣ произносятся сердце (= серце), владѣнье, здаровье (= здоровье), саленье (= соленье), поле, какое оказье, мѣшчане (= мѣщане), покорнѣше (= поворнѣше), скарѣе, смѣлѣе, яравые-та худые, постаронніе (= посторонніе), бѣлое, черное, недалече, пушше (= пуше) и т. под.

Послѣднею наконецъ особенностью аканья является въ акающемъ Чухломскомъ говорѣ переходъ неударяемаго *e* въ *я*, наблюдаемый, наравнѣ съ предыдущимъ измѣненіемъ *e* въ *и*, въ сѣверныхъ волостяхъ, особенно Судайской и Идской, чаще этого послѣдняго. а въ центральныхъ и южныхъ рѣже его, притомъ главнымъ образомъ въ слогѣ предъ ударяемымъ твердымъ слогомъ; напримѣръ: ничяво вм. ничего, явольный, вм. невольный, чятыри вм. четыре, яво вм. его, сяло вм. село, ляско вм. легко, чяшу вм. чему, сястра вм. сестра, сяводни и саводни вм. сегодня, увяла вм. увела, яди нѣтъ вм. ѣды нѣтъ, увязу вм. увезу, явонный вм. евонный, ясна вм. весна, сваяво вм. своего, ляжу вм. лежу, ириясу вм. принесу, Ягорь вм. Ёгорь, вядро вм. ведро, ашша и яшшо вм. еще, стякло вм. стекло, мяшокъ вм. мѣшокъ, овсяца вм. овсеца, зярно вм. зерно, пяро вм. перо, бягу вм. бѣгу, мояво вм. моего, четвяруха, вм. четверуха, сбяру вм. сберу, въ ряку вм. въ рѣку, обящася вм. объщася, Янадей вм. Ленвадій, цвяточки вм. цвѣточки, пиряборка вм. переборка, пиретяратъ вм. перетяратъ, по мястамъ вм. по мѣстамъ, безо вяво вм. безо всего, Аляксандра вм. Александра, въ лясу вм. въ лѣсу, Пятровъ вм. Петровъ, пясокъ вм. песокъ, ляжковой вм. легкой.

Гораздо рѣже можно встрѣтить эту перемѣну неударяемаго *e* въ *я* въ слогѣ передъ мягкимъ ударяемымъ слогомъ, но встрѣчается всетаки она и тутъ. Такъ, говорится: приняси вм. принеси, бжжить вм. бжжить, о разряшеніи вм. о разрѣшеніи, падыржи вм. поддержи, ни мятѣна, вм. не метѣна, смяшнить вм. смѣшнить, согряшилъ вм. согрѣшилъ, яшше вм. еще и др.

Послѣ *ц* и шипящихъ *ж* и *ш* неударяемое *e* переходитъ предъ ударяемымъ твердымъ, и рѣдко предъ мягкимъ, слогомъ уже не въ *я*, а въ *а*, напримѣръ: съ жаною вм. съ женою, пожадаешъ вм. пожелаешъ, цяпочка, вм. цѣпочка, жонатый вм. женатый, жанилса вм. женился, мужанекъ вм. муженекъ, цана вм. цѣна, шаснацатый вм. шеснадцатый и под.

Непосредственно за удареніемъ *e* также иногда измѣняется въ *я*: по преимуществу въ конечномъ слогѣ и даже на концѣ словъ, чаще же всего въ глагольныхъ и падежныхъ окончаніяхъ, какъ предъ твердымъ согласнымъ, такъ и предъ мягкимъ. Поэтому можно нерѣдко услышать: не имѣямъ вм. не имѣемъ, капѣякъ вм. копѣекъ, бревягъ вм. бревенъ, дѣйствіямъ вм. дѣйствиємъ, Васильявъ, вм. Васильевъ, жаляшпъ вм. жадаешъ, съ горямъ вм. съ горемъ, пятяпъ вм. пятенъ, баняи вм. баней, при полученіи вм. при полученіи, нижеподписавшея вм. нижеподписавшіеся, нарушилъ спокойствія, вм. нарушилъ спокойствіе, пришлятя вм. пришлите, не задержитя вм. не задержите, въ правленіи вм. въ правленіе; скорѣя, польѣя и под. вм. скорѣе, полѣе и под.; находящаея вм. находящееся, кромя вм. кромѣ, таперя вм. тепере (= теперѣ), четвярътъ вм. четверть, тожа вм. тоже, той-жа деревни вм. той-же деревни и др.

Случаи перехода ударяемаго *e* въ *я* встрѣчаются только въ сѣверныхъ волостяхъ

уѣзда,—въ сравнительной степени именъ прилагательныхъ: потрудяе *вм.* потруднѣе, посвятыае *вм.* посвятыае, скаряе *вм.* скорѣе, правяе *вм.* правѣе и под.

Въ окружающихъ селеніяхъ Каликинской, Коровской, а также въ Просѣковской и Бушевской волостяхъ переходъ неударяемаго *е* въ *я* или совсѣмъ не встрѣчается, или слышится только какъ рѣдкое исключеніе.

Изъ другихъ, кромѣ аканя, особенностей произношенія гласныхъ въ говорѣ Чухломскаго уѣзда замѣчены слѣдующія:

Древній орографическій *е* звучитъ въ Чухломскомъ акающемъ говорѣ какъ *о* (ё), во-первыхъ, подъ удареніемъ,—чаще всего въ послѣднемъ слогѣ слова, предъ твердымъ согласнымъ, въ особенности въ глаголахъ и падежныхъ окончаніяхъ. Такъ, говорится: *пандрѣшь* (= померѣшь), *трисѣтъ* (трясѣтъ), *найдѣшь*, *запаѣтъ* (= запоѣтъ), *мятѣна* (= метена), *плитѣтъ* (= плетѣтъ), *падѣте*, (= пойдѣте), *обжирѣся* (= обжержѣся), *пятачѣкъ* (= пятачѣкъ), *мужанѣкъ* (= муженѣкъ), *маѣй* (= моей), *пять дѣнь*, *папирѣкъ* (= полперѣкъ), *ашпо* (= еще), *отсолъ* (= отсель), *пинѣкъ* (= пенѣкъ) и под. Въ качествѣ исключенія можно слышать иногда: *сваей*, а не *сваѣй* (= своей); *тваей*, а не *тваѣй* (= твоей).

Гораздо рѣже встрѣчается переходъ ударяемаго *е* въ *о* (ё) передъ твердыми же согласными въ неконечныхъ слогахъ, такъ что и въ этомъ отношеніи акающій Чухломскій говоръ почти совсѣмъ не отступаетъ отъ общепринятаго, литературнаго произношенія. Здѣсь, напримѣръ, говорятъ: *ѣлка*, *сидѣлка* (= сѣделка), *губѣнный* (= гугменный), *калѣса* (= колѣса), *дѣхтю* (= дегтю), *брѣвянь* и *брѣвны* (= бревень и бревна), *мчѣлы* (= пчѣлы), *бизѣсно* (= безчестно), *тапнѣхоньки* (= топнехонько) и под. За то здѣсь же слышится: *ведры* и *ведра*, *держуть* (= держать), *ашше* и *яшше* (въ Судайск. вол.) *вм.* еще (наряду съ *ашпо*) и др.

Подобнымъ же образомъ и въ окружающихъ мѣстностяхъ уѣзда говорится: *росчѣска*, *рублѣвъ* (= рублей), *Петро*, *смѣтъча* (= смѣтѣся), *серце* (= сердце), *конешно* (= конечно) и под.

Въ отношеніи произношенія *е* неударяемаго Чухломскій говоръ,—какъ акающій, такъ и окающій,—рѣзко отличается отъ окающаго говора недалекихъ Буйскаго и Сидигаличскаго уѣздовъ, такъ какъ въ немъ случаи перехода этого *е* въ *о* встрѣчаются очень рѣдко.

Такъ, въ концѣ словъ, какъ уже выше замѣчено было, во 2 лицѣ множ. числа изъявн. и повелит. наклоненій неударяемое *е*, если оно не переходитъ въ *и* или *я* (задержитя, вишнитя, пришнитя, не оставти, паѣдити и под.), вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не переходитъ и въ *ё*, и всегда говорится: *прастите*, *кушайте*, *будите* (= будете), *ступайте*, *падѣсите* (= подносите), *панте* (= понте), *дѣлайте* (= дѣлаете), *пиридайте* (= передайте), *паѣдите* (= поѣдете), *падѣте* (= пойдѣте), *услышите*, *бѣгите*, *говорите*, *таргуйте* (= торгуете), *можете*, *пишите*, *извините* и т. под.—Подобнымъ же образомъ и въ концѣ именъ существительныхъ слышится *о*, а не *ё*: *серце* (= сердце), *благословленье* (= благословленіе), *распореженіе* (= распорядженіе), *здоровье* (= здоровье), *саленье* (= соленье), *поле*, *окаье*, *неумѣнье* и др.—Имена прилагательныя въ своихъ окончаніяхъ точно также сохраняютъ *е*: *сыводнишее* (= сегоднишее) *какое*, *хорошіе*, *покорнѣше* (= покорнѣйше), *волосное* (= волосное), *яравые* (= яровые), *худые бѣлоє*, *черное*, *постароніе* (= постароніе), *скарѣе* и *скарѣя* (= скорѣе), *боліе* (= болѣе) и под. Но вмѣсто то же въ акающемъ говорѣ слышится *тожа*, а въ акающихъ мѣстностяхъ—*тожо*: вмѣсто *наше* можно услышать и *нашо* и *наша*.

Неударяемое *е*, когда оно стоитъ не на концѣ слова, во всемъ Чухломскомъ говорѣ переходитъ въ *о* только иногда, предъ твердыми согласными. Такъ, если предъ удареніемъ говорятъ, напримѣръ: *ашшо* *вм.* еще и *сааводни* *вм.* сегодня (*м.* б. чрезъ *соводни* и *още*),—то говорится также: *чирезъ*, *день*, *грести*, *вездѣ*, *на верху*, *бизъ нево* (= безъ него), *ничяво* (= ничего), *челавѣкъ* (= человекъ), *за ево* (= его), *саводни* (= сегодня), *накашенѣ* (= накошено), *чятырнадцать* (= четырнадцать), *пиреважу* (= перевозу), *чижело* (= тяжело), *шшенѣ* (род. ед.), *червакъ* (= червякъ), *черва* (= червя), *къ ему*, *счека* (= щека), *Степанъ*, *Александра*, *ешпо* и *яшпо* (= еще), *женихъ*, *жена*, *повезла*, *ничево* (= ничего), *свонный*, *мужевья*, *витерокъ* и

др. Точно также и послѣ ударенія, если и слышится иногда: знаѣшь вѣ. знаешь, будѣтъ вѣ. будетъ, деревнѣй вѣ. деревней, денѣтъ, вѣ. денегъ, въ третѣеть вѣ. въ третѣемъ, нашего и нашаму вѣ. нашего и нашему,—то гораздо чаще въ глагольныхъ и падежныхъ формахъ говорятъ: ни найдѣшь (= не найдешь), заплочено, встанѣшь, пожелаѣшь (= пожелаешь), пропутаѣсса (= пропутаешься), увидаѣшь, свывнѣсса (= свывнешься), можѣшь, сѣдетъ (= сядетъ), будѣтъ, бываѣтъ, воѣтъ, похваляѣтъ (= похваляется), отбиваѣтъ (= отбивается), прикрачаѣтъ (= прекращаетъ), подписуѣсса (= подписуемся), запрашиваѣтъ, споняѣтъ, расписнѣтъ, припилены (= перепилены), па идему (= по моему), свидѣтелевъ, Тимоѣевъ, медвѣдевъ, съ чаѣтъ, селеніѣтъ, квитанціѣвъ, денѣтъ, а также съ послѣдующимъ звуковымъ измѣненіемъ: скажишь (= скажешь), обставиваѣшь (= обставляешь), будишь (= будешь), жалаѣшь (= жалеешь), пишѣтъ (= пишетъ), жѣлаѣтъ (= желаетъ), шатаѣтъ (= шатающся), будишь (= будетъ), прѣвѣтъ (= прѣдетъ), лавдимъ (= поведемъ), дѣйствиѣтъ (= дѣствіемъ), съ горяѣтъ (= съ горемъ), пятяѣтъ (= пятея) и под. Подобнымъ же образомъ и не во флективныхъ окончаніяхъ слышится е: карахтеленъ (= характеренъ), Медвѣдево, хозяѣва (= хозяева), чатырѣста (= четыреста), анделъ (= ангель), озеро, имущество, тепѣрѣца (= теперича, изъ теперя) и др.

Влязость окающихъ говоровъ Вуйскаго, Галичскаго, Кологривскаго я отчасти Содиаличскаго уѣздовъ сказалась въ Чухломскомъ говорѣ,—не только въ окающихъ, но и въ акающихъ мѣстностяхъ уѣзда,—нерѣдко встрѣчающея здѣсь, особенно въ пограничныхъ съ другими уѣздами волостяхъ, особенностью древняго новгородскаго говора,—перемѣною ѣ на ы въ слогахъ передъ слѣдующими мягкими согласными и на концѣ словъ. Такъ, даже въ центральныхъ волостяхъ уѣзда,—Воревской, Алешковской и Мирохановской,—можно иногда услышать: лѣнь вѣ. лѣнь, здѣсь вѣ. здѣсь, йѣсть вѣ. ѣсть, повисѣтъ вѣ. повѣсѣтъ, мѣсяцъ вѣ. мѣсяцъ, дѣверъ вѣ. дѣверъ, встрѣча вѣ. встрѣча, сѣмя вѣ. сѣмя, сини вѣ. сѣни, сѣмена вѣ. сѣмена, стрѣлять вѣ. стрѣлять, мѣвать вѣ. мѣвать, раздѣлитъ вѣ. раздѣлитъ и др. Въ другихъ же волостяхъ,—какъ акающихъ, но болѣе удаленныхъ отъ центра, такъ и въ окающихъ,—это звуковое явленіе наблюдается еще чаще. Поэтому здѣсь нерѣдко говорятъ: не умѣтъ вѣ. не умѣтъ, двѣ недѣли вѣ. двѣ недѣли, йѣздитъ вѣ. ѣздитъ, здѣся вѣ. здѣсь. ѣдиво вѣ. ѣдиво (= пища), залѣнился вѣ. залѣнился, бѣсѣда, вѣ. бѣсѣда, дылѣтъ вѣ. дѣлѣтъ, всепокорнѣше вѣ. всепокорнѣше, а въ Каликинской волости постоянно: Тимоѣевъ вѣ. Тимоѣевъ, стрѣтелиѣс-га вѣ. встрѣтелиѣс, Алексѣичъ вѣ. Алексѣичъ, наѣздисѣя вѣ. наѣздисѣя, отъ радѣнья сердца вѣ. отъ радѣнья сердца, вѣстѣтъ вѣ. вѣстѣтъ, вѣтерокъ вѣ. вѣтерокъ и под. Однако въ акающихъ мѣстностяхъ эту особенность говора можно признать только случайною, такъ какъ въ общемъ тамъ древнее ѣ сохраняется, и говорится: здѣсь, капѣйѣки (= кофѣйки), владѣніѣ, мѣсяцъ (= мѣсяцъ), вѣисти (= вѣстѣтъ), свидѣтелевъ, бѣсѣда, нуѣмѣньѣ (= неумѣньѣ), Палаѣга, Серѣвѣна (= Серѣвѣна), недѣля, рѣчь, сѣтъ, прѣдѣтъ, одѣяно, и даже въ Каликинской волости: смѣѣтъѣ (= смѣѣтъѣ), сусѣди (= сосѣди), свидѣтелевъ.

Перемѣна ѣ на е послѣ согласныхъ замѣчена въ акающихъ мѣстностяхъ уѣзда въ слѣдующихъ словахъ: мундѣръ вѣ. мундѣръ, скатѣна вѣ. скотѣна, донѣсъ вѣ. донѣсъ, квартаѣра вѣ. квартаѣра, рукопрѣкладство вѣ. рукопрѣкладство, кандѣдѣтъ вѣ. кандѣдѣтъ, уплачевѣтъ вѣ. уплачивѣтъ, Владимѣровъ вѣ. Владимѣровъ, нижеподписавѣшѣя вѣ. нижеподписавѣшѣя, и въ отрицаніи *ни*: не къ чѣму не приступѣтъѣ, не взираѣтъ не на что и под. Последнее явленіе свойственно и окающимъ мѣстностямъ уѣзда.

Перемѣна у на о слышится въ акающемъ говорѣ въ словѣ пѣлогодовой вѣ. полуговой. Наоборотъ, у вѣ. о, какъ въ акающемъ, такъ и въ окающемъ говорѣ, произносится въ словѣ суѣливѣтъѣ вѣ. сомнѣѣтъѣ, и производныхъ.

Въ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ неударяемое *ѣй* въ акающемъ говорѣ чаще переходитъ чрезъ *ой* въ *ай*, но нерѣдко можно встрѣтитъ и сохраненіе его. Поэтому, наряду со словами: вѣторѣй вѣ. которѣй, раздѣлѣй вѣ. раздѣльный, старѣй вѣ. старѣй, миролюбѣй вѣ. миролюбный и др.,—говорятъ: ихнѣй, явоннѣй и евончѣй, гувѣннѣй (= гувѣннѣй), грамѣтнѣй (= громаднѣй), сѣсновѣй (= сосновѣй) и под. Точно также и окончаніе *ѣй* можетъ сохраняться безъ перемѣны, хотя и переходить

чаще въ *ей*, а иногда (чрезъ *ой*) и въ *ай*, такъ что говорится какъ: синей *вм.* синѣй, овечей *вм.* овечѣй, весенней *вм.* весенній, экуй и экой *вм.* экѣй и др.,—такъ и: адинокѣй *вм.* одинокѣй, пьюшѣй *вм.* пьющѣй, синѣй, овечѣй и т. под.

Стаженіе гласныхъ слышится въ словахъ: *сичасъ вм.* сейчасъ, поди и пади *вм.* пойдѣ, покорнѣе *вм.* покорнѣйше, примать *вм.* принимать, вымать *вм.* вынимать, оставшѣся *вм.* оставшіеся, зобравшѣся *вм.* собравшіеся, вижеподписавшѣся *вм.* нижеподписавшіеся и т. под.

Вѣсто *о* произносится *и* въ словѣ ташнехонькѣ *вм.* тошнехонько.

Въ Каликинской волости есть нѣсколько привокивающихъ деревень, гдѣ говорятъ: *мѣ* и *щѣ* *вм.* что.

Гласный *а* во всемъ уѣздѣ измѣняется въ *ы* въ словахъ: сюды *вм.* сюда, туды и куды *вм.* туда и куда, покуды *вм.* покуда.

Отъ глагола платить вездѣ слышатся формы: заплочено, уплотить, уплотилъ и под.; въ окающихъ же мѣстностяхъ уѣзда *а* перемѣняется на *о* въ префиксѣ раз: роскладка *вм.* раскладка, росческа *вм.* расческа, росписать *вм.* расписать и т. под.

Удлиняются гласные въ словахъ: кричаннѣ *вм.* крестьяннѣ, тапере и таперя *вм.* теперя, здися *вм.* здѣсь, и въ Каликинскомъ говорѣ—еся-тка *вм.* есть.

Опущеніе гласныхъ можно замѣтить иногда въ словахъ: коло *вм.* около и врагъ *вм.* оврагъ. Наоборотъ, гласные прибавляются: аржаной *вм.* ржаной, авторнпѣз *вм.* вторникъ, аграматный *вм.* громадный, туды али бо сюды *вм.* туда либо сюда, и въ полногласныхъ—терезвый и черезвый *вм.* трезвый.

Въ области согласныхъ звуковъ Чухломскій говоръ отличается слѣдующими особенностями:

Гортанный *г* произносится какъ латинское *h* только въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ словахъ: Господь, Божя, благодарить, благословлять, Янадей *вм.* Геннадій. Въ другихъ словахъ *г* звучитъ твердо, какъ латинское *g*: полугодовой *вм.* полугодовой, неуди *вм.* негдѣ, гавядина *вм.* говядина, бягу *вм.* бѣгу, нимнога *вм.* немного, деньги, дарога *вм.* дорога, огородды и т. под. Окающія мѣстности уѣзда въ этомъ отношеніи согласны съ окающимъ говоромъ.

Мягкое *с*, исчезнувъ въ окончаніяхъ родительнаго над. ед. ч. именъ прилагательныхъ муж. рода, замѣнилось и въ окающемъ и въ окающемъ провздошеніи звукомъ *с*: добрага *вм.* добраго, плахова *вм.* плохого, яснога *вм.* яснога, сырова *вм.* сырого и под. Подобная же вставка *с* между гласными встрѣчается въ словѣ караулимъ *вм.* караулить, а приставка—въ воспа *вм.* оспа и эзавтре *вм.* завтра.

Находясь передъ глухими *ж*, звонкій *з* переходитъ въ глухой *х*: мяжкѣй *вм.* мяжкѣй, лязко *вм.* лѣтко, лязковой *вм.* лѣтковой, а также: лѣтче *вм.* лѣтче, мягче *вм.* мягче.

Вѣсто дѣтѣ говорятъ дѣтѣ.

Конечный *з* переходитъ въ соответствующіе глухіе *ж* и *х*: можъ *вм.* можъ, денекъ *вм.* денекъ, телѣжъ *вм.* телѣжъ, сапожъ *вм.* сапожъ, дружъ *вм.* другъ, Божъ *вм.* Божъ и под.

Органическое смягченіе *з* встрѣчается иногда въ словахъ: андѣль *вм.* андѣль, Евденя *вм.* Евеня.

Гортанный *ж*, соприкасаясь съ зубнымъ *т*, переходитъ въ нѣкоторыхъ словахъ въ *х*: трактиръ (но и трактѣръ), хто *вм.* кто, каражтеленъ *вм.* характеренъ.

Неорганическое смягченіе *ж* можно наблюдать въ окающемъ произношеніи въ предложномъ пад. ед. ч. муж. рода именъ прилагательныхъ, оканчивающихся на *скѣй* и (иногда) на *кѣй*: въ Ильинскѣмъ *вм.* въ Ильинскомъ, въ Введенскѣмъ *вм.* въ Введенскомъ, въ Галецкѣмъ *вм.* въ Галицскомъ, въ высокѣмъ *вм.* въ высокомъ. Въ именительномъ же пад. ед. ч. муж. рода именъ прилагательныхъ на *кѣй* чаще слышатся несмягченныя формы: малинкѣй *вм.* малевкѣй, старинкѣй *вм.* старевкѣй, экай *вм.* экѣй и под., хотя встрѣчаются и мягкія: адинокѣй *вм.* одинокѣй, лѣхкѣй *вм.* легкѣй и др. Особо стоитъ слово ташнехонькѣ *вм.* тошнехонько (въ Вушевск. вол.) и келья *вм.* келья. Другихъ случаевъ неорганическаго смягченія *ж* Чухломскій говоръ, какъ окающій, такъ и окающій, не знаетъ, такъ что можно слышать только: мамонька *вм.* мамонька, толька *вм.* только, сколька, Ванька, дочка, сахарку и под.

Органическое смягченіе *ж* слышится въ словѣ далече и трахмаль *вм.* трахмаль.

Предлогъ *къ* переходить въ акающемъ произношеніи только въ латинское *q* передъ звуками: *б, д, з, ж,* и *з*; напримѣръ: *къ* дочерѣ, *къ* жилюму мѣсту, *къ* бабѣ, *къ* городу, *къ* жолѣзу, *къ* зимѣ. Передъ звуками же—*п, т, к, ч,* и *ц*—предлогъ *къ* совсѣмъ не измѣняется: *къ* чяму *вм.* *къ* чему, *къ* папу *вм.* *къ* поцу, *къ* тибѣ *вм.* *къ* тебѣ, *къ* калиткѣ, *къ* церкви и под.

Гортанный *х* не знаетъ неорганическаго смягченія: *сверху,* а не *сверхуо*; *верхомъ,* а не *верхѣмъ* и под.

Вмѣсто *х* слышится *к* въ словѣ *пазука* *вм.* *пахука,* а *ф* въ словахъ—*кубарка* и *кубья* *вм.* *кухарка* и *кужня.*

Зубной *д* переходитъ въ *з* въ предлогѣ *для* *вм.* *для:* *для* памяти.

Передъ мягкими слогами *д* произносится мягко: по *буднянѣ,* *саводнишнѣ* (= *сегодняшнѣ*), *падбнясутъ,* *дядя,* *дѣлить* и под.

Вмѣсто *Елпидифоръ* говорится *Илпидифоръ,* *вм.* *громадный*—*аграмаинный.* Вмѣсто *свадьба* и *угадьба* говорятъ чаще: *сварьба* и *усарьба.*

Конечный *д* переходитъ въ соответствующій глухой *т:* *лошитъ* *вм.* *лошадъ.* *абѣтъ* *вм.* *обѣдъ* и т. под. Но *д* сохраняется въ энклитикахъ предлогахъ передъ гласными звуками: *падъ* елкой, *передъ* ншъ и др. Передъ согласными глухими *д* также измѣняется въ *т:* *расклатка* *вм.* *раскладка,* *Фетьково* *вм.* *Федьково,* *потходитъ* *вм.* *подходить,* *претписанье* *вм.* *предписанье,* *иттитъ* *вм.* *идти,* *патписуемъ* *вм.* *подписуемъ* и др.

Опускается *д* въ словѣ *кажній* *вм.* *каждый* и между предшествующими *с, з* и послѣдующими *к, л, н, у:* *празникъ* *вм.* *праздникъ,* *позно* *вм.* *поздно,* *гвозье* *вм.* *гвоздье,* *поѣска* *вм.* *поѣздка* и под.

Передъ послѣдующими *ц* и *с* *д* стягивается вмѣстѣ съ ними въ *ц:* *серце* *вм.* *сердце,* *шаснацтый* *вм.* *шестнадцатый,* *трицетъ* *вм.* *тридцать,* *двацетъ* (*во* и *двацѣтъ*) *вм.* *двадцать,* *гороцкой* *вм.* *городской* и под.

Зубной *т* смягчается неорганически въ предложномъ пад. ед. числа мѣстоименія этотъ во всемъ акающемъ говорѣ уѣзда: при эфимѣ дѣли *вм.* при этомъ дѣлѣ, *объ этомъ* *вм.* *объ этомъ,* на этомъ мѣсти и под.

Органическое смягченіе *т* можно видѣть въ произношеніи *чижело* или *чяжело* *вм.* *тяжело.*

Въ словѣ *Константинъ,* произносимомъ какъ *Костанькинъ,* *т* зашѣняется *к.*

Передъ послѣдующимъ мя кимъ слогомъ, начинающимся съ согласной, *т* произносится и твердо и мягко: *четвяруха* и *четваруха* *вм.* *четверуха,* *четъверть* и *четверть.* по *четви* (= *четверо*), *твасѣ* (= *твоей*) и др.

Находясь передъ послѣдующимъ звонкимъ согласнымъ (кроме *в*), глухой *т* переходитъ въ звонкій *д:* *педьдесятъ* *вм.* *пятидесятъ,* *пяць дѣнь* *вм.* *пять дѣнь* (= *дней*), *одбирать* *вм.* *отбирать* и под.

Когда за *т* слѣдуетъ *ц,*—первоначальный или изъ *с,*—*т* уподобляется ему, переходя въ *ц:* *вароцца* *вм.* *воротца,* *оцца* *вм.* *отца,* *припятцивѣ* *вм.* *препятствіе* (черезъ *препятцивѣ*), *богациво* *вм.* *богатство* (черезъ *богациво*) и под.

Въ суффиксѣ *ств,* а также на концѣ словъ, въ сочетаніи *ств,* и находясь между предшествующими *с, з* (если они не относятся къ предлогамъ—представкамъ) и послѣдующими *к, л, н* и *з, т* выпадаетъ: *смейсво* *вм.* *смейство,* *жительсво* *вм.* *жительство,* *безграмотцво* *вм.* *безграмотство,* *сирочесво* *вм.* *спрочество* (= *сиротство*), *поисъ* *вм.* *поѣстъ,* *жисъ* *вм.* *жистъ* (= *жизнь*), *шерсъ* *вм.* *шерсть,* *милосливъ* *вм.* *милостливъ* (= *милостивъ*), *часный* *вм.* *частный,* *волосной* *вм.* *волостной,* *кресьянъ* *вм.* *крестьяне* и под.

Звонкій *з* измѣняется въ соответствующій глухой *с* предъ послѣдующими глухими согласными и на концѣ словъ, за исключеніемъ энклитиковъ предлоговъ передъ гласными; поэтому слышится: *моростъ* *вм.* *морозъ,* *влѣсъ* *вм.* *влѣзь,* *биспакоили* *вм.* *безпокоили,* *бисчѣсно* *вм.* *безчестно,* *бесъ чаю* *вм.* *бесъ чаю,* *Агрысково* *вм.* *Огрызково* и под. Но—здѣсь, *ведѣтъ,* *здоровье* (= *здоровье*) и т. д.

Вудучи передъ *ж, з* уподобляется ему: *возможи* *вм.* *возможи,* *съѣжжаться* *вм.* *съѣжжаться,* *разжживаюсъ* *вм.* *разживаюсъ* и под.

тачѣкъ вѣм. пятачѣкъ, участвувать вѣм. участвовать, качюли вѣм. качули, начялъ, воро-
чать, па личьвой просьби вѣм. по личной просьбѣ, тропачькой вѣм. тропочкой, на печьки
вѣм. на печкѣ, къ дочьки вѣм. къ дочкѣ и др.

Слово что, — какъ въ акающемъ, такъ и въ окающемъ говорахъ, — произносится
што, а въ цокающемъ — щѣ и штѣ.

Группа *ти* переходить въ *чи* (черезъ *ти*) въ словахъ: луччи вѣм. лучше,
ушоччи вѣм. ушедши (черезъ *ушотчи*).

Находясь передъ *и*, *ч* переходить въ *и*: конемно вѣм. конечно, парадомный вѣм.
порядочный, помощникъ вѣм. помощникъ (изъ помочникъ), пшеинный вѣм. пшеничный
и др.; но — вѣчный, сочный, восточный, личный, точный.

Шипящѣ *ж* и *ш*, — какъ удвоенные, такъ и неудвоенные, — вездѣ произносятся
тврдо: жана вѣм. жена, мужанекъ вѣм. муженекъ, шаснапатыи вѣм. шестнапатыи, на-
шаму вѣм. нашему, тожа и тожо вѣм. тоже, пожазашь вѣм. пожелаешь, жанихъ и жа-
нихъ, падишэвле вѣм. подешевле, мужэвья (= мужья), пишеть вѣм. пишеть, бяжыть вѣм.
бѣжить, шывелитса вѣм. шевелится, лошыть вѣм. лошадь, тяжы вѣм. тяжи, жэталство,
разряшэние вѣм. разрѣшеніе, раншы вѣм. раньше, дарожы вѣм. дороже, хорошыс вѣм. хо-
рошіе, жыс вѣм. жизнь, вязы, гяжу, прошу, нарушыль, тшысна, вожыы, съѣжжатыся,
шыты вѣм. сыты и поі.

Конечный *ж*, и *ш* находящійся предъ глухими согласными, измѣняются въ со-
ответственный глухой *и*: дѣлѣмъ вѣм. дѣлешъ, жемъ намъ вѣм. жемъ намъ, шдаты вѣм.
шдаты, шбанъ вѣм. жбанъ и др.

Находясь передъ возвратнымъ мѣстоименіемъ *ся* въ глагольной формѣ 2 лица
ед. ч. изъявит. накл., *ш* обращается въ *с*: забалушса вѣм. забалуемься, свыкнесся вѣм.
свыкнемься, старашса вѣм. стараемься, учнса вѣм. учимься и под.

Слово *молоинный* произносится *молосный*.

Сложный согласный *ш* большею частію звучитъ (послѣ гласныхъ), какъ двойной
твердый *ш*, хотя иногда встрѣчается и произношеніе *ш*. Такъ, вездѣ можно слышать:
свяшшэнинъ вѣм. священникъ, шшукъ вг. шука, пишшу вѣм. шшу, сламмш вѣм. сламе,
чашшэ вѣм. чаще, выпушшадя вѣм. выпущами, ашшо, пишшо, ешшо и яшшо вѣм. еше
пьюшшый вѣм. пьющій, навѣшшяють вѣм. навѣшяють, вешшны вѣм. веши, мѣшшяне вѣм.
мѣшяне, ташшны вѣм. ташн, извошшыхъ вѣм. извошякъ, въ училшшыхъ вѣм. въ учи-
лящихъ, отпушшай вѣм. отпущай, пушшэ вѣм. пуше и под. Наряду съ этимъ можно
однако услышать, особенно въ акающемъ говорѣ: съ помѣщеніемъ вѣм. съ помѣщеніямъ,
въ общинъ владѣнн вѣм. въ общемъ владѣнн, образующегося вѣм. образующагося, состоя-
щего вѣм. состоящаго, вешш, общшство вѣм. общество, обяшшлся вѣм. обвѣщался, покор-
нѣше вѣм. покорвѣше, вмущество, тыща и др. Съ другой стороны, иногда слышится
мягкое *ш* вѣм. еще, а также: толшшяна (послѣ согласныхъ) вѣм. толшина, вешш вѣм.
вещь, счеша вѣм. щека, хшшнова вѣм. хищнова*) и прикращаетъ вѣм. прекращаетъ.

Звонкіе губные *б* и *в* на концѣ словъ и передъ слѣдующими глухими согласными
переходятъ въ соответствующіе глухіе *п* и *ф*: процентобъ вѣм. процентосъ, низдаробъ
вѣм. нездоровъ, дѣлобъ вѣм. дѣлосъ, старостобъ вѣм. старостосъ, свидѣтелобъ вѣм. сви-
дѣтелосъ, сѣдокобъ вѣм. сѣдоковъ, боъ вѣм. бобъ, голубъ вѣм. голубъ, фстанешъ вѣм.
останешъ, вшафтре вѣм. вшафтре (= завтра), влофка вѣм. велоско, фъ церкву вѣм. съ
церковъ, собрафшися вѣм. собравшися, оштанваши вѣм. обстанваши, обшанваши вѣм. обстанваши,
голубка вѣм. голубка и др.

Въ отношеніи твердости и мягкости произношенія всѣ губные, — какъ конечные,
такъ и находящіеся въ среднѣхъ словъ, — въ Чуломскомъ говорѣ согласны съ общепри-
нятою орфографіей: бить, повязка, расплывать, мягкій, кровбъ вѣм. кровь, любобъ вѣм.
любовь, семъ, пролубъ вѣм. прорубъ, голубъ вѣм. голубъ, лашки вѣм. лавки шашки,
рубъ вѣм. рубль, моленствіе вѣм. молебствіе, юнки вѣм. юбки, хлѣбникъ, купца и под.

*) Хищной — собств. русское слово, а хищный — ц. слав., хыт-а-ти —
хват-а-ти, кыс-луй, квас, кып-ѣ-га, кван-п-ти, бы-ти, бав-и-ти (забавъ)
и пр. Мы произносимъ хищной, (вѣм. хищной). Похыщенъ, похыщать все
п. слав. формы; рус. схваченъ (могло лишь быть и было похыченъ). Ред.

на *ой* и *ей*: съ женой, сестрой, труппой, баней и под. Смѣшеніе падежей въ тѣхъ же именахъ можно услышать иногда въ выраженіи—по личной просьбы *вм.* по личной просьбѣ. Въ дательномъ пад. един. числа говорятъ: къ дочерѣ, къ матерѣ, къ лошади.

Наряду со словомъ силою употребляется *силомъ*.

Въ именахъ среднего рода тоже можно видѣть смѣшеніе падежей: въ общиѣ владѣніи *вм.* въ общемъ владѣніи, по выслушанію этого *вм.* по выслушаніи этого.

Во множественномъ числѣ имена мужскаго рода имѣютъ слѣдующія особенности: въ именит. падежѣ встрѣчаются формы—приговорѣ *вм.* приговоры, мужевья, *вм.* мужа, ловѣ *вм.* ловы (назв. рыболовн. снаряда), щенки и щенята, опѣнки и опята; въ родит. пад. можно услышать—солдатовъ *вм.* солдатъ, старостовъ *вм.* старость, старшиновъ *вм.* старшинъ, свидѣтелевъ *вм.* свидѣтелей, медвѣдевъ *вм.* медвѣдей, рублевъ *вм.* рублей, пять дѣнь *вм.* пять дней.

Вмѣсто творительнаго множ. числа не только въ мужскомъ родѣ, но и въ женскомъ и среднемъ родахъ, обыкновенно употребляется дательный; но изрѣдка можно услышать и первый: съ лошадамы, за ягодамъ, съ дѣтямъ (но и съ дѣтьми), подъ ногамъ, съ крестамъ, братъ рукамъ, царапать когтямъ; съ помѣщеніями, между двумя наследникамъ и под.

Въ родит. множ. числа вмѣсто квантицій говорится квантиціевъ.

Изъ именъ среднего рода въ именител. пад. множ. числа окончаніе *е* *вм.* *а* имѣютъ слова: вороты *вм.* ворота, брѣвны *вм.* бревна, вѣслы *вм.* вѣсла; слово ведро имѣетъ и вѣдры и вѣдра. Въ родител. падежѣ того-же числа встрѣчаются формы: тѣловъ *вм.* тѣль, пивовъ, дѣловъ *вм.* дѣль, мѣстовъ *вм.* мѣстъ, селеніевъ *вм.* селеній, письмовъ *вм.* писемъ.

Въ склоненіи именъ прилагательныхъ можно отмѣтить только очень немногое. Такъ, формы род.-вин. ед. ч. они имѣютъ, какъ уже было отмѣчено выше, на *а*; добрава *вм.* добраго, слѣпова *вм.* слѣпого, синева *вм.* синего, припадобнава *вм.* преподобнаго и др.; въ родит. ед. ч. женскаго рода изрѣдка встрѣчается окончаніе *е* *вм.* *ой*.—напримѣръ, отъ молодой жены *вм.* отъ молодой жены; въ конѣ именит. пад. множ. числа у всѣхъ родовъ почти постоянно слышится *е* (а отсюда ужъ иногда *и*): посторонніе люди, яровые-та худые, ясние дни, сильныи лошади и под.; творител. падежъ множ. ч., какъ и въ именахъ существительныхъ, замѣняется дательнымъ: съ милымъ дѣвушкамъ, съ добрымъ людямъ, съ осинowymъ дровамъ, съ большимъ сапогамъ и т. д.

Въ мѣстоимѣніяхъ формы родит. и вин. падежей—мене, тебе и себѣ *вм.* меня, тебя и себя,—встрѣчаются рѣдко, только въ акающемъ говорѣ, и то по преимуществу у мужчинъ, принесшихъ ихъ, очевидно, изъ Питера.

Изъ короткихъ формъ можно услышать, также рѣдко, только: *мя* *вм.* меня и *тебѣ* *вм.* тебѣ.

Мѣстоименіе 3 лица въ родит. пад. ед. ч. жен. рода имѣетъ форму *еѣ*, а не *ея*: ни вижу *еѣ* *вм.* не вижу *ея*, *еѣ* зить, у *еѣ* и под. Послѣ предлоговъ, въ формахъ начинающихся съ гласнаго, это же мѣстоимѣніе не вставляетъ согласнаго *и*: за *ево* *вм.* за него, у яво *вм.* у него, вадъ *имъ* *вм.* надъ *имъ*, съ *имъ* *вм.* съ *имъ* и под. Именительный множ. числа во всѣхъ родахъ—*они*.

Въ мѣстоименіе этотъ вставляютъ предлоги *съ* и *съ* независимо отъ того, послѣ какихъ предлоговъ это мѣстоимѣніе употреблено: что *мнѣ* изъ *эстаго*, на *эбтомъ* мѣстѣ и под.

Указательное тотъ въ родит. пад. ед. ч. жен. рода имѣетъ иногда форму *ты* *вм.* той: отъ *тыѣ* поры.

Притяжательная мой, твой и свой въ творит. пад. ед. ч. муж. р. и въ именит., родит., дательн. и предлож. пад. множ. числа имѣютъ часто формы съ гласнымъ *ъ* *вм.* *и*: съ *маымъ* мужемъ, своѣ дѣла, твоѣхъ домовъ, къ *моымъ* снапамъ. въ *маыхъ* сапогахъ.

Въ смыслѣ притяжательныхъ мѣстоимѣній употребляются: *ихній* *вм.* ихъ, *ейный* *вм.* ея и евоный *вм.* его.

Членъ употребляется только въ формахъ именительнаго падежа, т. е. *мѣ*, *мо*,

та и *ти*, хотя и можетъ соединяться съ именами при всѣхъ падежахъ и числахъ ихъ. При этомъ, въ акающемъ говорѣ форма *то* измѣняется въ *та* и можетъ стоять, такъ же какъ и *то* въ оающемъ говорѣ, не только въ склоняемыхъ, независимо отъ падежей и чиселъ формахъ, но и въ спрягаемыхъ: да и ты-*та* не парадшна (= порядочна), я-*та*, тропкай-*та*, вм. тропкой-*то*, зимой-*та*, на столбикѣ-*то*, сѣно-*то*, яровые-*та* худые, сѣдковѣ-*то*, жить-*та* и под. Форма *тѣ* слышится въ именахъ мужскаго рода съ конечнымъ согласнымъ и конечнымъ же удареніемъ: лѣсъ-*атѣ*, дошѣ-*атѣ*, сынѣ-*атѣ*. Наконецъ, форма *ти* употребляется въ именит. множ. числа отъ именъ существительныхъ, послѣ гласныхъ *а*, *и*, *ы*: ворота-*ти*, волоса-*ти*, колеса-*ти*, деньги-*ти*, бабы-*ти*, торговцы-*ти*.

Между формами спряженія можно отмѣтить въ Чухломскомъ говорѣ слѣдующія особенности:

Вмѣсто несовершеннаго вида вымать въ центральныхъ акающихъ волостяхъ уѣзда употребляется форма вынать: вынала вм. вынимала, навынала вм. навывимала и под.

Наращаемый слогъ *ва* встрѣчается иногда въ глаголахъ—требуюю вм. требую и найшовать вм. нанимать.

Окончаніе *шь* во 2 лицѣ ед. числа часто опускается въ акающемъ говорѣ только въ вопросѣ врѣ? вм. врѣшь?

Древнее окончаніе *тъ* въ 3 лицѣ ед. числа сохранилось въ безличныхъ формахъ: видать, знать.

Слово говорить въ быстрой рѣчи, при передачѣ чужихъ словъ, обыкновенно сокращается въ гыть.

Гортанные глагольные основы не смягчаются въ формахъ: текѣтъ вм. течеть, стерезѣшь вм. стерезеешь, печетъ вм. печеть и под.

Смѣшеніе спряжений можно встрѣтить рѣдко, въ такихъ формахъ какъ: заривитъ вм. заревѣтъ, держуть вм. держатъ, хвалютъ вм. хвалятъ,—и наблюдается по преимуществу въ говорѣ мужчинъ, что даетъ возможность считать это явленіе не коренною особенностью говора.

Такимъ же заимствованіямъ изъ чужого говора нужно, кажется, признать и окончаніе *тъ* въ неопредѣленномъ наклоненіи глагола идти иттитъ, отойтитъ.

Вмѣсто смолотъ говорятъ часто—смолонъ; вм. убѣжалъ—убѣгъ, вм. впрягъ и запрягъ—впрѣгъ и запрѣгъ.

Отъ глагола ѣхать и производныхъ повелительное наклоненіе говорится въ формахъ уѣзжай, поѣзжай, заѣзжай и—ѣдь, уѣдь, поѣдь, заѣдь; формы ѣзжай не существуетъ.

Вмѣсто смотрите можно услышать также смотряйтя.

Между синтактическими особенностями говора замѣчены слѣдующія:

Вмѣсто винительнаго над. употребляется иногда родительный въ названіяхъ грибовъ муж. рода: нашель боровика, раздавилъ рыжика, съѣлъ груздя. Тотъ же падежъ постоянно слышится вмѣсто именительн. при глаголѣ есть въ такихъ выраженіяхъ какъ: есть у насъ богатыхъ-та людей! денегъ у насъ есть; есть у насъ всякаго народа, и под. Съ предлогомъ изъ родительный же падежъ употребляется вмѣсто творительнаго: красивъ изъ себя вм. собою, принѣтъ изъ лица вм. лицомъ, и др.

Глаголы благодаримъ васъ говорятъ иногда—благодаримъ вамъ, вм. читать книгу—читать въ книгу; вм. курить трубку—курить въ трубку.

Вмѣсто словъ этой ночью употребляются образованія—вночесь и ночесь, вм. на тѣхъ дняхъ—аломясь (изъ ономясь), вм. прошлаго года—лондсь.

Предлогъ по постоянно употребляется вмѣсто за въ такихъ выраженіяхъ какъ: лдти по лошадь, по коровъ, по овецъ и под. Предлогъ на служить вмѣсто съ въ выраженіяхъ: у насъ на героду жить хорошо, пошелъ на геродъ вм. съ геродъ и др.

Степени сравненія выражаются какъ обыкновенными окончаніями, такъ и растяженіемъ голоса, и особыми измѣненіями словъ: грома-дный, боольшой, злюцій, до-брѣющій, крохотушный (= очень маленькій) и под.

Одинаково встрѣчаются: какъ—пришло два мужика, такъ и—пришли два мужика, и—пришло двое мужиковъ; какъ—два хлѣбные амбара, такъ и—два хлѣбныхъ амбара; два раза и—два разъ; два рубля; трои двери и—трои дверей.

Безличнѣйшій оборотъ можно встрѣтить въ выраженіи: а ужъ у насъ было вышито, и под. Двѣпричастная форма вмѣсто прошедш. времени встрѣчается въ окающемъ говорѣ очень нерѣдко: яво нѣтъ дома-та,—уѣхавши; я оставши больная; смнѣять у бѣ ушочка, и под.

Одно отрицаніе вмѣсто двухъ употребляется въ такихъ выраженіяхъ какъ: никто ему велѣлъ; никто его соваль,—самъ сунулся; ништо ему сдѣлается.

Изъ частицъ, не имѣющихъ опредѣленнаго значенія, можно упомянуть, кромѣ употребляющихся при передачѣ чужихъ словъ и мнѣній—*де*, *моль* и *ста* (я-ста его проучу! ну-ка *моль* скажи, куда ты деньги-то дѣвалъ? я-*де* его такъ и испугался! у насъ *моль*, *батя*, на дорогѣ не стой),—частицу *т*, вставляемую, преимущественно въ окающемъ, между глагольною формою и частицею *ка*: стрѣтились-*т*-ка. См. встрѣтились, еся-*т*-ка вм. есть, ей-Богу-*т*-ка вм. ей-Богу.

Мѣстныхъ словъ, по краткости времени всего обследованія говора вообще и по необходимости быстрого перекочевыванія изъ одной мѣстности уѣзда въ другую, удалось записать только очень немного:

А синь—а, ась (въ вопросо-отвѣтахъ).—«Баушка!—Асинь?» (Судайск. вол.) *).

Безо-время—не во время.—«Безо время посѣешь, «инчаво и не уродитца» (Судайск. в.).

Безпереводно—безпрерывно.—«Дождь-жа этга шель безпереводно». (Коровск.).

Вочить—искривлять на бокъ.—«Вона какъ бочить тарантасъ-та!» (Судайск.).

Вертунь—маленькій налими.—«Не надо-ли вертуновъ?» (г. Чукл.).

Вѣснусь—этой весной.

Волога—зимній запасъ соленья—грибовъ (Суд., Идск.).

Воскресѣна—название коровы, родившейся въ воскресенье.

Воскресѣнка—ласкательное отъ воскресѣна.

Вторька—корова, родившаяся во вторникъ.

Вторюшка—ласкательное отъ вторька.

Вѣдомо—завѣдомо, вѣроятно; того и гляди, что; какъ не.—«Вѣдомо пайдетъ!

Какъ тибѣ ни такъ?!»

Годовина—долгий промежутокъ времени, уповодъ.—«Я ужъ тебя съ гадовину здѣсь жду».

Жданка—ласкательное названіе долго и съ нетерпѣніемъ жданной рожденіемъ коровы.

Жданя—то-же,—только не ласкательное,—названіе.

Жвѣкнуть—сказать что-нибудь.—«У насъ противъ его никто не жвѣкаетъ даже» (Колкивск.).

Зауститься—засѣсть, застрянуть (о рыбѣ).—«Рыба-жа и заустится въ ѣлнахъ-та» (Боревск.).

Завдпить—закричать.—«Слышу завдпили: писарь тонеть!» (Судайск.).

Закдсь—дальній сѣнокосъ.—«Старшія-жа дѣтки на закоси теперь». (Коровск.).

Заплица—мѣсто за полемъ.—«Авецъ-то я видѣла на заполицѣ» (Бушевск.).

Инынй—иной, нѣкоторый.—«Иные годы ничавъ не радится». (Судайск.).

Кужель—пучекъ льна, привязанный къ прялкѣ.

Килья (= келья)—церковная сторонка.—«Въ килью пади начевать-та».

Кладница—куча береста, надраннаго для крыши. (Бушк.).

Леденца—болѣзнь у дѣтей въ родѣ кори; бываетъ въ октябрѣ и ноябрѣ.—«У насъ ребятишки въ леденцѣ лежать».

*) Въ скобкахъ отмѣчается волость, въ которой слышано слово. Слова, при которыхъ нѣтъ этой отмѣтки, распространены по всему уѣзду.

Легѣна — трава картофеля. — «На картофѣль вся летина нывчи сгорѣла».

Ломѣха — долго не «обьскивающаяся» нетелящаяся корова.

Лысѣна — корова съ отмѣтиной на лбу.

Лысѣнка — ласкательное отъ лысѣна.

Лысѣвушка — ласкательное отъ лысѣна.

Ловъ — деревянный срубъ съ двумя окнами на двухъ противоположныхъ стѣнахъ, устраиваемый для ловли зимою рыбы въ устьяхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Чухломское озеро. — «Зимой-жа ловимъ въ лавѣ».

Лонѣсь и ловѣсь — въ прошломъ году. (Суд., Идск.).

Мамина — маменька. — «Правади меня, мамина!». (Коров.).

Махлавѣй — желтая морошка, — ягода.

Медвѣдки — березовыя, съ еловымъ ободомъ, нешипенныя колѣса.

Морѣшка — княженика, — ягода.

Мудникъ — чаревникъ, — названіе кушанья изъ ячменной крупы съ саломъ и бараньиши кишками.

Муждвѣй — принадлежащій мужу. — «Имѣнье-жа не мое, а мужовное». (Коров.).

Наворонѣться — о скотинѣ; повадится попадать куда-нибудь. — «Анѣ (овцы) лаваравались ужь въ агумнахъ-та».

Накутѣть — нанести, надугъ много снѣгу. — «А зимой-та накутило снѣгу много» (Введенск.).

Неустоймая — чрезмерно большое количество чего-нибудь. — «Клюквы у насъ буваецъ проста неустоймая» (Введенск.).

Облагаться — надѣяться, налагаться на что-нибудь. — «Ты на меня не больна облагайся».

Облизъ — близи. — «Нѣтъ подходяшова челодѣка въ — облизъ-то у насъ». (Калик.).

Обшѣстать — обйти съ поисками чего-нибудь. — «Говядины-то искала, всѣ лавки обшѣстала».

Обстѣивать — заступаться за кого-нибудь. — «Ты все крестьянъ абстѣиваешь».

Отдѣть — отодвинуть, убрать что-нибудь мѣшающее чему-нибудь. — «Отдай горшокъ — ажь, — мѣшаетъ» (Бушнев.).

Отдѣться — убраться, отодвинуться съ дороги. — «Атдайся дальше, — ушибеть!» (Бушнев.).

Осенѣсь — нынѣшней осенью. — «Другую-та лошадь продали осенѣсь» (Суд.).

Въ осенѣхъ — этой осенью. — «Въ осенѣхъ у насъ былъ урядвикъ-то». (Калик.).

Пашня — хлѣбъ, родившійся на паханомъ полѣ. — «Все бы камни, а пашня-та радится харашо».

Пѣчево — печеное, — въ противоположность вареву. — «Потомъ приносятъ печева, али пахлебатъ».

Пѣдиво — шитье. — «Ни пидива, ни идива, (= диво) нестала». (Муравьиц.).

Подѣзда — рыба: родъ большой сороги съ крючкообразнымъ носомъ.

Подборѣивать — боронить (Бушнев.).

Позовушка — званная вечеринка. — «А у насъ была тогда позовушка» (Калик.).

Погрестѣй — сгрести сѣно. — «Погрѣбли, што вечеръ-та было накашено» (Судейск.).

Понедѣлька — корова, родившаяся въ понедѣльникъ.

Понедѣлюшка — ласкательное отъ понедѣлька.

До тѣхъ поръ — очень. — «Варинъ харошей: просга да тѣхъ поръ показался мнѣ!» (Судайск.).

Прѣстенъ — веретено нитокъ. — «Два прѣстия напрыла».

Пытѣть — стараться. — «Пыталъ я её даждатса».

Пятершныи — о кузовѣ: большой (извѣстнаго размѣра). — «Денегъ-та, у яво пятершныи кузовъ».

Раззыкаться — разбогатѣть, разжиться. — «Послѣ таво онъ шиска раззыкалса денгакъ-то» (Судайск.).

Рѣшиться — уничтожаться. — «Госнода-та какъ рѣшились, все и заглохла».

Самондравный—упрямый, съ норовомъ — «Иная лошадь бываетъ самондравная; къ ей надо приглядѣтся» (Вушнев.).

Самондравство—упрямство, норов.— «Самондравство тоже имѣеть (лошадь)» (Вушнев.).

Свѣнка—кучка, въ которую складываются въ полѣ яровые снопы (Вушнев.).

Свалить—о стогѣ: сметать.— «Два стога сиводни свалили» (Судайск.).

Селѣдокъ—шуренокъ, небольшая щука до 3 фунтовъ (Судайск.).

Середь—часть избы съ печкой, отдѣленная перегородкой.— «Вылдешь отъ середи-та, и скажешь».

Середѣна—корова, родившаяся въ среду.

Середѣнушка—ласкательное отъ середѣна.

Сестричина—сестричка.— «Пей чай-та, сестричина!» (Коров.).

Совѣтно—согласно, въ согласіи.— «Сначала-та анѣ совѣтно жили» (Судайск.).

Сдрѣвъъ—рыба харіузь.— «Пуда три наловили сдрѣвъовъ» (Судайск.).

Стѣпни—поршни, берестяная обувь. (Вушнев.).

Суббѣтка—корова, родившаяся въ субботу.

Торилѣ—веретище,—постила для покрытія воза.— «Торилѣ-та все гравное» (Вушнев.).

Труба—узкая и длинная прорубь, устраиваемая въ Чухломскомъ озерѣ при впаденіи въ него рѣчекъ, для ловли рыбы въ «лова».

Увѣзрѣтъ—увидѣтъ.— «Не увѣзрѣтъ бы мнѣ дѣтя своево».— «Святыхъ бы мнѣ не увѣзрѣтъ!» (Калик.).

Умѣрио—голодно.— «Скотинѣ-та у насъ ужась уморно» (Судайск.).

Ужась—ужасно.— «Ужась какъ холодно!» (Судайск.).

Упастьсь—спастись остеречься.— «На всякій разъ не упасбься».

Успяванье—чрезмѣрное количество ягодъ, плодовъ и под.— «Клюквы пончи такое успяванье!» (Коров.).

Утрось—этимъ утормъ.— «И жарило-жа утрось-та!» (Судайск.).

Холодѣнушка—холодокъ, прохладное мѣсто.— «Атдахну я тутъ на халадѣнушкѣ-та» (Судайск.).

Хушь—хоть.— «Побывай у насъ хушь когда-нибудь» (Коров.).

Цѣлькѣ—сѣрый грибокъ.— «Чиво висѣшь?— да однихъ цѣльковъ!»

Червобди́на—поврежденіе хлѣба червемъ.— «Старикн-ти не помятъ ни градобинны, ни червобинны» (Судайск.).

Черкать—пахать.— «Черкать скоро ужъ нада».

Чистушка—свободная отъ деревьевъ небольшая полянка въ лѣсу.— «Размы на одной чистушкѣ цѣлую карзину набрали грибовъ-та» (Введенск.).

Шараваритсья—затягивать дѣло.— «Што онѣ канителитса, — шараваритса-та?» (Вореев.).

Ѣдиво—пища, ѣжа.— «Ни идива, ни идива нѣтъ» (Мурав.).

Язѣкъ—небольшая прорубь въ Чухломскомъ озерѣ, устраиваемая для опусканія «морды».— «Зимой-та рубимъ язки всей дивревной».

В. Покровский.

О П Е Ч А Т К И

въ статьѣ Ѳ. Покровскаго «О народныхъ говорахъ сѣверо-западной части Костромской губерніи».

(Живая Старина 1897., вып. III и IV).

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
446	2 сн.	полнчнаго	но личнаго
447	25 св.	пасаженъ)	насаженъ)
—	26 св.	вм. не дошѣдчи	вм. не дошѣдчи
—	27 св.	дошѣдъ	дошѣдъ
—	—	нишѣтѣ	нишѣтѣ
—	28 св.	машѣтъ	машѣтъ
—	17 сн.	послѣ обѣда	послѣ обѣда
—	8 сн.	сплѣтни	сплѣтѣи
448	1 св.	отвѣргнуть вм. отвергнуть	отвѣрнѣтъ вм. отвернуть
—	21 св.	сѣнѣ вм. сѣня	сѣмѣ вм. сѣмя
—	1 сн.	по западъ	на западъ
449	23 сн.	Третій:	Третій,
—	18 сн.	Чудовская	Чудовская
450	24 св.	божарь	базарь
451	16 св.	кратное	краткое
452	16 св.	не вм. не	ни вм. не
—	8 сн.	(взба)	(губа)
453	18 св.	ѣлтарь	ѣлтарь
—	27 св.	(окающ.	(акающ.
—	18 сн.	(окающія	(акающія
—	7 сн.	(когда г—д)	(когда г—г)
454	8 св.	въ г	въ д
—	18 св.	тепленью	тепленьюю
—	18 сн.	фартальной	фартальной
—	11 сн.	сть	ств
455	11 св.	паргяихъ	нарвчяихъ
—	12 сн.	съ	сч
—	10 сн.	съ	сч
—	—	шъ	шч
—	8 сн.	шъ	шч
456	26 сн.	баушка	баушка
457	1 сн.	мелкихъ	мягкихъ
458	15 и 14 сн.	галоньѣ	галочьѣ
—	3 сн.	Далее	Даже
459	5 сн.	и	и
460	1 св.	но видаль-же	не видаль-ли
464	21 св.	изябъ	оаябъ
—	24 сн.	Поѣдешъ	Повдешъ
—	10 сн.	съѣи	съѣу
466	7 сн.	падель	падаль
467	18 св.	покамѣче	покамѣче
—	20 сн.	поимѣ)	поимѣ)
—	6 сн.	«Толь	«Шаль
—	3 сн.	кажиннай	кажинной
469	22 сн.	Чарѣвнинь	Чарѣвникъ.

Сказаніе объ Элэнди и его сыновьяхъ

(переводъ съ чукотскаго).

Среди чукотскихъ сказокъ и преданій видное мѣсто занимаютъ сказанія изъ временъ борьбы чукотскаго племени съ таньгами. Подъ общимъ именемъ таньнгитанъ чукотская этнографія подразумѣваетъ не только близко родственныя племена коряковъ и чуванцевъ, но также и русскихъ, впервые выступившихъ на границахъ чукотской территоріи въ союзы съ братьями и въ то же время исконными врагами чукотскаго племени, таньгами. Эти сказанія въ противоположность собственно сказкамъ выгодно отличаются отсутствіемъ фантастическаго элемента, и нѣкоторыя изъ нихъ живо обрисовываютъ обстановку чукотской жизни и даже умственные и нравственные понятія чукотскаго племени. Въ общемъ ряду сказаній чукотскаго народа эти рассказы составляютъ третье наслоеніе. Самое раннее наслоеніе представлено рассказами мифологическаго и космогоническаго содержанія, которые сами чукчи опредѣляютъ общимъ именемъ *тоттумватъян* или *тоттумваттайнэкин* т. е. первозданный (первозданно-временный).

Второе наслоеніе составляютъ рассказы о шамансахъ и о духахъ, съ которыми тѣсно переплетены преданія о борьбѣ съ какими-то племенемъ, пришедшимъ изъ за моря, повидимому имѣвшимъ эскимосское происхожденіе, — впрочемъ значительно потускнѣвшія въ народной памяти и пронизанныя насъвозь мненческими элементами, что указываетъ конечно на древность ихъ (происхожденія).

Что же касается рассказовъ о борьбѣ съ таньгами, которые чукчи отличаютъ отъ другихъ подъ именемъ *акалелѣткин* т. е. злоубійственный, происхожденіе ихъ относится къ болѣе недавнему времени. Нѣкоторыя изъ нихъ, напр., относятся къ борьбѣ съ русскими, т. е. къ событіямъ, имѣвшимъ мѣсто менѣе полутора ста лѣтъ назадъ. Даже въ тѣхъ рассказахъ, гдѣ врагами чукочъ являются настоящіе таньги, видны многіе слѣды позднѣйшаго происхожденія. Въмѣсто древняго оружія изъ кости или китоваго уса, въ нихъ всегда является желѣзо, желѣзные ножи, копыя, котлы. Даже табакъ, вмѣстѣ съ желѣзными издѣліями составляющій до сихъ поръ нервъ чукотско-русской торговли, нѣрѣдко занимаетъ видное мѣсто. Вообще воспоминанія о временахъ борьбы съ Таньгами еще свѣжи въ народной памяти. Многіе изъ теперь живущихъ нынѣшнихъ ведутъ свой родъ отъ *Айнгъуріина*, *Лавтылѣдальна* и другихъ витязей, высчитывая число поколѣній, смѣнившихся съ того времени (отъ 9 до 14) и даже опредѣляя происхожденіе по женской или по мужской линіи.

Что касается *Айвановъ*, эскимосскаго племени, живущаго по ту сторону Чукотскаго Носа, тамъ гдѣ океанъ возвращается вспять, т. е. по берегамъ Берингова моря (впрочемъ чукчи также называютъ айванами нѣкоторыя племена американскаго материка), то и въ настоящее время между ними и чукчами существуетъ племенная вражда, неоднократно разрѣшающаяся одиночными кровавыми столкновеніями, вродѣ двухъ единоборствъ, описанныхъ въ нижеслѣдующей повѣсти. Въ полной силѣ существуетъ также чукотско-айванская обмѣнная торговля, на которую имѣются намеки въ повѣсти.

Повѣсть объ Элэнди рассказана имъ чукчей Айваномъ, по руски Ивановъ, зимой 1896 г. на урочищѣ *Аконъайке* (безштатная земля: такъ называется мѣстность, находящаяся къ востоку отъ Колымы внутри лѣсной границы. Названіе свое она по-

лучила отъ непроходимаго кустарника, безопадно обдирающаго въ лѣтнее время шѣховые шаровары чукотскихъ пастуховъ). Она была записана мною по мѣрѣ разсказа, въ видѣ возможно болѣе точнаго перевода на русскій языкъ. Можетъ быть не безынтересно будетъ замѣтить, что этотъ Айванъ, одинъ изъ лучшихъ сказочниковъ въ области приколымскихъ чукочъ, рожденъ отъ русской матери, которая впрочемъ была отдана на тундру маленькой дѣвочкой и выросла среди чукочъ, обратилась въ настоящую чуконку. Происхожденіе отъ русской матери, конечно, не придало Айвану—Ивану ни одной черты, способной отличить его отъ его сосѣдей. Какъ и всѣ прочія дѣти русскихъ женщинъ, вступившихъ въ супружество съ чукчами, онъ по русски не знаетъ ни слова, пасетъ свое стадо такъ же рачительно, какъ и другіе молодые пастухи, приносить жертвы чукотскимъ богамъ (дьяволамъ по русскому опредѣленію), лѣтомъ голодаетъ, питается падалью, гнилью и т. д.

I.

Что скажу, съ чего начну? Были пять братьевъ, младшему имя Элэнди. Всѣ братья были сильные, но Элэнди былъ сильнѣе всѣхъ. Былъ Элэнди крѣпокъ, и ловокъ, и быстръ. Владѣтъ копьемъ, стрѣлять изъ лука, состязаться въ пѣшемъ бѣгѣ, или въ ристаніи на оленяхъ, былъ Элэнди весьма искусенъ. Были изначала богаты оленями. Стада ихъ, какъ валежники. У пяти братьевъ двѣ сестры. Пошли зачерпнуть воды пестро-раскрашеннымъ желѣзнымъ сосудомъ. Ихъ серьги звенять на ходу. Металлическіе браслеты отъ кисти до локтя. Не зачерпнувъ воды, стоятъ надъ обрывомъ, звенять серьгами и браслетами у воды, между собой пересмѣиваются. Толстыя косы висятъ по сторонамъ. Въ это время два коряцкихъ ¹⁾ молодца подкрадываются по надъ берегомъ рѣки. Выскочили, схватили ихъ, каждый схватилъ по одной.—«Пойдемъ съ нами!» говорятъ. Тѣ отказываются. Взмахнули копьями надъ головой. Чтоже? Испугались и пошли. Говоритъ корякъ:—«Вотъ пойдемъ по этой дорогѣ! Вы идите впереди! Убѣгать не пытайтесь!» Дѣвушки не въ силахъ идти пѣшкомъ, ибо весьма богаты, изстари привыкли ѣздить на оленяхъ ²⁾. Наконецъ достигли ночлега, сѣли на землю, улеглись спать, и коряки вовлѣ нихъ. Старшая и младшая сестра, уставъ отъ ходьбы, не могутъ спать. Ноги ломятъ, духъ стремится домой. Крѣпко заснули коряцкіе парни. Дѣвушки отъ желанія къ дому не спятъ. Впереди по дорогѣ виднѣется снѣжная заростель ³⁾. Говоритъ старшая сестра младшей.—«Они спятъ, убѣжимъ хоть къ этому снѣгу и зароемся тамъ. Пусть они уйдутъ безъ насъ. Не то убьютъ насъ—мы ходитъ не въ силахъ!»—У соннаго старшая сестра вытащила ножъ изъ за пояса. Обѣ ушли къ заростели. Подошли, ударили ножомъ, пробили отверстія, разгребли внутри снѣгъ до черной земли, сдѣлали словно жилище. Старшая младшую протолкнула внутрь въ отверстіе, потомъ тщательнo загребла и закрыла, какъ будто старый нетронутый (снѣгъ). Покончивъ, говорить:—«Я уйду, тебя покину! По крайней мѣрѣ ты хоть воротись домой. Тоску Элэнди утѣшь!» Предъ уходомъ старшая говоритъ младшей:—«Пока мы будемъ здѣсь, ты ожидай, скучая! Когда уйдемъ и солнце подымется высоко, выйди наружу, иди домой! Одинъ изъ коряковъ сильно меня желаетъ, пусть уведетъ меня! Ты одна хоть воротись домой! (Скажи Элэнди): «Меня любящій за мною придетъ!»... Вернулась назадъ, положила ножъ на прежнее мѣсто, легла рядомъ съ парнями.

¹⁾ Танънги и аѣчэк. Я предпочелъ перевести коряцкихъ, а не чуванскихъ, хотя приколымскіе чукотскіе сказочники, не видѣвши никогда коряковъ, при разспросахъ обыкновенно называютъ танънговъ чуванцами, нерѣдко прямо по русски. Но немногочисленный чуванскій народецъ, сколько можно судить, не игралъ особенно видной роли въ борьбѣ, между тѣмъ какъ столкновенія между чукчами и коряками на границахъ территорій не прекращались почти никогда до сравнительно недавняго времени.

²⁾ Люди, имѣющіе много оленей, дѣйствительно мало ходятъ пѣшкомъ.

³⁾ Залежь стараго снѣга.

бы былъ мужчина, пожалуй! Женщину ранить постыдно!» Говоритъ Элёнди товарищамъ: «Ну, собирайтесь, пойдемъ! Погонимъ по ихъ слѣду!» Другіе отвѣчаютъ:—«Стало поздно! Переждемъ ночь!»—Нѣтъ, нѣтъ, пойдемъ! Я не могу спать! Худо! Какъ только увидѣлъ рану сестры, спать я не могу! Я вѣдь мужчина! Пусть же я пойду на бой! Ты почувешь, не хотать идти. Не спитъ Элёнди, ходитъ взадъ и впередъ по окрестностямъ. До разсвѣта разбудивъ товарищей, говоритъ: «Пойдемъ, пойдемъ! Вы причина замедленія! Если еще будете спать, я уйду одинъ! Говорю вамъ:—зову васъ на битву съ чужимъ народомъ! Пришелъ въ мое сердце великій гнѣвъ! При вашей помощи буду силёнъ!» Наконецъ отправилсь, взявъ съ собою запасъ.

Пять разъ ночевали по дорогѣ, достигли. Шли, гоня дорогу сестеръ. По прежнему не спитъ младшій братъ. На пятомъ ночлегѣ не смыкаетъ очей. Было по первой заморозы ¹⁾. Достигли. Огромная скала. Обшири кругомъ. Со всѣхъ сторонъ ручьи сбѣгаютъ круто внизъ. По руслу одного взобрались на вершину для развѣдокъ. Перевалили на другую сторону, посмотрѣли. Большое стадо ходитъ взадъ и впередъ, собираясь въ гряду изъ боязни овода ²⁾; олени коряцкіе ³⁾. Посмотрѣли снова. Немного подальше много жилищъ, селеніе. Передній бычачеогромный ⁴⁾ шатеръ, громадное жилище, стоитъ впереди всѣхъ. Говоритъ Элёнди.—О! наша сестра въ томъ переднемъ жилищѣ!—Э-вы! Должно быть такъ!» Говорятъ старшіе братья: «Какъ же будемъ?»—«Спустимся внизъ и пойдемъ возлѣ подошвы! Подойдемъ поближе!» А и такъ близко. Голоса хорошо слышатся.—«У подошвы пониже есть большое озеро. Туда пойдемъ. Жилища за озеромъ; черезъ озеро хорошо разсмотримъ!» Пошли, достигли. Элёнди говоритъ:—«Попробуемъ позвать сестру!» Настала ночь. Элёнди говоритъ: «Запасы наши издержаны. Но теперь поздно. Дождемся зари, не вѣши. Утромъ позовемъ сестру! Ибо придетъ! Пойметъ зовъ и придетъ къ намъ».

Когда пришла заря, сестра откинула дверь въ переднемъ домѣ ⁵⁾. Элёнди прокликала: «Йоо-о-къ! Йоо-о-къ!», какъ гагара. Услышала, тайно заплакала. Ея мужъ изъ передняго жилища, эрмэчэн ⁶⁾. Говоритъ коряціей эрмэчэн: «Что тамъ за птицы кричатъ? Откуда зовутъ?» Жена отвѣчаетъ: «Нѣтъ! Съ моей одной земли птички тамъ кричатъ, клещутъ съ озера!» Потомъ говоритъ мужу:—«Пойду, посмотрю я! Узнаю, что это за птицы?»—«Тебѣ что нужно? Зачѣмъ?»—«Отчего же такъ близко меня не пускаешь? Съ чужимъ народомъ жить и безъ того соскучилась. Развѣ не могу выйти свуку развѣять? держишь меня все время въ пологу ⁷⁾!»—«Правда! говоритъ мужъ.—

¹⁾ Чукотская осень дѣлится на три части: и гэрһэрэк, тураіэтэк и собственно нѣтһак, которымъ соответствуютъ на мѣстномъ русскомъ нарѣчьи выраженія: по заморозы, по первой поршнѣ и собственно осенью. По заморозы—начало Сентября.

²⁾ Олений оводъ является истиннымъ биченъ чукотскихъ стадъ. Появленіе даже небольшого количества оленьихъ оводовъ приводитъ оленей въ нервное состояніе, разрѣшающееся безпокойнымъ перебѣганіемъ съ мѣста на мѣсто, или прямо бѣгствомъ навстрѣчу дуновенію вѣтра, отгоняющему насѣкомыхъ.

³⁾ Коряцкіе олени меньше и чернѣе чукотскихъ.

⁴⁾ Бычачеогромный. Эпитетъ созданъ по сравненію съ оленьемъ стадомъ, въ которомъ самое видное мѣсто занимаетъ старый быкъ, возвышающійся надъ мелкими важенками и молодыми бычками своей огромной головой, украшенной широкими развѣсистыми рогами. Шатеръ наиболѣе вліятельнаго челоуѣка на стойбищѣ всегда стоитъ впереди всѣхъ и владѣлецъ его зовется атторалын «переднедомный».

⁵⁾ Чукотскій шатеръ почти всегда называется просто домъ, жилище.

⁶⁾ Эрмэчэн собственно сильнѣйшій. Также воинъ, витязь; далѣе начальникъ, властитель. Также въ порицательномъ значеніи насильникъ, обидчикъ и даже грабитель. Всѣ эти понятія тѣсно переплетаются другъ съ другомъ, какъ это будетъ видно въ другихъ мѣстахъ сказанія.

⁷⁾ Йордигы на мѣстномъ русскомъ нарѣчьи и ологъ. Внутренній мѣховой шатеръ для вѣды и сна въ видѣ глухого четырехугольнаго ящика.

Зачѣмъ стану тебя такъ держать? Пожди, посмотри! Она наръзала пять сушеныхъ беконь ¹⁾ и взяла съ собою.

— «Это зачѣмъ?» говоритъ мужъ: «Нѣтъ! Поиду по землѣ, быть можетъ, горло захочетъ!» Ушла женщина изъ дома, встала на берегу озера и заплакала — «Гдѣ же они?» говоритъ: «Гоо-оки! Гоо-оки!» изъ-за озера. Тамъ, за озеромъ, въ дождливѣ! Пришла туда. Схватилъ ее Эленди, обнимаетъ ее, цѣлуетъ, нести на рукахъ, какъ ребенка. Другіе братья нисколько, ибо они зловрачны. Съѣли принесенное. Говоритъ младшій братъ: «При стадѣ сколько (пастуховъ)?» — Четыре! Но вы зачѣмъ пришли? Въдъ васъ убьютъ!» — Пусть! пусть! Развѣ мы для жизни пришли? Пришли для смерти!» — «Весьма сильный взялъ меня въ жены!» — «Все равно!» Говоритъ сестрѣ Эленди: «Теперь вернись домой, во ѣды дома не ѣшь, не ѣвши, ложись спать! Будетъ мужъ приглашать тебя, не слушайся. На утро проснувшись, станутъ тебя приглашать къ ѣдѣ, ты не повинуйся имъ!» Такъ наказываетъ Эленди сестрѣ. — Когда же въ третій разъ станутъ ѣсть, и станеть мужъ приставать къ тебѣ, ударь его по лицу рукой, скажи: «Надоѣдливый ты! Почему пристаешь съ ѣдой!» Ударь его рукою по лицу, скажи: «Зачѣмъ ты надоѣдаешь мнѣ? Когда я жила у братьевъ, они меня кормили морскими мясомъ, тюленьимъ жиромъ. Въчюй своей оленьюй зачѣмъ мнѣ надоѣдаешь?...» ²⁾.

Такъ сказала, ударила мужа по лицу. Вскочилъ Эрмечанъ. — «Хорошо! говорить — достану тебѣ иной ѣды!» Вскочилъ на ноги корякій Эрмечанъ. — «Сейчасъ, говорить, отправлюсь!» Привелъ сосѣдей ³⁾. Приходятъ сосѣдніе люди, собираются виѣсть. Когда собрались, говорить: пойдѣмъ!» — Куда? — На море: — Э н ѣ й! А олени пастухи?» — Пусть ихъ! — Зачѣмъ же на море? — Метать сѣти! ⁴⁾ Ушелъ весь народъ. Когда ушли они, она запасную обувь вскинула на плечи, пошла къ братьямъ. Говорятъ между собой: «Теперь пойдѣмъ къ стаду!» Въ пятеромъ отправились къ стаду, женщина шестая. Говоритъ Эленди братьямъ. «Вы идите впередъ, я навѣщу стадо, васъ скоро догоню!» Настала ночь. Навѣстилъ стадо; всѣхъ пастуховъ, людюшекъ, перебилъ. Угналъ оленей, только стукъ несется отъ роговъ. Двигетъ стадо, онъ гонитъ его со всѣхъ сторонъ одновременно, огромное стадо бѣжитъ впередъ, какъ небольшая кучка ⁵⁾. Скоро догналъ братьевъ. У бывшихъ при оленяхъ людей унесъ котель. На каждомъ ночлетѣ

¹⁾ Нетдлнн на мѣстномъ русскомъ нарѣчій бокъ или подслень. Задняя часть мяса, снятая безъ кости, обыкновенно покрытая толстымъ слоемъ жира.

²⁾ Это характерное мѣсто въ одно и то же время выпукло изображаетъ нѣкоторую первобытную равнобѣрность половъ въ чукотской семьѣ, уживающуюся рядомъ съ таранной сильнаго надъ слабымъ, т. е. мужчины надъ женщиной, а также отъбываетъ противоположность между оленными коряками, исконными оленеводами и полуприморскимъ бытомъ чукотскаго племени, размножившаго свои олени стада сравнительно въ недавнее время.

³⁾ Нынтумны и товарищъ на жительство, сосѣдъ. Въдныя члены племени обыкновенно ставятъ свои шатры рядомъ съ шатромъ богатаго соплеменника, отъ промысла или стада котораго они отчасти питаются, вступая за то къ нему въ извѣстнаго рода вассальныя отношенія. Такія вассальныя отношенія, иногда переходящія отъ поколѣній къ поколѣнію, всетаки не пріобрѣтаютъ никакой прочности и разрушаются сплать и рядомъ по первому подвернувшемуся поводу. У оленныхъ чукоцъ, при сильномъ развитіи индивидуализма и разнородности стадъ, они почти совсѣмъ исчезли.

⁴⁾ Чуки и русскіе промышляютъ тюленей болѣею частью сѣтями, заматывая ихъ подо льдомъ въ проруби, пробитыя самими же тюленями для дыханія.

⁵⁾ Чукотское стадо чрезвычайно непослушно и всегда стремится разбредиться въ разныя стороны. Разумѣется, чѣмъ оно меньше, тѣмъ легче съ нимъ справляться для пастуха и погонщика и тѣмъ быстрее оно подвигается впередъ при переходахъ съ мѣста на мѣсто. Поэтому высшая похвала погонщику сказать, что онъ гонитъ стадо въ одно время со всѣхъ сторонъ, и что многочисленное стадо бѣжитъ предъ нимъ впередъ также быстро, какъ небольшая кучка.

убиваютъ быка, всего варятъ и съѣдаютъ, также и кровь (съѣдаютъ), только моняло¹⁾ выбрасываютъ вонь. Черезъ десять дней пришли домой, гоня съ собой стадо. Пригналъ Элвди чужое стадо, привезъ и сестру домой, пребываетъ при оленяхъ, бѣгаетъ вокругъ стада такъ быстро, словно летать, машетъ копьемъ, упражняется въ боевомъ искусствѣ.

Коряки ночевали на морѣ 20 ночей, убили только рыбу²⁾, тюленей не добыли, стали возвращаться, ночевали на пути 20 ночей, пришли домой, тамъ страшный голодъ. Оставшіеся въ жилищахъ сушатъ обрывки шкуръ и ѣдятъ ихъ, совершенно изсохли отъ истощенія. Пришелъ эрмэчэнъ въ свое жилище; дверь закрыта. Посмотрѣлъ внутри, никого нѣтъ. Пошелъ къ сосѣдямъ. «Гдѣ же женщина?» — «Не знаемъ! Она исчезла еще при вашемъ уходѣ. Должно быть ушла къ оленямъ!» — «А гдѣ олени?» — «Не знаемъ! вѣстей нѣтъ! Ушли далеко! Мы совсѣмъ изсохли!» — Ну что-жъ? Поѣзьте! Мы отдохнемъ!» Два дня спали, отдыхали. На третье утро пошли къ стаду. Эрмэчэнъ ждетъ дома. Увидѣли убитыхъ людей (лежащихъ), словно оленьи трупы. Вернулись домой посланные. Говорятъ эрмэчэну: «Стада нѣтъ! Только людей нашли! Всѣ они перебиты!» Тогда только понялъ, что за птички кликали съ озера. — «Скорѣе поговини по слѣду!» Ушли всѣ мужчины. Когда были въ пути, окончилась течка дикихъ оленей, привела вслѣдъ за собой обычную вьюгу³⁾. Поднялся большой вѣтеръ и мятель, ничего не видно впереди. Остановились, издержали запасы. Непогода не прекращается. Иззябли и высохли, совершенно изнемогли, потому умерли. Оставшіеся въ дѣмалъ тоже высохли.

Пригналъ Элвди другихъ братьевъ, живетъ одинъ и сестры съ нимъ. Откочевалъ въ другую сторону, ибо братья ходили его убить. Бѣжалъ, спасаясь. Былъ по прежнему холостъ. Взялъ двѣ жевы, сестеръ отдалъ въ замѣну⁴⁾. Жены родили ему по одному сыну. Выросла сынонья, стали ходить у стада. Откочевалъ на лѣтовье къ морскому берегу⁵⁾. Весьма богатъ сталъ Элвди, стадо его размножилось и разжирѣло; сдѣлался эрмэчэномъ, пересталъ бѣгать⁶⁾.

II.

Въ концѣ весны покочевалъ на лѣтнее стойбище. Говоритъ Элвди первой женѣ: — «Не станешь дневать, станемъ торопясь, кочевать; только на ночлегъ останавливаемся,

¹⁾ Pilekâril — на мѣстномъ русско-чукотскомъ нарѣчій моняло. Полупереваренное содержаніе большого желудка, употребляемое въ пищу чукчами и тунгусами, хотя и не особенно охотно, вопреки рассказамъ путешественниковъ о пристрастіи чукочъ къ такого рода растительной пищѣ.

²⁾ Всевозможные виды промысла (рыбный; пушной, тюлений) опредѣляются словомъ убить: hâ n me len.

³⁾ По чукотскому повѣрью, до окончанія течки дикихъ оленей (въ Октябрѣ) является сильная вьюга, по мннованію которой олени самцы совершенно теряютъ влеченіе къ самкамъ.

⁴⁾ Мѣна женщинами — одинъ изъ обычныхъ видовъ чукотскаго брака. Иногда семья, принимающая къ себѣ чужую дѣвушку, не имѣя ни одной свободной женщины, остается въ дому и исполняетъ обязательство много лѣтъ спустя.

⁵⁾ Эрмэчэну, отъ стада котораго кормятся бѣдные сосѣди, конечно, мало приходится самому бѣгать и суетиться у стада.

⁶⁾ Большая часть чукочъ, оберегая свои стада отъ наскоковъ, уходитъ на лѣтовье къ берегу океана и напротивъ, съ наступленіемъ суровыхъ зимнихъ холодовъ возвращается къ лѣсной границѣ.

станемъ свершать путь, чтобы рѣвки не вскрылись и не задержали насъ!»¹⁾ Идутъ къ морю, торопятся. Пришли на лѣтовье къ морскому берегу. Остановились на недвижномъ жилищѣ²⁾. При первой дневкѣ говорить Эленди женѣ:—«Хочу изъ-за моря привезти себѣ въ рабы Айвана³⁾ эрмэчэна. Запрягайте оленей, двѣ мѣховыя рубахи набейте мхомъ! Тороплюсь ѣхать!» Первая жена говоритъ:—«О не привезешь, ибо онъ весьма силенъ. Всѣхъ сосѣдей наполняетъ ѣдой, его жилища наполнены пищей, одинъ прокармливаетъ всѣхъ нымтуминовъ⁴⁾. Ни за что! Онъ слишкомъ могучъ! Не привезешь!» —«Отлично привезу!» —«Вѣрно хочешь тамъ кости оставить!» —«Нѣтъ, нѣтъ! Я вернусь назадъ! Скорѣе набейте мхомъ одежду, запрягайте оленей! Я уйду!» Увезъ съ собой двѣ запряжки, взявъ нарту съ рѣшетчатой грядкой⁵⁾ положилъ туда одежду, набитую мхомъ и дорожный запасъ. Уѣхалъ вмѣстѣ со второй женой. Когда уѣхали, лѣтняя вода еще не пришла на море. Вышли на открытое море, средина моря изломана. Вода свободна отъ льда. Остановились на закраинѣ. Вынули одежды съ мхомъ, вытрясли мохъ изъ одной на ледъ, поставили оленей, сами закусили, легли спать. Олени поѣли мху, немного осталось. Спустя немного времени, доѣли остатокъ, приобрѣла прежнюю силу. Чуть-чуть поспали, пробудились. Очертилъ Эленди кругъ на льду своими узкими полозьями, разогналъ оленей; какъ птицы перенеслись черезъ открытое море, очутились на льду съ другой стороны. Покинули тутъ вторую одежду со мхомъ, помчались впередъ. Солнце восходило, когда отправились въ путь. Мчатся олени, не ослабляя быстроты, какъ на быстромъ бѣгу. Стало спускаться солнце, показалась земля за моремъ. Какъ разъ съ заходомъ солнца достигли земли, вышли на берегъ. Большое селеніе. Дошли до задняго жилища⁶⁾, отпустили оленей, ибо тамъ мху очень много. Всѣ жилища очень малы, но переднее жилище огромно; жилище Айвана Эрмэчэна; наружный шатеръ изъ моржовой кожи. Въ заднее жилище⁷⁾ вошли. У хозяевъ нѣтъ ни кусочка мяса. —«Чѣмъ же васъ кормить станемъ? У насъ ѣды нѣтъ. Пройдите лучше къ Айвану Эрмэчэну!» —«Нѣтъ, тутъ соснемъ и отдохнемъ! Привеси запасъ изъ саней!» говоритъ Эленди женѣ. — Тутъ будемъ спать! По пробужденіи навѣстимъ Эрмэчэна! Принесла изъ саней два оленьихъ бѣлка⁸⁾. Поѣвши заснули. Проснувшись, говоритъ Эленди хозяйкамъ: «Ну, пойдѣмъ, пойдѣмъ!» Мимо кого проходятъ, всѣ присоединяются сзади. Стали, какъ кочевой поѣздъ. Эленди идетъ впереди. Женщина ведетъ (свиту). Вошли въ шатеръ. Сидитъ Эрмэчэвъ, поджавъ ноги, шупаетъ бабъ. Огромный великанъ. —Ка-ка! гости-и-и!»⁹⁾ —«Ы!»¹⁰⁾ «Ого! Торопитесь варить, бабы-ы-ы!» Сидитъ

¹⁾ Чукчи уходятъ на лѣтовье обыкновенно очень поздно и нерѣдко кочуютъ до послѣдней возможности по черной землѣ и цѣлой водѣ, стремясь достигнуть лѣтней стоянки.

²⁾ Лѣтнее жилище недвижно, потому что чукчи почти совершенно незнакомы съ верховой и вьючной ѣдой на оленяхъ, лѣтомъ лишены средствъ передвиженія.

³⁾ См. выше предисловіе.

⁴⁾ См. выше 3. (стр. 354).

⁵⁾ Чукотская упряжка состоитъ изъ двухъ оленей. На одномъ оленѣ ѣздить только въ исключительныхъ случаяхъ. 3-хъ оленей никогда не запрягаютъ. Нарта съ рѣшетчатой грядкой—п а а р а т заимствована чукчами у коряковъ и употребляется для храненія разныхъ мелкихъ предметовъ, напр., посуды. Возить кладъ на такой нартѣ считается щеголеватостью и признакомъ благосостоянія.

⁶⁾ При продолжительныхъ зимнихъ поѣздкахъ по ледянымъ полямъ океана или по мѣстности бѣдной моховищами, приходится возить съ собой запасъ мху, набитый въ широкую мѣховую одежду.

⁷⁾ Жилище самаго бѣднаго или незначительнаго человѣка, работника, или раба ставится сзади всѣхъ другихъ.

⁸⁾ Бокъ см. выше прим. 1. Стр. 354.

⁹⁾ Ка-ка выражаетъ изумленіе. Голосъ Айвана изображается грубымъ, басистымъ и сильно растягивающимъ послѣдній слогъ. Вообще разговоры ведутся разными голосами съ явнымъ стремленіемъ придать разсказу болѣе драматическій характеръ:

¹⁰⁾ Ы—междометіе утверженія—Да.

нагой, тѣло толстое, кости широкія. Сидитъ Элѣнди, осматриваетъ хозяйна вокругъ. На спинѣ ложбина, какъ сухой ручей, на груди, какъ рѣчное русло. Вездѣ мясо, — цѣлыя горы. Думаетъ Элѣнди самъ съ собой: — «О! Увезу-ли я его? Или не увезу со-всѣмъ?» Говоритъ въ утробѣ своей: — «О, что такое я затѣялъ?» Отвергаетъ, гово-ритъ: «не нужно!», потомъ снова говоритъ себѣ: «Нѣтъ, отчего же? Пожалуй, можно! Кто знаетъ?». Подали ѣду, сосѣди хотятъ взять по куску, онъ колотитъ по ру-камъ: «Пусть гости сперва! Вы пото-о-омъ!» Высколилъ ихъ. Горло хочеть, но смо-трать только глазами. Что имъ дѣлать? Грѣхъ предъ божествомъ¹⁾. Говоритъ гость сосѣдямъ: «Ну, ну, берите!» Просовываютъ руки подъ руки гостей и хватаютъ куски. Тѣхъ не бьетъ, кто же со стороны пытается схватить, того колотитъ по рукамъ. На особое корыто накрошилъ китоваго мяса, ѣсть одинъ, другимъ не даетъ. Снова гово-ритъ гость: «Всѣ, всѣ ѣйте!» Ударилъ гостя Айванъ: «Ты зачѣмъ распоряжаешься? Я эрмэчэнъ!» Гость схватилъ свой поясъ, лежавшій подѣ, съ размаха хлестнулъ по нагому тѣлу. Опухло и покрасѣло. Вздудась полоса отъ удара. Жена Айвана, какъ держала пальцы во рту, такъ и застыла, вытаращивъ глаза. Въ первый разъ видѣла, чтобы его кто-либо ударилъ. Говоритъ Элѣнди жонѣ: — «вари ѣду. Пріятели еще не насытились!» Айванъ си-дитъ, понуривъ голову, жена Айвана стоитъ, закусивъ пальцы, а жена гостя непрерывно ва-ритъ ѣду. Въ чужомъ домѣ распоряжается, какъ въ своемъ. Говоритъ Айванъ-Эрмэчэнъ самъ съ собой: — «Ужо, ужо! Немного погодимъ! Кто знаетъ, что можетъ выйти?» Потомъ го-воритъ громко: «Это должно быть и есть чукотскій витязь (эрмэчэнъ), Элѣнди стадс-отни-магель!» — «Нѣтъ! говоритъ Элѣнди. — Не я, а ты насильникъ (эрмэчэнъ)!²⁾. Ты нака-зываешь своихъ сосѣдей. Ёсть при тебѣ не сибють. Куски изо рта вырываешь! Именно ты и есть отниматель! Я своихъ сосѣдей кормлю, самъ съѣмъ кусокъ, имъ отдамъ дру-гой. Только ты и есть насильникъ!» Всѣ людишки наѣлись. Не переставая варить ѣду, крошить моржовый жиръ и китовое мясо. А въ жилищѣ Айвана запасовъ много. Вверху висятъ на ремняхъ всякія мяса. Тюленья туши, полосы китовой кожи, моржо-выя ребра, рыба. Пониже на одной сторонѣ шкуры лахтаковъ³⁾, на другой — свитки ремней, на третьей — связки чемо-дановъ⁴⁾. Всѣ сидятъ молча. Айванъ размышляетъ. Спусти немного спрашиваетъ гости: «Что же ты? Развѣ безъ всякой цѣли сюда при-ѣхалъ. Торгуи!» — «Двадцать лахтачныхъ шкуръ достань, двадцать свитковъ бѣлаго и чернаго ремня⁵⁾, двадцать тюленьихъ чемодановъ, всего, что есть у тебя по двад-цати!» — «Что же привезли на обмѣнъ?» — «Ничего». — «Даромъ не дамъ!» — «Самъ возьму! Еще сважу: вдобавокъ и тебя увезу къ себѣ!» — «Пр-жде убьешь развѣ!» — «Что же? пожалуй и убью тебя! Развѣ кто-нибудь жалѣть станетъ!» Айванъ Эрмэчэнъ надѣваетъ обувь, только сопить отъ гнѣва. Быстро, проворно вышелъ Айванъ наружу и гость вмѣстѣ съ нимъ. Всѣ сосѣди выскочили сзади. Теперь только впервые эти лю-дишки наѣлись до-сыта. Въ первый разъ схватилъ Айванъ Элѣнди⁶⁾. Тотъ воспользо-

¹⁾ Между чукчами считается великой обидой и неблаговоспитанностью не пригла- сить кого-нибудь изъ присутствующихъ къ участию въ трапезѣ. Во всемъ этомъ эпи- зодѣ, ярко высказывается непосредственное демократическое чувство, присущее перво- бытному сознанию чукотскаго племени, также выражаются этические понятія, возникшія на почвѣ отношеній между эрмэчэнномъ и его ымтумһынъами.

²⁾ Игра словъ, основанная на различныхъ значеніяхъ слова эрмэчэн. См. выше прим. 6 стр. 353.

³⁾ ⁴⁾ ⁵⁾ ⁶⁾ ⁷⁾ ⁸⁾ ⁹⁾ ¹⁰⁾ ¹¹⁾ ¹²⁾ ¹³⁾ ¹⁴⁾ ¹⁵⁾ ¹⁶⁾ ¹⁷⁾ ¹⁸⁾ ¹⁹⁾ ²⁰⁾ ²¹⁾ ²²⁾ ²³⁾ ²⁴⁾ ²⁵⁾ ²⁶⁾ ²⁷⁾ ²⁸⁾ ²⁹⁾ ³⁰⁾ ³¹⁾ ³²⁾ ³³⁾ ³⁴⁾ ³⁵⁾ ³⁶⁾ ³⁷⁾ ³⁸⁾ ³⁹⁾ ⁴⁰⁾ ⁴¹⁾ ⁴²⁾ ⁴³⁾ ⁴⁴⁾ ⁴⁵⁾ ⁴⁶⁾ ⁴⁷⁾ ⁴⁸⁾ ⁴⁹⁾ ⁵⁰⁾ ⁵¹⁾ ⁵²⁾ ⁵³⁾ ⁵⁴⁾ ⁵⁵⁾ ⁵⁶⁾ ⁵⁷⁾ ⁵⁸⁾ ⁵⁹⁾ ⁶⁰⁾ ⁶¹⁾ ⁶²⁾ ⁶³⁾ ⁶⁴⁾ ⁶⁵⁾ ⁶⁶⁾ ⁶⁷⁾ ⁶⁸⁾ ⁶⁹⁾ ⁷⁰⁾ ⁷¹⁾ ⁷²⁾ ⁷³⁾ ⁷⁴⁾ ⁷⁵⁾ ⁷⁶⁾ ⁷⁷⁾ ⁷⁸⁾ ⁷⁹⁾ ⁸⁰⁾ ⁸¹⁾ ⁸²⁾ ⁸³⁾ ⁸⁴⁾ ⁸⁵⁾ ⁸⁶⁾ ⁸⁷⁾ ⁸⁸⁾ ⁸⁹⁾ ⁹⁰⁾ ⁹¹⁾ ⁹²⁾ ⁹³⁾ ⁹⁴⁾ ⁹⁵⁾ ⁹⁶⁾ ⁹⁷⁾ ⁹⁸⁾ ⁹⁹⁾ ¹⁰⁰⁾ ¹⁰¹⁾ ¹⁰²⁾ ¹⁰³⁾ ¹⁰⁴⁾ ¹⁰⁵⁾ ¹⁰⁶⁾ ¹⁰⁷⁾ ¹⁰⁸⁾ ¹⁰⁹⁾ ¹¹⁰⁾ ¹¹¹⁾ ¹¹²⁾ ¹¹³⁾ ¹¹⁴⁾ ¹¹⁵⁾ ¹¹⁶⁾ ¹¹⁷⁾ ¹¹⁸⁾ ¹¹⁹⁾ ¹²⁰⁾ ¹²¹⁾ ¹²²⁾ ¹²³⁾ ¹²⁴⁾ ¹²⁵⁾ ¹²⁶⁾ ¹²⁷⁾ ¹²⁸⁾ ¹²⁹⁾ ¹³⁰⁾ ¹³¹⁾ ¹³²⁾ ¹³³⁾ ¹³⁴⁾ ¹³⁵⁾ ¹³⁶⁾ ¹³⁷⁾ ¹³⁸⁾ ¹³⁹⁾ ¹⁴⁰⁾ ¹⁴¹⁾ ¹⁴²⁾ ¹⁴³⁾ ¹⁴⁴⁾ ¹⁴⁵⁾ ¹⁴⁶⁾ ¹⁴⁷⁾ ¹⁴⁸⁾ ¹⁴⁹⁾ ¹⁵⁰⁾ ¹⁵¹⁾ ¹⁵²⁾ ¹⁵³⁾ ¹⁵⁴⁾ ¹⁵⁵⁾ ¹⁵⁶⁾ ¹⁵⁷⁾ ¹⁵⁸⁾ ¹⁵⁹⁾ ¹⁶⁰⁾ ¹⁶¹⁾ ¹⁶²⁾ ¹⁶³⁾ ¹⁶⁴⁾ ¹⁶⁵⁾ ¹⁶⁶⁾ ¹⁶⁷⁾ ¹⁶⁸⁾ ¹⁶⁹⁾ ¹⁷⁰⁾ ¹⁷¹⁾ ¹⁷²⁾ ¹⁷³⁾ ¹⁷⁴⁾ ¹⁷⁵⁾ ¹⁷⁶⁾ ¹⁷⁷⁾ ¹⁷⁸⁾ ¹⁷⁹⁾ ¹⁸⁰⁾ ¹⁸¹⁾ ¹⁸²⁾ ¹⁸³⁾ ¹⁸⁴⁾ ¹⁸⁵⁾ ¹⁸⁶⁾ ¹⁸⁷⁾ ¹⁸⁸⁾ ¹⁸⁹⁾ ¹⁹⁰⁾ ¹⁹¹⁾ ¹⁹²⁾ ¹⁹³⁾ ¹⁹⁴⁾ ¹⁹⁵⁾ ¹⁹⁶⁾ ¹⁹⁷⁾ ¹⁹⁸⁾ ¹⁹⁹⁾ ²⁰⁰⁾ ²⁰¹⁾ ²⁰²⁾ ²⁰³⁾ ²⁰⁴⁾ ²⁰⁵⁾ ²⁰⁶⁾ ²⁰⁷⁾ ²⁰⁸⁾ ²⁰⁹⁾ ²¹⁰⁾ ²¹¹⁾ ²¹²⁾ ²¹³⁾ ²¹⁴⁾ ²¹⁵⁾ ²¹⁶⁾ ²¹⁷⁾ ²¹⁸⁾ ²¹⁹⁾ ²²⁰⁾ ²²¹⁾ ²²²⁾ ²²³⁾ ²²⁴⁾ ²²⁵⁾ ²²⁶⁾ ²²⁷⁾ ²²⁸⁾ ²²⁹⁾ ²³⁰⁾ ²³¹⁾ ²³²⁾ ²³³⁾ ²³⁴⁾ ²³⁵⁾ ²³⁶⁾ ²³⁷⁾ ²³⁸⁾ ²³⁹⁾ ²⁴⁰⁾ ²⁴¹⁾ ²⁴²⁾ ²⁴³⁾ ²⁴⁴⁾ ²⁴⁵⁾ ²⁴⁶⁾ ²⁴⁷⁾ ²⁴⁸⁾ ²⁴⁹⁾ ²⁵⁰⁾ ²⁵¹⁾ ²⁵²⁾ ²⁵³⁾ ²⁵⁴⁾ ²⁵⁵⁾ ²⁵⁶⁾ ²⁵⁷⁾ ²⁵⁸⁾ ²⁵⁹⁾ ²⁶⁰⁾ ²⁶¹⁾ ²⁶²⁾ ²⁶³⁾ ²⁶⁴⁾ ²⁶⁵⁾ ²⁶⁶⁾ ²⁶⁷⁾ ²⁶⁸⁾ ²⁶⁹⁾ ²⁷⁰⁾ ²⁷¹⁾ ²⁷²⁾ ²⁷³⁾ ²⁷⁴⁾ ²⁷⁵⁾ ²⁷⁶⁾ ²⁷⁷⁾ ²⁷⁸⁾ ²⁷⁹⁾ ²⁸⁰⁾ ²⁸¹⁾ ²⁸²⁾ ²⁸³⁾ ²⁸⁴⁾ ²⁸⁵⁾ ²⁸⁶⁾ ²⁸⁷⁾ ²⁸⁸⁾ ²⁸⁹⁾ ²⁹⁰⁾ ²⁹¹⁾ ²⁹²⁾ ²⁹³⁾ ²⁹⁴⁾ ²⁹⁵⁾ ²⁹⁶⁾ ²⁹⁷⁾ ²⁹⁸⁾ ²⁹⁹⁾ ³⁰⁰⁾ ³⁰¹⁾ ³⁰²⁾ ³⁰³⁾ ³⁰⁴⁾ ³⁰⁵⁾ ³⁰⁶⁾ ³⁰⁷⁾ ³⁰⁸⁾ ³⁰⁹⁾ ³¹⁰⁾ ³¹¹⁾ ³¹²⁾ ³¹³⁾ ³¹⁴⁾ ³¹⁵⁾ ³¹⁶⁾ ³¹⁷⁾ ³¹⁸⁾ ³¹⁹⁾ ³²⁰⁾ ³²¹⁾ ³²²⁾ ³²³⁾ ³²⁴⁾ ³²⁵⁾ ³²⁶⁾ ³²⁷⁾ ³²⁸⁾ ³²⁹⁾ ³³⁰⁾ ³³¹⁾ ³³²⁾ ³³³⁾ ³³⁴⁾ ³³⁵⁾ ³³⁶⁾ ³³⁷⁾ ³³⁸⁾ ³³⁹⁾ ³⁴⁰⁾ ³⁴¹⁾ ³⁴²⁾ ³⁴³⁾ ³⁴⁴⁾ ³⁴⁵⁾ ³⁴⁶⁾ ³⁴⁷⁾ ³⁴⁸⁾ ³⁴⁹⁾ ³⁵⁰⁾ ³⁵¹⁾ ³⁵²⁾ ³⁵³⁾ ³⁵⁴⁾ ³⁵⁵⁾ ³⁵⁶⁾ ³⁵⁷⁾ ³⁵⁸⁾ ³⁵⁹⁾ ³⁶⁰⁾ ³⁶¹⁾ ³⁶²⁾ ³⁶³⁾ ³⁶⁴⁾ ³⁶⁵⁾ ³⁶⁶⁾ ³⁶⁷⁾ ³⁶⁸⁾ ³⁶⁹⁾ ³⁷⁰⁾ ³⁷¹⁾ ³⁷²⁾ ³⁷³⁾ ³⁷⁴⁾ ³⁷⁵⁾ ³⁷⁶⁾ ³⁷⁷⁾ ³⁷⁸⁾ ³⁷⁹⁾ ³⁸⁰⁾ ³⁸¹⁾ ³⁸²⁾ ³⁸³⁾ ³⁸⁴⁾ ³⁸⁵⁾ ³⁸⁶⁾ ³⁸⁷⁾ ³⁸⁸⁾ ³⁸⁹⁾ ³⁹⁰⁾ ³⁹¹⁾ ³⁹²⁾ ³⁹³⁾ ³⁹⁴⁾ ³⁹⁵⁾ ³⁹⁶⁾ ³⁹⁷⁾ ³⁹⁸⁾ ³⁹⁹⁾ ⁴⁰⁰⁾ ⁴⁰¹⁾ ⁴⁰²⁾ ⁴⁰³⁾ ⁴⁰⁴⁾ ⁴⁰⁵⁾ ⁴⁰⁶⁾ ⁴⁰⁷⁾ ⁴⁰⁸⁾ ⁴⁰⁹⁾ ⁴¹⁰⁾ ⁴¹¹⁾ ⁴¹²⁾ ⁴¹³⁾ ⁴¹⁴⁾ ⁴¹⁵⁾ ⁴¹⁶⁾ ⁴¹⁷⁾ ⁴¹⁸⁾ ⁴¹⁹⁾ ⁴²⁰⁾ ⁴²¹⁾ ⁴²²⁾ ⁴²³⁾ ⁴²⁴⁾ ⁴²⁵⁾ ⁴²⁶⁾ ⁴²⁷⁾ ⁴²⁸⁾ ⁴²⁹⁾ ⁴³⁰⁾ ⁴³¹⁾ ⁴³²⁾ ⁴³³⁾ ⁴³⁴⁾ ⁴³⁵⁾ ⁴³⁶⁾ ⁴³⁷⁾ ⁴³⁸⁾ ⁴³⁹⁾ ⁴⁴⁰⁾ ⁴⁴¹⁾ ⁴⁴²⁾ ⁴⁴³⁾ ⁴⁴⁴⁾ ⁴⁴⁵⁾ ⁴⁴⁶⁾ ⁴⁴⁷⁾ ⁴⁴⁸⁾ ⁴⁴⁹⁾ ⁴⁵⁰⁾ ⁴⁵¹⁾ ⁴⁵²⁾ ⁴⁵³⁾ ⁴⁵⁴⁾ ⁴⁵⁵⁾ ⁴⁵⁶⁾ ⁴⁵⁷⁾ ⁴⁵⁸⁾ ⁴⁵⁹⁾ ⁴⁶⁰⁾ ⁴⁶¹⁾ ⁴⁶²⁾ ⁴⁶³⁾ ⁴⁶⁴⁾ ⁴⁶⁵⁾ ⁴⁶⁶⁾ ⁴⁶⁷⁾ ⁴⁶⁸⁾ ⁴⁶⁹⁾ ⁴⁷⁰⁾ ⁴⁷¹⁾ ⁴⁷²⁾ ⁴⁷³⁾ ⁴⁷⁴⁾ ⁴⁷⁵⁾ ⁴⁷⁶⁾ ⁴⁷⁷⁾ ⁴⁷⁸⁾ ⁴⁷⁹⁾ ⁴⁸⁰⁾ ⁴⁸¹⁾ ⁴⁸²⁾ ⁴⁸³⁾ ⁴⁸⁴⁾ ⁴⁸⁵⁾ ⁴⁸⁶⁾ ⁴⁸⁷⁾ ⁴⁸⁸⁾ ⁴⁸⁹⁾ ⁴⁹⁰⁾ ⁴⁹¹⁾ ⁴⁹²⁾ ⁴⁹³⁾ ⁴⁹⁴⁾ ⁴⁹⁵⁾ ⁴⁹⁶⁾ ⁴⁹⁷⁾ ⁴⁹⁸⁾ ⁴⁹⁹⁾ ⁵⁰⁰⁾ ⁵⁰¹⁾ ⁵⁰²⁾ ⁵⁰³⁾ ⁵⁰⁴⁾ ⁵⁰⁵⁾ ⁵⁰⁶⁾ ⁵⁰⁷⁾ ⁵⁰⁸⁾ ⁵⁰⁹⁾ ⁵¹⁰⁾ ⁵¹¹⁾ ⁵¹²⁾ ⁵¹³⁾ ⁵¹⁴⁾ ⁵¹⁵⁾ ⁵¹⁶⁾ ⁵¹⁷⁾ ⁵¹⁸⁾ ⁵¹⁹⁾ ⁵²⁰⁾ ⁵²¹⁾ ⁵²²⁾ ⁵²³⁾ ⁵²⁴⁾ ⁵²⁵⁾ ⁵²⁶⁾ ⁵²⁷⁾ ⁵²⁸⁾ ⁵²⁹⁾ ⁵³⁰⁾ ⁵³¹⁾ ⁵³²⁾ ⁵³³⁾ ⁵³⁴⁾ ⁵³⁵⁾ ⁵³⁶⁾ ⁵³⁷⁾ ⁵³⁸⁾ ⁵³⁹⁾ ⁵⁴⁰⁾ ⁵⁴¹⁾ ⁵⁴²⁾ ⁵⁴³⁾ ⁵⁴⁴⁾ ⁵⁴⁵⁾ ⁵⁴⁶⁾ ⁵⁴⁷⁾ ⁵⁴⁸⁾ ⁵⁴⁹⁾ ⁵⁵⁰⁾ ⁵⁵¹⁾ ⁵⁵²⁾ ⁵⁵³⁾ ⁵⁵⁴⁾ ⁵⁵⁵⁾ ⁵⁵⁶⁾ ⁵⁵⁷⁾ ⁵⁵⁸⁾ ⁵⁵⁹⁾ ⁵⁶⁰⁾ ⁵⁶¹⁾ ⁵⁶²⁾ ⁵⁶³⁾ ⁵⁶⁴⁾ ⁵⁶⁵⁾ ⁵⁶⁶⁾ ⁵⁶⁷⁾ ⁵⁶⁸⁾ ⁵⁶⁹⁾ ⁵⁷⁰⁾ ⁵⁷¹⁾ ⁵⁷²⁾ ⁵⁷³⁾ ⁵⁷⁴⁾ ⁵⁷⁵⁾ ⁵⁷⁶⁾ ⁵⁷⁷⁾ ⁵⁷⁸⁾ ⁵⁷⁹⁾ ⁵⁸⁰⁾ ⁵⁸¹⁾ ⁵⁸²⁾ ⁵⁸³⁾ ⁵⁸⁴⁾ ⁵⁸⁵⁾ ⁵⁸⁶⁾ ⁵⁸⁷⁾ ⁵⁸⁸⁾ ⁵⁸⁹⁾ ⁵⁹⁰⁾ ⁵⁹¹⁾ ⁵⁹²⁾ ⁵⁹³⁾ ⁵⁹⁴⁾ ⁵⁹⁵⁾ ⁵⁹⁶⁾ ⁵⁹⁷⁾ ⁵⁹⁸⁾ ⁵⁹⁹⁾ ⁶⁰⁰⁾ ⁶⁰¹⁾ ⁶⁰²⁾ ⁶⁰³⁾ ⁶⁰⁴⁾ ⁶⁰⁵⁾ ⁶⁰⁶⁾ ⁶⁰⁷⁾ ⁶⁰⁸⁾ ⁶⁰⁹⁾ ⁶¹⁰⁾ ⁶¹¹⁾ ⁶¹²⁾ ⁶¹³⁾ ⁶¹⁴⁾ ⁶¹⁵⁾ ⁶¹⁶⁾ ⁶¹⁷⁾ ⁶¹⁸⁾ ⁶¹⁹⁾ ⁶²⁰⁾ ⁶²¹⁾ ⁶²²⁾ ⁶²³⁾ ⁶²⁴⁾ ⁶²⁵⁾ ⁶²⁶⁾ ⁶²⁷⁾ ⁶²⁸⁾ ⁶²⁹⁾ ⁶³⁰⁾ ⁶³¹⁾ ⁶³²⁾ ⁶³³⁾ ⁶³⁴⁾ ⁶³⁵⁾ ⁶³⁶⁾ ⁶³⁷⁾ ⁶³⁸⁾ ⁶³⁹⁾ ⁶⁴⁰⁾ ⁶⁴¹⁾ ⁶⁴²⁾ ⁶⁴³⁾ ⁶⁴⁴⁾ ⁶⁴⁵⁾ ⁶⁴⁶⁾ ⁶⁴⁷⁾ ⁶⁴⁸⁾ ⁶⁴⁹⁾ ⁶⁵⁰⁾ ⁶⁵¹⁾ ⁶⁵²⁾ ⁶⁵³⁾ ⁶⁵⁴⁾ ⁶⁵⁵⁾ ⁶⁵⁶⁾ ⁶⁵⁷⁾ ⁶⁵⁸⁾ ⁶⁵⁹⁾ ⁶⁶⁰⁾ ⁶⁶¹⁾ ⁶⁶²⁾ ⁶⁶³⁾ ⁶⁶⁴⁾ ⁶⁶⁵⁾ ⁶⁶⁶⁾ ⁶⁶⁷⁾ ⁶⁶⁸⁾ ⁶⁶⁹⁾ ⁶⁷⁰⁾ ⁶⁷¹⁾ ⁶⁷²⁾ ⁶⁷³⁾ ⁶⁷⁴⁾ ⁶⁷⁵⁾ ⁶⁷⁶⁾ ⁶⁷⁷⁾ ⁶⁷⁸⁾ ⁶⁷⁹⁾ ⁶⁸⁰⁾ ⁶⁸¹⁾ ⁶⁸²⁾ ⁶⁸³⁾ ⁶⁸⁴⁾ ⁶⁸⁵⁾ ⁶⁸⁶⁾ ⁶⁸⁷⁾ ⁶⁸⁸⁾ ⁶⁸⁹⁾ ⁶⁹⁰⁾ ⁶⁹¹⁾ ⁶⁹²⁾ ⁶⁹³⁾ ⁶⁹⁴⁾ ⁶⁹⁵⁾ ⁶⁹⁶⁾ ⁶⁹⁷⁾ ⁶⁹⁸⁾ ⁶⁹⁹⁾ ⁷⁰⁰⁾ ⁷⁰¹⁾ ⁷⁰²⁾ ⁷⁰³⁾ ⁷⁰⁴⁾ ⁷⁰⁵⁾ ⁷⁰⁶⁾ ⁷⁰⁷⁾ ⁷⁰⁸⁾ ⁷⁰⁹⁾ ⁷¹⁰⁾ ⁷¹¹⁾ ⁷¹²⁾ ⁷¹³⁾ ⁷¹⁴⁾ ⁷¹⁵⁾ ⁷¹⁶⁾ ⁷¹⁷⁾ ⁷¹⁸⁾ ⁷¹⁹⁾ ⁷²⁰⁾ ⁷²¹⁾ ⁷²²⁾ ⁷²³⁾ ⁷²⁴⁾ ⁷²⁵⁾ ⁷²⁶⁾ ⁷²⁷⁾ ⁷²⁸⁾ ⁷²⁹⁾ ⁷³⁰⁾ ⁷³¹⁾ ⁷³²⁾ ⁷³³⁾ ⁷³⁴⁾ ⁷³⁵⁾ ⁷³⁶⁾ ⁷³⁷⁾ ⁷³⁸⁾ ⁷³⁹⁾ ⁷⁴⁰⁾ ⁷⁴¹⁾ ⁷⁴²⁾ ⁷⁴³⁾ ⁷⁴⁴⁾ ⁷⁴⁵⁾ ⁷⁴⁶⁾ ⁷⁴⁷⁾ ⁷⁴⁸⁾ ⁷⁴⁹⁾ ⁷⁵⁰⁾ ⁷⁵¹⁾ ⁷⁵²⁾ ⁷⁵³⁾ ⁷⁵⁴⁾ ⁷⁵⁵⁾ ⁷⁵⁶⁾ ⁷⁵⁷⁾ ⁷⁵⁸⁾ ⁷⁵⁹⁾ ⁷⁶⁰⁾ ⁷⁶¹⁾ ⁷⁶²⁾ ⁷⁶³⁾ ⁷⁶⁴⁾ ⁷⁶⁵⁾ ⁷⁶⁶⁾ ⁷⁶⁷⁾ ⁷⁶⁸⁾ ⁷⁶⁹⁾ ⁷⁷⁰⁾ ⁷⁷¹⁾ ⁷⁷²⁾ ⁷⁷³⁾ ⁷⁷⁴⁾ ⁷⁷⁵⁾ ⁷⁷⁶⁾ ⁷⁷⁷⁾ ⁷⁷⁸⁾ ⁷⁷⁹⁾ ⁷⁸⁰⁾ ⁷⁸¹⁾ ⁷⁸²⁾ ⁷⁸³⁾ ⁷⁸⁴⁾ ⁷⁸⁵⁾ ⁷⁸⁶⁾ ⁷⁸⁷⁾ ⁷⁸⁸⁾ ⁷⁸⁹⁾ ⁷⁹⁰⁾ ⁷⁹¹⁾ ⁷⁹²⁾ ⁷⁹³⁾ ⁷⁹⁴⁾ ⁷⁹⁵⁾ ⁷⁹⁶⁾ ⁷⁹⁷⁾ ⁷⁹⁸⁾ ⁷⁹⁹⁾ ⁸⁰⁰⁾ ⁸⁰¹⁾ ⁸⁰²⁾ ⁸⁰³⁾ ⁸⁰⁴⁾ ⁸⁰⁵⁾ ⁸⁰⁶⁾ ⁸⁰⁷⁾ ⁸⁰⁸⁾ ⁸⁰⁹⁾ ⁸¹⁰⁾ ⁸¹¹⁾ ⁸¹²⁾ ⁸¹³⁾ ⁸¹⁴⁾ ⁸¹⁵⁾ ⁸¹⁶⁾ ⁸¹⁷⁾ ⁸¹⁸⁾ ⁸¹⁹⁾ ⁸²⁰⁾ ⁸²¹⁾ ⁸²²⁾ ⁸²³⁾ ⁸²⁴⁾ ⁸²⁵⁾ ⁸²⁶⁾ ⁸²⁷⁾ ⁸²⁸⁾ ⁸²⁹⁾ ⁸³⁰⁾ ⁸³¹⁾ ⁸³²⁾ ⁸³³⁾ ⁸³⁴⁾ ⁸³⁵⁾ ⁸³⁶⁾ ⁸³⁷⁾ ⁸³⁸⁾ ⁸³⁹⁾ ⁸⁴⁰⁾ ⁸⁴¹⁾ ⁸⁴²⁾ ⁸⁴³⁾ ⁸⁴⁴⁾ ⁸⁴⁵⁾ ⁸⁴⁶⁾ ⁸⁴⁷⁾ ⁸⁴⁸⁾ ⁸⁴⁹⁾ ⁸⁵⁰⁾ ⁸⁵¹⁾ ⁸⁵²⁾ ⁸⁵³⁾ ⁸⁵⁴⁾ ⁸⁵⁵⁾ ⁸⁵⁶⁾ ⁸⁵⁷⁾ ⁸⁵⁸⁾ ⁸⁵⁹⁾ ⁸⁶⁰⁾ ⁸⁶¹⁾ ⁸⁶²⁾ ⁸⁶³⁾ ⁸⁶⁴⁾ ⁸⁶⁵⁾ ⁸⁶⁶⁾ ⁸⁶⁷⁾ ⁸⁶⁸⁾ ⁸⁶⁹⁾ ⁸⁷⁰⁾ ⁸⁷¹⁾ ⁸⁷²⁾ ⁸⁷³⁾ ⁸⁷⁴⁾ ⁸⁷⁵⁾ ⁸⁷⁶⁾ ⁸⁷⁷⁾ ⁸⁷⁸⁾ ⁸⁷⁹⁾ ⁸⁸⁰⁾ ⁸⁸¹⁾ ⁸⁸²⁾ ⁸⁸³⁾ ⁸⁸⁴⁾ ⁸⁸⁵⁾ ⁸⁸⁶⁾ ⁸⁸⁷⁾ ⁸⁸⁸⁾ ⁸⁸⁹⁾ ⁸⁹⁰⁾ ⁸⁹¹⁾ ⁸⁹²⁾ ⁸⁹³⁾ ⁸⁹⁴⁾ ⁸⁹⁵⁾ ⁸⁹⁶⁾ ⁸⁹⁷⁾ ⁸⁹⁸⁾ ⁸⁹⁹⁾ ⁹⁰⁰⁾ ⁹⁰¹⁾ ⁹⁰²⁾ ⁹⁰³⁾ ⁹⁰⁴⁾ ⁹⁰⁵⁾ ⁹⁰⁶⁾ ⁹⁰⁷⁾ ⁹⁰⁸⁾ ⁹⁰⁹⁾ ⁹¹⁰⁾ ⁹¹¹⁾ ⁹¹²⁾ ⁹¹³⁾ ⁹¹⁴⁾ ⁹¹⁵⁾ ⁹¹⁶⁾ ⁹¹⁷⁾ ⁹¹⁸⁾ ⁹¹⁹⁾ ⁹²⁰⁾ ⁹²¹⁾ ⁹²²⁾ ⁹²³⁾ ⁹²⁴⁾ ⁹²⁵⁾ ⁹²⁶⁾ ⁹²⁷⁾ ⁹²⁸⁾ ⁹²⁹⁾ ⁹³⁰⁾ ⁹³¹⁾ ⁹³²⁾ ⁹³³⁾ ⁹³⁴⁾ ⁹³⁵⁾ ⁹³⁶⁾ ⁹³⁷⁾ ⁹³⁸⁾ ⁹³⁹⁾ ⁹⁴⁰⁾ ⁹⁴¹⁾ ⁹⁴²⁾ ⁹⁴³⁾ ⁹⁴⁴⁾ ⁹⁴⁵⁾ ⁹⁴⁶⁾ ⁹⁴⁷⁾ ⁹⁴⁸⁾ ⁹⁴⁹⁾ ⁹⁵⁰⁾ ⁹⁵¹⁾ ⁹⁵²⁾ ⁹⁵³⁾ ⁹⁵⁴⁾ ⁹⁵⁵⁾ ⁹⁵⁶⁾ ⁹⁵⁷⁾ ⁹⁵⁸⁾ ⁹⁵⁹⁾ ⁹⁶⁰⁾ ⁹⁶¹⁾ ⁹⁶²⁾ ⁹⁶³⁾ ⁹⁶⁴⁾ ⁹⁶⁵⁾ ⁹⁶⁶⁾ ⁹⁶⁷⁾ ⁹⁶⁸⁾ ⁹⁶⁹⁾ ⁹⁷⁰⁾ ⁹⁷¹⁾ ⁹⁷²⁾ ⁹⁷³⁾ ⁹⁷⁴⁾ ⁹⁷⁵⁾ ⁹⁷⁶⁾ ⁹⁷⁷⁾ ⁹⁷⁸⁾ ⁹⁷⁹⁾ ⁹⁸⁰⁾ ⁹⁸¹⁾ ⁹⁸²⁾ ⁹⁸³⁾ ⁹⁸⁴⁾ ⁹⁸⁵⁾ ⁹⁸⁶⁾ ⁹⁸⁷⁾ ⁹⁸⁸⁾ ⁹⁸⁹⁾ ⁹⁹⁰⁾ ⁹⁹¹⁾ ⁹⁹²⁾ ⁹⁹³⁾ ⁹⁹⁴⁾ ⁹⁹⁵⁾ ⁹⁹⁶⁾ ⁹⁹⁷⁾ ⁹⁹⁸⁾ ⁹⁹⁹⁾ ¹⁰⁰⁰⁾

⁹⁾ По правиламъ чукотской борьбы, борцы по очереди бросаются другъ на друга, причемъ другой противникъ играетъ пассивную роль.

нуль у него изъ рукъ, какъ рыба. Весьма скользко, схватить его нельзя! Вокругъ стоятъ сосѣди съ женами и смотрятъ на бой. Наконецъ схватилъ морской оленяго и швырнулъ его на отьмашь. Тотъ пролетѣлъ по воздуху и падая, сталъ на ноги. «Имъч!» ¹⁾ погнался, бросающъ на него, пнулъ его ногой. Эленда подскочилъ кверху, увернулся отъ удара; Айванъ покотился, отлетѣлъ далеко, какъ мячъ. — «О, не могу я!» говоритъ — «Теперь ты! Попробуй схватить меня!» Всталъ Айванъ на мѣстѣ. Чукотскій витязь схватилъ его. Хочетъ его сдвинуть съ мѣста, тотъ неподвиженъ, какъ дерево. Наконецъ схватилъ его за руку, дернулъ полной силой, пошатнулся Айванъ. Еще разъ дернулъ, обкружилъ его вокругъ себя, поволокъ за собой, сталъ волочить вокругъ да вокругъ, закружилъ совсѣмъ, тогда пнулъ ногой, тотъ покотился въ сторону. Еще катющагося догналъ и снова пнулъ. Отлетѣлъ еще дальше, какъ мячъ. Снова догналъ и придавилъ къ землѣ. Бьется, барахтается Айванъ, силится высвободиться, не можетъ. Сильно придавилъ его. Усталъ, утомился Айванъ, пересталъ биться. Говоритъ Эленда сидящимъ на землѣ между смотрящими:—«Вонъ, вонъ, это дерево подайте!» — «Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не давайте! Къ чему? Что хочеть дѣлать? Встань, встань! Пусты, пусты!» — «Ну, ну, подайте! Отчего ты одинъ привыкъ повелѣвать?» Развѣ не подадутъ сосѣди, если всѣ обижены Айваномъ? Смотрятъ всѣ, закусивъ губу, радуются, говорятъ: «вотъ такъ диво!» Подали ему толстую дубину. Ударилъ его дубиной по рукѣ, разъ, другой, не можетъ изломать кости, такъ крѣпка. Тогда всего избилъ дубиной по мягкимъ мѣстамъ. Гдѣ только было мясо, все истолокъ. Окончивъ битье, говоритъ: «Ра й, ра й!» ²⁾ Гдѣ его платье? Принесите!» Принесли одежду, онъ его обернулъ одеждой. — «Самый плотный ремень изъ хранящихся въ жилищѣ принесите». Принесли новый моржовый ремень, толстый и плотный. — «Теперь подайте вонъ ту жердь!» Принесли толстую жердь. Привязалъ Айвана къ жерди ремнемъ, обвязалъ всего. Концы жерди обрубилъ. Пока онъ еще вяжетъ, старшая жена Айвана выскочила изъ шатра, кинулась на него съ крикомъ. Ударилъ ее дубиной по головѣ, убилъ передъ глазами мужа: «Почему ты тайно отъ мужа не кормила сосѣдей? Почему украдкой не давала людшкамъ ѣду?» ³⁾ Окончивъ связываніе, говоритъ сосѣдямъ:—«Ну, у кого есть обиды!...» Всѣ встали, стали подходить, каждый его пинаетъ ногой, ибо у всѣхъ гнѣвъ (даже у мыши есть гнѣвъ!). Тогда говоритъ Эленда.—«Га-га-га, помогайте снаряжаться. Вотъ, это жилище возьмите себѣ, все богатство—ваше! Но прежде заказанное принесите сюда!» Принесли по двадцати отъ ремней и отъ кожъ. Всѣ двадцать лахтаковъ взвалили на плечи, понесъ къ нартамъ, другіе люди понесли ремни. Пришли. Нарту съ рѣшетчатой грядкой нагрузили лахтаками. Сверху положили ремни. Потомъ положили въ полустоячемъ положеніи Айвана Эрмэчэна, привязаннаго къ дереву, увязали его ремнями. Кто только помогаетъ привязывать, такъ и хлещетъ его по лицу. Онъ молчитъ. Снарядились и отправились. Ночью прискакали на закраину льда, тутъ ночевали. Утромъ Эленда, разогнавъ оленей, перескочилъ черезъ открытое море. Поѣхали дальше. По дорогѣ кормятъ и поятъ его изъ собственныхъ рукъ. Онъ непрерывно вопить: «Жажду!» Иногда напоить водой изъ лужицы на льду, иногда и нѣтъ. Прискакали домой, вышли на берегъ, развязали Айвана. Ходить шатаясь, почти падаетъ. На утро говоритъ хозяинъ: «Ну теперь иди къ оленямъ!» Волею неволею пошелъ къ оленямъ. Бѣгаетъ стадо взадъ впередъ. Айванъ совершенно неподвиженъ, пребываетъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ коварное время пасется плохо стадо, сидитъ постоянно въ водѣ, совершенно изсохло ⁴⁾. При стадѣ мальчики, дѣти

¹⁾ Между мѣтѣ изумленія.

²⁾ Тамъ, тамъ!

³⁾ Если Эрмэчэнь скупо и худо кормитъ своихъ работниковъ или сосѣдей, на жену его падаетъ, такъ сказать, нравственная обязанность тайно снабжать пищей полуголодныхъ паслукховъ и промышленниковъ. Большая часть хозяекъ неукоснительно соблюдаетъ этотъ долгъ.

⁴⁾ Въ лѣтнее время требуется большая бдительность и усердіе при наблюденіи за стадомъ для того чтобы оно паслось, какъ слѣдуетъ, подъ вѣчнымъ преслѣдованіемъ легіона крылатыхъ враговъ. Предоставленное самому себѣ стадо, то забирается въ воду,

хозяина, ихъ непрерывно колотить. Говорить имъ. — «Принесите котель изъ дома, приносите котомки для лѣга, будемъ убивать на ѣду! Пошли мальчики домой за котломъ и котомками¹⁾. Говорятъ: «Мы унесемъ котель, будемъ убивать на ѣду!» — «Хорошо, говоритъ отецъ — вотъ обрывокъ рэттема²⁾! Унесите и его!» Пришли къ стаду, сдѣлали изъ рэттема шалашъ. Айванъ непрерывно спитъ въ шалашѣ, стадо не пасеть, пастушковъ постоянно колотить. Пробудился, пришелъ къ оленямъ. — «Погонимъ стадо къ шалашу! Убьемъ оленей на ѣду-у-у!» Убили теленка и молодую воженку. — «Отнесите домашниихъ одну тушу! Тухлое мясо вѣрно имъ надоѣло-о-о!» Старшій увезъ телячью тушу. Отецъ сидитъ у входа въ шатеръ, мастерить что то. — «Ка ка! говорятъ — вы убивали оленей?.. Ну ка, скорѣе разбейте тушу! Повѣдимъ свѣжаго!»

Во время ѣды отецъ не можетъ встать. Мясо теленка слишкомъ сухое. — Что за мясо? говорятъ. — Олени значить не жирѣютъ! — Какъ же будутъ жирѣть? отвѣчаетъ сыннишка. — Айванъ Эрмэченъ очень злонаравенъ. Зачѣмъ только привезли такого? За стадомъ не смотритъ, насъ постоянно бьетъ, всегда спитъ въ шалашѣ. Отецъ говоритъ «Завтра вмѣстѣ пойду къ оленямъ!» Отрѣзалъ кусокъ ремня отъ недавнихъ связей Айвана; вмѣсто ручки привязалъ кусокъ палки, толстый кнутъ спряталъ за пазуху. Ушли въ стадо вмѣстѣ съ сыномъ. Такъ и держатъ руки за пазухой. Пришли, заглянули въ шалашъ. По прежнему спитъ Айванъ, совершенно нагой. Говоритъ сыну: — «Стой, стой! Потихе!» Прокрался въ шалашъ безъ шума, схватилъ за руку, выволокъ на дворъ. Тотъ не бьется, не противится, повѣсилъ голову, словно мертвый. Сталъ его колотить нагого кнутомъ, онъ даже не крикнулъ ни разу. — «Зачѣмъ за оленями не смотришь ты? Зачѣмъ лѣнишься?» Пока колотилъ, пригнали стадо. Швырнулъ въ сторону, говоритъ сыну: «Пойдемъ въ стадо! Ходятъ по стаду — «ху! Слишкомъ сухи олени! что за диво³⁾ этотъ Айванъ!» Айванъ всталъ, вошелъ въ шалашъ. Говорятъ Эленди дѣтямъ: «Если по прежнему будетъ Айванъ Эрмэченъ поступать, извѣстите меня!» Только скрылся хозяинъ, Айванъ вышелъ изъ шалаша, пошелъ къ стаду. Пуше прежняго колотить ребятъ, смотрѣть за стадомъ не хочетъ. Вновь говоритъ пастушкамъ: «Давно протухло мясо дома; нужно убить оленей, отнести домой на ѣду!» Снова убили воженку и теленка. Снова старшій мальчикъ понесъ домой телячью тушу. Сновъ во время ѣды говоритъ Эленди: «ху! Что за диво Айванъ! Ну какъ онъ теперь?» — По прежнему! говоритъ сынъ — прежняго еще хуже. — «Завтра опять пойду съ вами къ оленямъ!» Предъ уходомъ вытаскивалъ изъ мѣшка желѣзную веревку⁴⁾ съ толстой ручкой. Опять Айванъ спитъ въ шалашѣ, по прежнему совершенно нагой. Одинокого пастушка

то перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто, взбирается на самыя высшія горы, совершенно забывая о пастбищѣ. Искусство пастуха состоитъ въ томъ, чтобы въ время перегона стада на мѣста, сравнительно свободныя отъ комаровъ и оводовъ и потомъ, пользуясь появленіемъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, возвращаться на болѣе тучныя пастбища.

¹⁾ Чукотскіе пастухи въ лѣтнее время ходятъ вслѣдъ за стадомъ, нося на собственныхъ плечахъ все необходимое, отъ запасной обуви до котла. Предъ уходомъ стада на лѣтнія пастбища, на недвижномъ лѣтнемъ стойбищѣ убиваютъ нѣсколько оленей про запасъ остающимся тамъ старикамъ, женщинамъ и дѣтямъ. Плохо сохраняемое, это мясо очень скоро протухаетъ и наконецъ просто начинаетъ гнить. Поэтому время отъ времени пастухи убиваютъ въ стадѣ одного или двухъ оленей поменьше и уносятъ убитое животное домой на собственной спинѣ иногда за нѣсколько десятковъ верстъ.

²⁾ Рэттемъ — оболочка наружнаго шагра изъ гладко остриженной и сильно промѣненной оленьей шкуры. Большая часть шерсти совсѣмъ выпадаетъ. Поэтому обрывокъ рэттема, достаточный для небольшого шалаша все-таки можно таскать на плечахъ, хотя онъ несравненно тяжелѣ русскаго портяного полога.

³⁾ См. выше прим. 1 стр. 352.

⁴⁾ Цѣпи. Тонкія желѣзныя цѣпи, употребляюся русскими для привязыванія собакъ, имѣющихъ привычку отъѣдаться отъ ременной привязи. Отъ русскихъ такія цѣпи перешли и къ чукчамъ.

стадо совсѣмъ покидаетъ, убѣгая отъ комаровъ. Схватилъ за руку, выволокъ на дворъ. на дворѣ сталъ драть его желѣзной веревкой. Тотъ молчить, только плечами передергивается, все тѣло опухло и вздулось. «Почему за стадомъ не смотришь. Хозяйскихъ сыновою колотишь? Почему величаешься, за оленями не ходишь?»... Отшвырнулъ его въ сторону, говоритъ сыну: «Пойдемъ къ оленямъ!» Какъ только покинули Айвана, онъ вошелъ въ шалашъ. Походивъ немного по стаду, Элѣнди говоритъ:—«Пойду домой! по прежнему станеть жить, извѣстите меня снова! Если же исправится, станеть рачительнѣе къ оленямъ, пусть при первомъ случаѣ онъ придетъ домой, (а не вы)!» Какъ только скрылся Элѣнди, вышелъ Айванъ изъ шалаша; идетъ болтая опущеннымъ рукавомъ кукашки ¹⁾, идетъ къ оленьему стаду. Дошелъ. Мальчики боятся, чтобы снова не побилъ, но что за диво! Айванъ потерялъ свой прежній голосъ.—Пришелъ?—«Да!» ²⁾. — «Вотъ! Говорить совсѣмъ инымъ кроткимъ голосомъ. — Мясa не стало: убьемъ оленя. Отвѣряете табунъ ³⁾ туда къ устью рѣчки! Я принесу когомки!» Поташилъ котомки на плечахъ. Табунъ быстро идетъ, а онъ пришелъ еще скорѣе. Убили. Говорить ребятамъ: Ну вы спите!» Упали, умерли! Разбилъ тушу на части, сталъ варить ѣду, вынулъ готовое мясо, выложилъ на корыто, тогда разбудилъ дѣтей.—«Теперь ѣшьте!» Поѣвши, дѣти стали обуваться. «Нѣтъ, нѣтъ!» говорить—вы спите! Я опять пойду къ оленямъ!» Проснулись ребята, сидятъ въ шалашѣ, поютъ. Такъ и не даетъ имъ ходить въ стадо. Только поѣсть, сейчасъ же убѣгаетъ самъ, такой сталъ рачительный. Табунъ съ каждымъ днемъ началъ жирѣть. Сдѣлался истинно усерденъ и искусенъ въ уходѣ за оленями.

Снова убили оленей. Телята покрыты слоемъ жира, обруглились, какъ свѣча. Убили одну матку безъ теленка и одного пыжика ⁴⁾. Говорятъ! «Ты иди домой!» «Нѣтъ, лучше вы!» «Нѣтъ, нѣтъ, ты ступай домой!» Понесъ телячью тушу на плечахъ. Пришелъ домой. Элѣнди работаетъ у входа въ шатеръ!—«Кака! пришелъ?...» — «И!» —«Поскорѣ положи стельки въ сухую обувь.—кричитъ жевѣ.—Пришелъ! пусть перебудется!» Развязали обувь. Телячья туша вся бѣлѣетъ, жиромъ. У хозяина стало весело на душѣ, хорошо поѣли, По окончаніи ѣды уже переобувается, хочетъ уходить.—«Ты куда?» «Въ стадо!» «Нѣтъ, нѣтъ, ночуй! Пусть его! Васъ вѣдъ трое!»—«Вышколилъ таки его!» думаетъ про себя. Проснулись утромъ, уже его нѣтъ. Ушелъ въ стадо. Настало время принести домой котлы, началась голая убивка ⁵⁾, Айванъ по прежнему запрещаетъ дѣтямъ, самъ ходитъ за оленями: ожирѣли, спины стали, какъ доски. Выки!.. Пока стадо на берегу моря, тайно дѣлаетъ челнокъ. Вернулись домой, а онъ плыветъ на челнокѣ. — «Что за диво? ты на челнокѣ ⁶⁾?!»... — «И!» Обрадовался

¹⁾ Весьма обыкновенная чукотская поза, причѣмъ рука, выпростанная изъ рукава прижата къ груди подъ кукашкой (кукашка—мѣховая рубашка). Поза эта выражаетъ небрежность, лѣнь, состояніе отдыха, также нервнѣтельность и смущеніе.

²⁾ Голосъ Айвана здѣсь изображается тонкимъ и благозвучнымъ, почти подобнымъ голосу его юныхъ товарищей.

³⁾ Мѣстное русское нарѣчіе говоритъ: оленій табунъ, конскій косякъ, коровье стадо.

⁴⁾ Пыжикъ—оленій теленокъ подросточекъ. Лѣтомъ убиваютъ обыкновенно или пыжиковъ, или молодыхъ важенокъ, потерявшихъ теленка.

⁵⁾ У чукчанъ и аляутиновъ на мѣстномъ русскомъ нарѣчій голая убивка (буквальный переводъ). Производится въ началѣ августа, когда стадо въ первый разъ пригоняется на лѣтнее стойбище. Голая убивка сопровождается разнообразными жертвоприношеніями и обрядами. Имя свое этотъ праздникъ получилъ отъ неполношерстныхъ шкурокъ пыжиковъ, которые убиваются въ это время десятками и назначаются для разнаго рода одежды.

⁶⁾ Искусство дѣлать деревянные челноки совершенно незнакомо оленнымъ чукчамъ. Потому при переправахъ даже черезъ незначительныя рѣчки они безпомощны. Ближайшіе къ русскимъ порѣчанамъ покупаютъ у нихъ старые каюки (каюкъ или стружокъ—долбленный челнокъ изъ осинового пня).

хозяинъ.—«Вотъ по крайней мѣрѣ переправляться черезъ рѣки хорошо». Пригнали домог стадо. Тотъ говоритъ—«На морѣ видѣлъ островъ. Длинный, узкій. Какъ много дикихъ оленей!»—«Нука, нука! Завтра посмотримъ!» Надѣлъ Эленди одежду изъ выпороточныхъ ¹⁾ шкурокъ, закинулъ лукъ на плечи. Съѣли двое на челнокъ. Айванъ Эрмэчэпъ гребетъ,—отвѣзжаютъ по водѣ. Дѣйствиельно—присгали къ острову. Пошли вѣстгъ. Потомъ говорить Айванъ:—«Я пойду въ эту сторону: увижу; погоню тебѣ на встрѣчу!»—«Согласенъ!» Ушли въ разные стороны. Вдругъ видитъ Эленди: бѣжитъ Айванъ къ челноку, бѣжитъ со всей быстротой. Видитъ Эленди, какъ достигаетъ челнока, зоветъ его; не слышитъ, не слушаетъ, гребетъ изо всѣхъ силъ. Выстрѣлитъ изъ лука далеко. Остался Эленди на островѣ. Вернулся Айванъ на матерую землю, вошелъ въ шатеръ.—«Гдѣ же товарищъ?»—«Незину! Я въ челнокъ легъ спать. Гдѣ же онъ? Онъ впередъ ушелъ! Гдѣ же онъ! Должно быть ушелъ въ стадо!»... Нѣтъ и въ стадѣ. Залегъ Айванъ въ пологу, ибо теперь дѣйствиельно Эрмэчэпъ, всѣхъ сильнѣе. Даже испражняется въ пологу, не выходятъ наружу ²⁾. Снова раздался его прежній голосище. Тогда появились жены. Думаютъ: вѣроятно убилъ. Съ зарею пришли пастухи. Уходящимъ обратно въ стадо говорятъ: «Завтра принесите мнѣ только что выльнявшаго телячка! Отъ тухлаго мяса калъ худо пахнетъ. Стану питаться только язычками-и-и!». Боятся молодые пастухи. «Убѣгъ» думаютъ. Принесли ему неполношерстнаго телячка: Жены его не хотятъ принять, въ пологъ не входятъ, на морскомъ берегу плача неизмѣнно сидятъ. Дѣти въ стадѣ плачутъ объ отцѣ. Каждое утро приносятъ по телячку. Каждое утро, принося телячка, говорятъ между собой:—«Ахъ, вѣдь изобьетъ! Чтоже сдѣлаешь? Или быгъ можетъ и нѣтъ! Можетъ быть, хоть немножко выросли!»

Тамъ на островѣ совсѣмъ изсохъ Эленди съ голода, ослабѣлъ, собрался умирать. Взмолился старому Ворону ³⁾. Навѣстилъ его Воронъ.—«Ого! говорить—что съ тобой?»—«Сюда меня забросилъ Айванъ Эрмэчэпъ!...» — «Хороши же у тебя рабы! Зачѣмъ бралъ такого? Смотрите! онъ сохнетъ! Ну, ну, подожди немного меня! Я позову товарищей!» Собрались птицы со всѣхъ сторонъ, лебеди, гагары, чайки. Летятъ мимо острова долгой вершней подъ предводительствомъ ворона. Подхватили Эленди на крылья, повесили черезъ море, полжили на берегу вблизи жилища.—«Разлетайтесь теперь, говорить, чтобы мой народъ васъ не перебилъ, улетайте на чужія земли!» Не можетъ ходить, ползетъ на четверенькахъ къ шатру, легъ сзади украдкой, спрятался подъ пологу. Внезапно увидѣла его вторая жена. Тайно заплакала вторая жена. Говорить. — «Не плачь! Лучше вари ѣду, приготовь закусу, да теплую воду приготовь! Я выпью». Привела первую жену, тайно извѣстила ее. Какъ и первая, она плачетъ. — «hук! Какъ же ты перешелъ?»—«Птицы перенесли меня!»—«По истинѣ много друзей у тебя!» Принесла вторая жена кусочекъ мяса и теплой воды. Съѣлъ кусочекъ величиной съ палець, выпилъ глотокъ. Желудокъ у него совершенно сморщился отъ голода». До вечера трижды закусывалъ и выпилъ три глотка воды, каждый разъ не больше ложки. Потомъ заснулъ. Съ утра много ѣлъ и каждый разъ пилъ теплую воду. Говорить женамъ.—«Теперь ободритесь! Я опять ожилъ, теперь ужъ васъ не покину!... Дѣтей при стадѣ не извѣщайте! Пусть будутъ по прежнему!...» Какъ разъ пришли дѣти изъ стада. Айванъ опять заговорилъ грозно. Говоритъ имъ при уходѣ: «Принесите мнѣ телячка-а-а!.. Худо пахнетъ калъ отъ тухлага мяса-а-а!...» Эленди слушаетъ изъ за пола шатра, закусилъ руку отъ гнѣва, оставилъ на ней кровавый слѣдъ. Услышавъ голоса сыновей, прослезился въ тайникѣ.

Каждую ночь выходитъ и сталъ онъ поправляться силами. По берегу моря бѣгаетъ, старается прежнее приобрести. Вытащилъ корягу изъ песка, въ другую руку другую

¹⁾ Выпоротокъ, шкурка теленка, издохшаго вскорѣ послѣ рожденія. Одежда изъ выпороточныхъ шкурокъ очень мягка, но отличается непрочностью.

²⁾ Идеаль чукотскаго сибаритства. Вообще мужчины нерѣдко исправляютъ естественныя нужды въ пологу, при чемъ женщины прислуживаютъ имъ.

³⁾ Воронъ—символь чукотскаго Бога Творца, Тѣна н т у м н и на.

корягу, хочеть бѣгать, но руди слабы, еще не оправился ¹⁾. Постоянно ѣсть, постоянно ѣсть, наконецъ сталъ бѣгать по прежнему. Камни и коряги становятся легче и легче; потомъ какъ будто ихъ совсѣмъ не стало. Такъ стали легки. А Айванъ не выходитъ, лежитъ въ пологу, какъ бревно. Достигъ Элэнди прежней силы, схватить большую сырую кокору,—какъ будто нѣтъ ея совсѣмъ, приобрѣлъ вдвое болѣе прежняго. Говорить второй женѣ: — ны! Ступай къ оленямъ. Скажи пастухамъ:—«если Айванъ снова ставеть кричать: «Принесите теленочка-а-а?» прямо ему закричите: «Ты когда привыкъ ѣсть телятючекъ, питаться язычками? Застала дѣтей при стадѣ. Сидятъ понурившись, все еще плачутъ объ отцѣ. Говорить имъ: «Если Айванъ опять крикнеть: «принесите теленочка!», дайте отвѣтъ предъ самой дверью: «Ты гдѣ приучился ѣсть телятючекъ, питаться язычками?»—Но вѣдь онъ насъ изобьетъ!...»—«Молчите! Вернулся!»..—«Вернулся!... Скажемъ, скажемъ!». Обрадовались дѣти. Утромъ вернулись домой. Только услышалъ голосъ дѣтей, отецъ одѣлся въ самыя лучшія одежды, принесенныя женами. Стали уходить обратно къ оленямъ.—«Принесите мнѣ теленочка-а-а! Каль худо пахнетъ отъ гнилага мяса-а-а!» Отвѣчаютъ передъ самой дверью!—«Ты когда привыкъ откармливаться телятами? питаться только язычками?... Отецъ присѣлъ на корточки за пологомъ, готовится. Зашумѣлъ Айванъ, выскочилъ совершенно нагой... Женщина кричитъ: «надѣнь хоть штаны!» Надѣлъ штаны, выскочилъ снова, схватилъ скобельное дерево ²⁾... Хозяинъ тоже выскочилъ, бросился на него, схватилъ его сзади.—«Мэй й, Мэй й, Мэй й! ³⁾ Кто кто, кто?»... Поворачиваетъ голову, не можетъ увидѣть. Наконецъ увидѣлъ:—«Ахъ, ахъ, ахъ! Мэй, мэй, мэй! Какъ пришелъ ты, кто привезъ тебя?»...—«Кто привезетъ?—я самъ!» отвѣчаетъ Элэнди. Оттащилъ его отъ шатра, кричитъ женѣ: «В ай, в ай! сними съ него штаны!»... Сняла штаны, раздѣла его. Очень гнѣветъ Элэнди. Кричитъ: «Вай, вай, полѣно принесите!» Тотъ даже не вырывается. Принесла женщина полѣно. Ножомъ откололъ кусокъ, дерево обрѣзываетъ, завастриваетъ конецъ. Покончивъ, поворотилъ Айвана навзничъ, положилъ ладонь на землю, проткнулъ ножомъ, совсѣмъ пробилъ ладонь, пробивъ ладонь, вбилъ заостренный колышекъ. Потомъ другую руку. Тотъ даже и не бьется. Распялъ его руками по землѣ. Потомъ ноги тоже растянулъ и пробилъ колыями. Потомъ приткнулъ къ землѣ мясо боковъ; потомъ провертѣлъ кончикъ макушки и тоже приткнулъ къ землѣ. Губа до крови закушена отъ гнѣва. Покончивъ, ротъ у него распялилъ тоже колышкомъ. Говорить женамъ: «Вай, вай! Накладите ему въ ротъ! Онъ требуетъ молодыхъ телятъ, хочеть питаться языками. Любить, чтобъ каль хорошо пахнуль... Пусть попробуетъ, хорошо ли пахнетъ!» Жены на ему полоиъ ротъ, также на весьма много. Утромъ пробудились. У него ротъ по прежнему наполненъ каломъ и мочей, но еще живъ. Еще разъ ночевали, по прежнему смотреть. Нѣсколько дней такъ провали, ночевали, онъ все смотрѣлъ. Наконецъ издохъ, ибо было уже по заморози. Замерзъ. Такъ сдѣлалъ Элэнди, ибо пришелъ ему великій гнѣвъ, а если бы Айванъ не сдѣлалъ такъ, то скоро отдалъ бы ему одну изъ женъ и жили бы равно, какъ братья.

III.

Такъ жили. Дѣти выросли, приобрѣли силу, стали мужчинами. Состарился Элэнди. Но сыновья велики и сильны. Ихъ копыя со связкой колецъ на тупомъ концѣ. На ходу звенять, кольцами. Снова всѣ живутъ на берегу моря. Снова Айванъ Эрмдчѣнъ.

¹⁾ Ношеніе тяжестей и бѣгъ съ ношей на плечахъ составляетъ и теперь любимое физическое упражненіе чукотской молодежи, конечно въ глухихъ мѣстахъ подальше отъ русскаго вліянія.

²⁾ Скобельное дерево, камень дерево, длинная изогнутая деревянная оправа съ двумя ручками. Въ средину ея вставляется плоскій камень, остро обитый по краямъ. Орудіе это употребляется для скобленія шкуръ.

³⁾ Мэй й. Слово обращенія между мужчинами, также отъ мужчины къ женщинѣ.—
Послушай!

не прежній, но, приблизившись къ нимъ, сталъ сосѣдомъ¹⁾, — морской человекъ, питающийся морской ѣдой. Говоритъ сыновья отцу: «Айванъ, кажется, нашелъ мертвого кита, ибо пошелъ разрывзывать его за части. Что, не дасть ли онъ тебѣ²⁾?» Пошелъ старикъ, предъ уходомъ говорить: «Не дасть, должно быть! Не думаю, что дасть! Прежде я не думалъ бы, что не дасть, но теперь я состарился!.. Пусть невѣстка все же приготовить сумку, я ее унесу съ собой!» Пошелъ и сумку унесъ. На берегу моря нашелъ Айвана. Сидитъ вѣсть съ женой на пескѣ. Китъ засгрязъ на мели и остался далеко отъ берега среди мелкой воды.—«Ка-ка! Пришелъ ты?!»—«Ы!»—«Ну, ну, чего тебѣ?»—«Дѣти меня послали!»—«Ну давай, санъ накладу! Сюда, сюда! принесите сюда часть!» Принесли работавшіе, онъ отрѣзалъ кусокъ кожи съ жиромъ.—«Иди сюда! говорить.—Наполнилъ твою сумку!» Подошелъ старикъ.—«Повернись задомъ, надѣну тебѣ!»... Сумку легкая, словно пустая. Вдругъ схватилъ его сзади за подгузье штановъ и нанхалъ за поясъ жиру и кожи.—«Правда, вотъ тебѣ! теперь иди домой!» Ибо насмѣшливъ³⁾. Жиръ потекъ по ногамъ и по животу. Не можетъ идти, едва дошелся дошой. Штаны наполнены.

Сыновья говорятъ матери «Ну ка, погляди ка! А что?»—«Еще нѣтъ!» Спустила немого опять. «Посмотри ка снова! Что же онъ такъ медлитъ?» Наконецъ говоритъ—«Вотъ онъ идетъ, палку держитъ поперекъ согнутой спины!»—«О, о! должно быть ноша тяжела!» Вошелъ. Женщины схватились за сумку, говорятъ: «А что?» Ищутъ вездѣ, поворачиваютъ, ничего нѣтъ. Онъ стоитъ въ переднемъ шатрѣ, обернулся къ нимъ задомъ. «Гдѣ же?» «Да вотъ тутъ есть!» Смиъ поглядѣлъ изъ полога, высунувъ голову подъ полою входа⁴⁾. Взяли сумку, трясуть: ничего нѣтъ.—«Гдѣ же!»—«Да вотъ здѣсь!»—«Но гдѣ же наконецъ!» Вторая сноха бросила взглядъ на подгузье.—«О-о-о!» Сняла штаны со старика. Онъ весь перепачкавъ жиромъ.—«Вотъ какъ! Вотъ какъ!» кричатъ сыновья. Тотчасъ же стали одѣваться. Старикъ говоритъ;—«сами вы теперь такъ приучили Айвана! Или скажете, что я его приучилъ! Но я когда то наказалъ такого. Теперь другой Айванъ насмѣхается только надъ вами!»...

Вышли сыновья, схватили колья, побѣжали отъ самой двери. На бѣгу подхватили арканы, перекинули свиткомъ черезъ плечо. Айванъ съ женою еще сидятъ на берегу. Миновавъ его, побѣжали по берегу, гдѣ суетятся работающіе; прыгнувъ съ берега, перебрали черезъ воду къ киту.—«Прочь, прочь! Уйдите отсюда!» Машутъ колыями во всѣ стороны, толкаютъ то тулымъ, то острыми концомъ...

—«Перестаньте, перестаньте! Сперва убейте: заставьте уйти⁵⁾ потомъ отнимите кита!» кричитъ Айванъ съ берега:—«Не буйствуйте съ людшками! Идите, идите сюда!» Они какъ будто глухи.—«Хорошо! говорить, принесите нужное для борьбы!» Работники принесли изъ шатра моржовую шкуру и двѣ моржовыя голени. Разбилъ ва острые осколки, въ разостланную шкуру набилъ осколки кости остриемъ вверхъ, вогнувъ полувругомъ; только мѣсто, гдѣ встать, свободно. Натеръ шкуру китовымъ жиромъ. Покончивъ всѣ приготовления, всталъ на мѣсто... Братья, отталкивая кольями, остались одни у кита; ныне попадали въ воду; бывшіе на челнокахъ чуть не утопили и успѣли вернуться на берегъ. Стоять на китѣ, рѣжутъ китовину. Отрѣзываютъ куски величиной съ моржа, перебрасываютъ прямо на берегъ.—«Идите, идите

¹⁾ Сосѣдомъ, но не на одномъ и томъ же стоябищѣ. Ны т а к ѣ ч ѣ н ѣ сосѣдъ живущій особо, но на близкомъ разстояніи.

²⁾ Китовая кожа, срѣзанная вѣсть съ жиромъ, считается лакомствомъ не только у сидячихъ, но и у оленныхъ чукочь. Потребность разнообразить пищу выражается у оленныхъ чукочь главнымъ образомъ, пристрастіемъ къ тюленьему жиру, китовой кожѣ, моржевому мясу, отчасти также къ рыбѣ, а вовсе не къ растительнымъ веществамъ, которыя употребляются только, какъ суррогатъ и составляютъ пищу бѣдняковъ.

³⁾ т. е. Айванъ склоненъ къ издѣвательству надъ людьми.

⁴⁾ Люди, сидящіе въ пологу, разговаривая съ людьми, стоящими сваружи, обыкновенно ложатся на животъ и высовываютъ голову, плотно окутывая плечи мѣховой полою полога.

⁵⁾ У а т и равносильно умереть. Заставьте уйти—убейте!

сюда!» Старший брат говорит: «Пойду-ка я!»—«Или и!» отвечает младший брат. Старший говорит:— «Нѣтъ ужъ, я!» Младший возражаетъ. — «Нѣтъ ужъ, лучше я! Прощу тебя, послушайся! Пусть лучше я! Пусть ты будешь на этотъ разъ нѣмого старика!»...—«Хорошо!»—говоритъ старший,—но можетъ и не удался!..»—«Посмотримъ!» говорилъ младшій, — кто знаетъ?» — «Я говорю, бытъ можетъ, не будешь въ силахъ. Пусть, я посмотрю, ибо ты, какъ ребенокъ!...» А между тѣмъ, они словно близнецы, ибо родились въ одно и то же время. Разница нѣсколько дней.—«Все равно, настаиваетъ младшій, — пусть попробую! Ибо стыжусь отцовскаго погруженія подъ жиръ... Пусть я! Если ты схватишься съ нимъ, буду бояться вернуться домой.. А что если скажетъ отецъ: «А этотъ какъ?...» Пусть лучше я!..»—«Хорошо, хорошо! Я не спорю. Пусть ужъ ты!» Айванъ стоитъ на скользкой шкурѣ, словно вбитый въ землю.—«Эй, вы, пустословные! ¹⁾. Торопитесь! Покажите, какіе вы!» Пригнулъ младшій братъ съ кита далеко на сухой берегъ, какъ будто полетѣлъ на крыльяхъ, попалъ ногами прямо на моржовую шкуру. Какъ будто прильнули къ ней (ноги). Айванъ говоритъ:—«Кто? Ты? (начнешь...)»—«Нѣтъ, ты!»—«Пусть ты, если ты отниматель!»—«Ладно, согласенъ!» Всталъ Айванъ недвижно. Схватилъ чаччу ²⁾ Айвана. Какъ ни напрягается, какъ ни усердывается, не можетъ,—недвиженъ, какъ пень. Несторошясь, ошупываетъ руками, откуда бы схватить, медленно прикрѣпляется. Навонецъ наставилъ ладонь, какъ топоръ, ударилъ по шеѣ. Голова отскочила, какъ волчокъ, тѣло же стоитъ недвижно. Товарищи Айвана стоятъ вокругъ и смотреть. Все же убилъ, унало. Жена Айвана, увидѣвъ, какъ покатила голова, убѣжала, не глядя куда. Пригнулъ обратно къ товарищу на китѣ. Окончивъ, понесли. Ну и ноша же. Принесли, бросили у входа на землю. Шатеръ затрещалъ отъ вѣтра.—«Кака!»—говоритъ отецъ.—«Принесли такъ!» (ибо поваялъ, что убили). Старшій братъ говоритъ:—«Да, рукой ребенка...» Отецъ говоритъ:—«Э, э! Зачѣмъ же убили? Вы не привели вѣдь живьемъ! Очевидно, вы еще слаби!» Старшій говоритъ:—«Я вѣдь говорилъ:— пусть лучше я самъ!» Младшій говоритъ:— «Да, но я еще ребячески—неразуненъ!...»

На слѣдующій годъ богатыри проводили конецъ лѣта—на горныхъ пастбищахъ, далеко отъ моря. Отецъ говоритъ по первой заморозі:— «Что за диво! Соскучилась объ морской пищѣ. Ибо это наше старинное питаніе» ³⁾.—«Какъ же стадо?» говорятъ сыновья. Но все равно! погонимъ его предъ собой!»—«Нѣтъ!» отвечаетъ отецъ,— жезла морскаго мяса, постерегу стадо одинъ, въ ожиданіи!...» Ушли сыновья на море. Какъ только ушли, ночью коряки угнали стадо. При старикѣ одна жена. Другая давно ушла. Старикъ и старуха въ сторону не убѣгаютъ, ходятъ среди стада. Наслѣдники тѣхъ самыхъ коряковъ, которыхъ когда-то ограбилъ Элеиди, гонятъ его стадо обратно. Но старикъ и старуха ходятъ въ стадѣ. Быки все время хотятъ пребывать вѣнѣстъ, не разбредаются въ стороны, тѣснятся вокругъ стариковъ. Пасутся-ли на моховницѣ, или лягутъ на отдыхъ, такъ плотно окружаютъ, что со стороны ничего не видно. Коряки не замѣчаютъ ихъ, поютъ, смѣются, гонятъ стадо. Отъ добычи имъ весело. 40 человекъ коряцкихъ воиновъ. Второй разъ ночуютъ безъ крова. Старикъ озябъ, чуть не замерзъ, ибо во время порозованія оленей ⁴⁾. Коряки разводятъ огонь, варятъ пищу. У старика ноги озноблены, отъ голода печень болитъ ⁵⁾. Старуха говоритъ:— «О, мы не можемъ идти! Завтра упадемъ. Ноги у тебя отморожены. Гололъ, усталость, тоска... Умремъ завтра!..» ⁶⁾.—«Нѣтъ, нѣтъ, подбодрись! говоритъ мужъ. Теперь дѣти вернулись домой, погонять за нами по слѣду!...»

¹⁾ Атумнгытвэкээн, пустословный, обычное бранное слово.

²⁾ Чаччу, богатый оленьими. Такъ называютъ оленные чукчи самихъ себя.

³⁾ Еще лѣтъ 80—100 тому назадъ оленеводство было сравнительно мало развито, и главная масса племени существовала морскими промыслами.

⁴⁾ Порозованіе (на мѣстномъ русскомъ нарѣчій)—течка. По чукотскому повѣрью по окончаніи течки дикихъ оленей наступаютъ первыя осеннія бури.

⁵⁾ Печень болитъ съ голоду, обыкновенное чукотское присловье.

⁶⁾ Въ этихъ словахъ заключается приглашеніе къ самоубійству, ибо по исконнымъ чукотскимъ понятіямъ, гораздо приличнѣе кончить жизнь отъ собственной руки, чѣмъ дожидаться безславной смерти отъ изнурительной болѣзни, или голоднаго истощенія.

Дѣйствительно вернулись домой. Только однажды почевали на морѣ. Принесли огромныя ноши. Стада вѣтъ, родителей тоже. Младшій братъ говоритъ! — Ну, пого- няй!» — «Темнѣетъ солнце заходить! говорить старшій: — Пусть завтра!» — «Да, вѣдь они забнутъ!» — «Охъ, вѣтъ! Должно быть ихъ убил!» — «Ко!!!»

Все-таки почевали. Младшій не спитъ, ходитъ по окрестностямъ. Еще до при- ближенія разсвѣта, говоритъ: — «Ну, пойдемъ! Довольно. Разсвѣтаетъ!» — «Еще немнож- ко!» — «Нѣтъ, вѣтъ! Довольно!» Пошли.

Старушка совсѣмъ не можетъ идти, на-силу плетется. Мужъ говоритъ: — «Под- бодрись, подбодрись! Не покинуть насъ дѣти, погонять по слѣду!...»

Табуъ сталъ спускаться въ ложбину, тогда начали догонять. Взобравшись на скалу, посмотрѣли со скалы, увидѣли. Говоритъ младшій братъ: — «Скорѣй, скорѣй! Побѣжимъ къ проходу сквозъ ложбину». Старушка оглянулась, увидѣла сыновей, иду- щихъ со скалы внизъ. Вздрогнула старуха, говоритъ старику: — «О, пришли наши дѣти!» Отъ радости сдѣлалась весьма быстрою.

Узкій проходъ ущелья, дорога весьма узка, но подъѣмъ впереди расширяется и уходитъ круто вверхъ. Братья обѣжали издали стадо и очутились впереди на самомъ верху и сверху загнували: «Го-о-о! Говъ, говъ, говъ!»¹⁾ Стадо повернулось и побѣжало, а коряки уже вошли въ ущелье. Стадо ринулось, затоптало въ ущелья ко- ряцкихъ волновъ, смѣшало ихъ кровь съ пылью, втоптало лица въ землю. Только десять человекъ спаслись и бѣжали. Быки шли впереди стада. Когда скотъ побѣжалъ, они очутились сзади и медленно провели стариковъ вслѣдъ за стадомъ. Тогда подбѣ- жали сыновья, подхватили старика и старуху подъ мышку, какъ рукавицы, и погнали оленей обратно. Стадо идетъ домой, вытянулось въ долгую линію, какъ кочевой по- ѣзд²⁾, идетъ, торопится на свою землю! 10 коряковъ прибѣжали домой, говорятъ: «Одѣвайтесь, вооружайтесь! погонимъ по слѣду!» Догнали. Когда догнали, братья вы- стрѣлили изъ лука, убили одного, подхватили за ноги тѣло и потрясли. — «Вотъ и вы такъ будете! Трусы вы, худые людишки!»

Опять догнали стадо, оно уже ушло далеко; подхватили по дорогѣ отца и мать и побѣжали въ слѣдъ. Ибо старикъ и старуха изсохли и стали легки. Пришли домой. Стадо уже на старомъ коповницѣ недвижно, отдыхаетъ. Говоритъ отецъ во время ѣды, а тюлений жиръ течетъ у него по подбородку: — «Сильно же забли мы вчера. Значитъ, дѣйствительно у насъ есть дѣти».

IV.

Осенью укочевали на зимнія стойбища. На кочевкѣ братья раздѣлились. Младшій братъ отправился въ страну своихъ тетокъ, сестеръ отца, отданныхъ имъ въ замуже- ство, пошелъ свататься, стеречь стадо за жену³⁾. Остальные всѣ остались. У него по пути отъ дорожной спутницы родился ребенокъ. Быстро сталъ расти ребенокъ. Дви- жутся они тихо годъ и другой, ребенокъ растетъ. Половину отцовскаго стада гонить предъ собою. Отецъ водить ребенка за стадомъ, у шатра покидаетъ только женщину, не возвращается домой три и четыре дня. Говоритъ сыну: — «Ну, пожалуй пойдемъ! Отнесемъ домой котлы!» Ребенокъ, гдѣ только ни сидеть, все играетъ въ стрѣльбу изъ лука. Даже спать никогда не захочетъ, все время стрѣляетъ изъ лука. Однажды отецъ шута говоритъ: — «Ну-ка выстрѣли въ былинку.» Сдѣлалъ ему стрѣлку изъ обломки котельнаго желѣза, выстрѣлилъ (ребенокъ), разрѣзалъ былинку пополамъ! Отецъ заку- силъ губу, говоритъ: — «Ныкъ! что за диво!» На завтра идутъ домой, несутъ котомки

¹⁾ Обычный крикъ пастуховъ, побуждающихъ стадо переимѣнить направленіе пути.

²⁾ Чукотскій кочевой поѣздъ вытягивается въ долгую линію въ нѣсколько де- сятковъ саженъ, подъ предводительствомъ женщины, ѣдущей на особой ѣдовой нартѣ.

³⁾ Нангѣудьули — стеречь за жену (стадо). Основной формой брака у олен- ныхъ чукочъ, является приобрѣтеніе женщины путемъ двухлѣтней или трехлѣтней службы въ пастухахъ при стадѣ будущаго тести.

и котлы, стадо покинули въ полѣ. Ребенокъ посмотрѣлъ, говоритъ:—«Вотъ тамъ что?» —«Гдѣ?» —«Та-а-амъ!» Далеко впередъ поперекъ дороги движется коряцкій молодецъ, идетъ, словно летитъ на крыльяхъ. Вотъ такъ витазы!—«Охъ!—говоритъ отецъ,—шбо ребенокъ ты?» — Ну такъ что же? Сердце крѣпко!» — «Если крѣпко, сдѣлаешь такъ! Когда приблизится, посажу тебя подальше. Сразимся коьями! Если стану уставать, приближусь къ тебѣ. Если не стану, сиди на мѣстѣ! Не нужно тебя! Но на всякій случай, можетъ быть я усгану:—Если приближусь къ тебѣ, выйдесть такъ, попробуй, наташи лукъ! Когда я на тебя этакъ взгляну и подѣй тебя поперекъ дороги перейду, попробуй выстрѣлить ему вдоль лба; только черкяц, разрѣжь кожу?» Ребенокъ молчитъ, молча слушаетъ отца.

Ловокъ коряцкій витазъ, дѣйствительно, сталъ уставать отецъ. Захотѣлъ къ ребенку, перешелъ дорогу, бросилъ взглядъ на ребенка. Мальчикъ выстрѣлилъ вдоль лба, прорѣзалъ кожу лба, лицо коряка залилось кровью. Сѣлъ на земль, говоритъ: «Къ к о! ¹⁾ Значитъ т ѣ—стадо-отниматель, олене-возвратитель! Вотъ слабый ребенокъ въ помощникахъ. Мы такъ не бываемъ. Съ дѣтьми вѣстѣ вы сильны!» Они сѣли вѣстѣ. Раненый придерживаетъ лобъ ножомъ ²⁾.—«Къ к о! — говоритъ отецъ,—снова насильника будущаго создалъ я, будущаго грабителя у всѣхъ людей создалъ, следовательно, я хорошъ!» ³⁾—«Но вѣдь мы боролись! говоритъ корякъ.—Вы уходите. Торопитесь! Я васъ держиваю. Ну же!... ⁴⁾».

Тотъ по его слову закололъ его копьемъ. — «Теперь перестанете драться, шбо только я одинъ былъ сильный человекъ!» — говоритъ предъ смертью корякъ. Ушли домой, пришли. Женщина сидитъ одна. На утро осмотрѣли стадо, совершили голую убійку. Опять откочевали, остановились близко. Окончивъ кочеваніе, стали ѣсть. Только-что поѣли, собачка стала влзавать. Они раздѣты, разуты, одежда развѣшана; сидятъ наги. Свѣтло на дворѣ отъ мѣсяца, какъ днемъ. Схватилъ одежду, быстро одѣлся. Жена говоритъ: «Быстро посмотри! ты сиди!» — «Нѣтъ, не нужно!—Я самъ!» — Она настаиваетъ. — «Нѣтъ, не нужно! Самъ!» Ребенокъ говоритъ: — «Или я!» — «Не нужно! Не нужно! Пусть ѣ!» Пересталъ торопиться. Медленно выворачиваетъ обувь. Одѣлся, вышелъ. Съ дороги несется звонъ колокольчиковъ ⁵⁾. Кто-то ѣдетъ. Вошелъ въ пологъ, легъ. Говоритъ (жена).—«А что?» — «Да, правда, звонъ. Двигается!...» — «Почему же легъ?» — «Еще далеко!» — Стадо пробѣжало, испуганное. Вышелъ. Одинъ ѣздокъ на оленяхъ уже пробѣгаетъ мимо шатра. Сильные олени, сильный коряцкій витазъ.

Говоритъ (хозяйнѣ). — «А что?» — «И!» — «Ты одинъ?» — «Многіе движутся!» — «Что станемъ дѣлать?» — «Не знаю! Посмотримъ!» ⁶⁾ — «Не будешь-ли ждать товарищей?» — «Пусть ихъ! Но только я безъ панцыря!» ⁷⁾. — «Ну, подожди лучше!» — «Нѣтъ, пусть и такъ!» — «Да, вѣдь ты съ голой кожей! Лучше ужъ подожди!» — «Зачѣмъ буду ждать? Плохіе то люди! Лучше не ожидая!... Ну, поскорѣ!» — «Ну, что-жъ, согласенъ!» Досталъ лукъ изъ шатра, изъ потайнаго мѣста вынулъ. Жена смотритъ. Предъ дверью прямо видѣется корякъ—отъ мѣсяца свѣтло, какъ днемъ. Густой лѣсъ. Побѣжалъ че-

¹⁾ Къ к о—выражаетъ сильное изумленіе.

²⁾ Обычное средство для остановки кровоточенія.

³⁾ Въ словахъ коряка заключается косвенный укоръ, который чукотскимъ витаземъ опровергается.

⁴⁾ Въ чукотскихъ преданіяхъ раненый или побѣжденный воинъ, обыкновенно проситъ у побѣдителя свой *соур де грасе*. Побѣжденному витазю безславно уйти живымъ съ поля битвы.

⁵⁾ Привязываніе мѣднаго колокольчика къ спянкѣ ѣздовой нарты считается щегольствомъ.

⁶⁾ Лаконичность разговоръ предъ битвой, также у больного предъ смертью, считается признакомъ высшей доблести.

⁷⁾ Чукотско-коряцкій панцырь дѣлался изъ кожи лахтака или моржа, также изъ древесной коры. Впрочемъ, преданія упоминаютъ и объ желѣзныхъ панцыряхъ чукотскихъ воиновъ, сдѣланныхъ изъ широкихъ желѣзныхъ бляхъ, нашитыхъ на плотную кожу. Въ Этнографическомъ Музеѣ И. Р. А. Н. имѣются образцы того и другого панцыря.

ловѣкъ сквозь лѣсъ, добѣжалъ до края, нашель дуплистое дерево, сталь сзади. Дерево весьма толстое: тѣла его не видно изъ-за дерева. — «А что, — кричить чѣвчу. — Ты такъ будешь?» — «*Ы!*» — «Тобѣ такъ удобно?» — «*Ы!*» — Натянулъ чѣвчу лукъ, выстрѣлилъ стрѣлою, пробилъ и дерево и коряка насквозь. Стали подѣвжать задніе моряки. Жена говорить: — «Вотъ шумять вѣдущіе!» — «Пусть ихъ!» — «Даже не выходить изъ полога, возгордился духомъ, сталь великоумень. Увидѣли подѣвхавшіе на оленяхъ лустыя санны и оленей, привязанныхъ у лиственницы. Одинъ пошелъ по слѣду, отыскаль и дерево, и убитаго. — «Лучше уѣдемъ!» — «Отчего?» — «Пожалуй, худо будетъ!» — «А что?» — «Дерево въ щены, человѣка насквозь!» — «Уѣдемъ, уѣдемъ!» — «Я говорилъ, что не нужно выходить! Посмотрятъ и сами уѣдутъ. Давай спать!...»

Пришелъ въ страну тетокъ, тамъ жилъ, много лѣтъ прошло. Состарился, а сынъ его выросъ и также сталь эрмэчэномъ. Говорить отцу: — «Нѣтъ лука!» Отецъ даетъ свой. — «Это ребячій лукъ! О, безъ лука!» Отцовскій лукъ дернулъ, переломилъ пополамъ. — «О, безъ лука!» Морской силачъ послалъ свой лукъ по оленнымъ жителямъ. — «Хвастаютъ передъ нами чѣвчу силою. Пусть же натянутъ этотъ лукъ!» Послалъ также и ры п ѣ д ¹⁾: большую суму табаку ²⁾. Вozать и лукъ, и суму отъ жительства къ жительству. Три человѣка несутъ, одинъ несетъ лукъ, другой несетъ туль, третій суму. Всѣ люди жаждутъ табаку, ибо это большое богатство, но тянуть и не могутъ (натянуть). Слишкомъ великъ. Жаждутъ хоть одной ж в а ч к и ³⁾, просить, — не даютъ; ибо только, когда натянуть лукъ, тогда и вскроютъ суму съ табакомъ. Пять братьевъ, пять силачей, пять богатыхъ оленями народо-обидчиковъ, собрались вмѣстѣ, шестой шатерь человѣка, не имѣющаго лукъ. Посытели морского лука пришлц, вошли въ передній бычаче-огромный домъ къ старшему брату. Всѣ по-очереди хотять натягивать. Старшій упершился пятками, шевельвуль тетиву. У безлукаго человѣка есть жена, отецъ его старъ. — «Какой силачъ!» говорятъ люди, (глядя на натягивающаго). Безлукаго человѣка нѣтъ дома. Старикъ со снохой стоять и смотреть. — «Вотъ онъ не смогъ!» говорить ему сноха: — «Ну-ка ты! Или ты не сможешь?» — «Я старикъ! — говорить, — не нужно! Пусть молодые пробуютъ. Я зачѣмъ ставу пытаться. Развѣ это орудіе прислали для меня? Я теперь состарился!...» Говорить женщина пяти братьямъ. — «Не можете?» — «*Ы!*» — «Вотъ бы моему мужу!» — «Не пустословъ! говорить эрмэчэнь. — Развѣ онъ натянеть? Него дая!... Не пустословъ!...» Женцина толкнула суму и покатила къ своему дому, ничего не отвѣчая. Всѣ молча смотреть. Безлукій былъ при оленяхъ. Было начало зимы, ибо осень миновала, пока лукъ странствовалъ между жителями и дошелъ сюда. Притащивъ домою суму, пошла снова, лукъ и сбрую принесла. Суму положила у стѣны, лукъ на крышу полога. Придя, вскрыла суму, дала свекру и свекрови по жвачкѣ, хотя лукъ еще не тянули. Носители лука молча смотреть. Спустя немного пришелъ пастухъ. Желѣзную стрѣлу достали, величней стрѣла съ оленью палицу ⁴⁾. Лукъ же крѣпокъ и плотенъ. За крышу полога выдается подставка на рогахъ лука. Пастухъ вошелъ. — «А, говорятъ, — главные гости прѣехали!» — «*Ы.*» — Отецъ на дворѣ ходитъ взадъ и впередъ, во время хожденія вокругъ, говорить! — «Что за дитя! Диво!» Жена на встрѣчу мужу тоже достала жвачку. Вдять мясо, конецъ лука выглядываетъ надъ пологомъ. Всть, а самъ поглядываетъ на этотъ лукъ, радуется, почти смѣется. Утренняя заря. Поѣвши, не отдохнувши, говорить женѣ: — «Что же? Дай!» — Женцина

¹⁾ Ры п ѣ д — призъ, собственно в от к п у т о е. На чукотскихъ скачкахъ и состязаніяхъ призъ кладется у основанія ивовой вѣтви, воткнутой въ снѣгъ. Легкіе предметы, вродѣ лисей или песцовой шкурки, укрѣпляются въ верхній вѣтви.

²⁾ Въ чукотско-русской торговлѣ имѣеть обращеніе малая сума табаку вѣсомъ въ 1 пудъ и большая сума вѣсомъ въ три пуда, которая называется также п о б о ч е н ь (э ш т ѣ к а л), ибо она составляетъ одинъ изъ парныхъ вьюковъ обычнаго конскаго груза.

³⁾ Жеваніе табаку распространено между чукчами никакъ не менѣе, чѣмъ куреніе.

⁴⁾ Ч і к і л — толстая палица изъ лиственнаго дерева, употребляется при обученіи упряжныхъ оленей. Ч і к і л привязываютъ къ короткому недоуздуку и сильно дергаютъ за него обѣими руками, заставляя животное поворачиваться въ ту или иную сторону.

отвѣчаетъ:—«Что же, подашь!» Отецъ ходитъ внѣ шатра взадъ, впередъ объ однушъ рукавѣ ¹⁾, говоритъ:—«Диво, диво! Что за дитя?» Подала, взялъ. Смотритъ, разсматриваетъ, говоритъ:—«Какъ разъ по мнѣ!» Отецъ смотритъ издали, сквозь входъ. Говоритъ жень:—«Поди, позови сосѣдей!» Позвада, вернулась.—«Ну, что же они?»—«Торопятся! Придутъ!» Сынъ держитъ лукъ. Старикъ немного усмѣхается... Не отдастъ, такъ и держитъ лукъ. — «Ну, что же? Будемъ торопиться!» Носители лука говорятъ:—«Како! Вотъ диво!» Отецъ говоритъ:—«Если торопишься, попробуй пока не взачеть!» — «Но я хочу, чтобы они на меня посмотрѣли, ибо они называли меня безсильнымъ!» Старикъ говоритъ:—«Что же, и они успѣютъ посмотрѣть!»—«Ладно!» говоритъ. Сердце у него припрыгиваетъ. Взялъ, потянулъ тетиву двумя перстами, вытянулъ чуть не до конца. Взадъ и впередъ спинка (лука) гнетси, словно сырое дерево. Отпустилъ. Тетива только брякнула: «Дэн!!... Смотрящіе удивляются. Отецъ убѣжалъ на другой конецъ шатра, при уходѣ только и говоритъ:— «Что за дитя! Что за дитя!» Пришли сосѣди, старшій ѳрмаченъ впереди. Безлукій сѣлъ поперекъ входа, держитъ лукъ въ рукахъ.—«Зачѣмъ же гостей передъ входомъ ты держишь?» — «Однако, по-видимому, вы не могли натянуть?» — «Какъ же мы сдѣлаемъ это? Зачѣмъ привезли такой лукъ?»—«Да!.. А я вотъ говорю: Это лукъ, такъ лукъ!»—«Ты потянн-ка! Какъ у тебя будетъ!...»—«Ну, что же!... Попробуюсь!» Говоритъ жень:—«Достань жегъзную стрѣлу!» Она принесла стрѣлу, подобную оленьей палицѣ. Далеко-далеко впереди была мерзлая кочка, слишкомъ далеко впереди. Говоритъ безлукій носителю лука:—«Попробуемъ хоть въ ту кочку!» Другіе говорятъ:—«Пожалуй! Только бы посмотрѣть, какъ далеко долетитъ стрѣла!» Луконосецъ говоритъ:—«Твой умъ!» Всталъ на колѣно, выстрѣлилъ въ кочку. Вытянулъ тетиву во всю длину стрѣлы и перетянулъ еще дальше.. Отецъ смотритъ, весь дѣсны ²⁾, по временамъ поглядываетъ и на зрителей. Кочка едва виднѣется, чуть возвышается надъ снѣгомъ—такъ далеко, однако, она очень велика вблизи. Наконецъ, витязъ спустилъ стрѣлу. Дотянулъ тетиву до плеча, тогда спустилъ лукъ. Какъ только спустилъ, кочка тотчасъ же подскочила; ибо истинно быстро стрѣляющій лукъ привезенъ съ моря; далеко за кочкой (стрѣла) скользнула по снѣгу. Словно дымъ надъ слѣдомъ. Взбитый снѣгъ долго не садится. Держитъ лукъ, тетива звенитъ, какъ колоколь, не хочетъ умолкнуть.

Спрятавъ лукъ. Носители лука молча одѣлись, обулись, отправились домой, поклянувшись все. Люди стали приходить, просить табаку.— «Не дамъ! говоритъ старикъ.— Ни одного корешочка ³⁾, не дамъ! Харѣм! ⁴⁾ «Отчего же хоть корешковъ не даешь?» говоритъ сынъ отцу:—«Пусть ихъ! Почему они не упражнялись, не приобрѣтали вѣрности?» — «Если бы я, тогда, еще ребенкомъ, не прорѣзалъ коряцкаго лба, теперь какъ бы курили табакъ?..»

Замолчалъ старикъ. Сталъ раздавать корешки сосѣдямъ.— «Какъ нибудь проживешь всѣ вмѣстѣ!» Но пять братьевъ, богатыхъ оленями, бѣжали въ ту же ночь, собравъ только упряжныхъ бѣгуновъ. Боятся новаго ѳрмачена. Собралъ ихъ стада, сталъ богатъ, уководилъ со стадами.

У.

Замедлили откочевать на лѣтнее стойбище. Поздней весной (на пути) воды пришли на встрѣчу этому Лучнику. Большая рѣка пробѣжала поперекъ дороги. Не слишкомъ широкая, но глубокая, быстрая, только-что вскрылась, еще несетъ ледъ. Цогонщики оленей пришли къ берегу. — «Гук! говоритъ старикъ, — на узкой землѣ предъ текучей водой недвижны станемъ. Ибо брода нѣтъ, рѣка глубока, быстра; только на

¹⁾ Изъ народа Айвановъ.

²⁾ Ам-рѣн-на-ма — равносильно нашему:—оскаливъ зубы: широко усмѣхался.

³⁾ Корешки широкихъ листьевъ «черкаскаго» табаку, считаются самымъ плохимъ матеріаломъ для куренія.

⁴⁾ Харѣм — выражаетъ отказъ.

самомъ верхомъ съ трудомъ перебегаютъ.—«К о! говорить сынъ.— Отдохнемъ здѣсь. Простоймъ до завтра. Солнце поднимется, тогда перекочуемъ!»—«О, нѣтъ! говорить старикъ.—Куда перекочуемъ?»—«За рѣку!»—«Это какъ ты сдѣлаешь?»—«К о! Завтра увидимъ!» На другомъ берегу широкая, низкая коса, ибо море близко. Пробудился, солнце еще не поднялось. Собралъ стадо близко къ шатру. Ну, разбирайте шатеръ. Отецъ ходитъ по берегу, говоритъ:—«Что за диво!» Во время разборки шатра переобувается въ новую обувь, подвязываетъ короткіе торбаса¹⁾. Отецъ говоритъ:—«Куда ты?»—«Пошитаюсь!»—«О, нѣтъ!»—«Пусть попытается!»—«Но вѣдь ты утонешь!»—«Развѣ мое тѣло не въ состояніи двигаться! Почему же жидкая вода убьетъ меня?» Досталъ копые изъ саней. Древо толстое, широкое, длинное; весьма крѣпко древо этого копыя! Вытащилъ копые. Отецъ смотритъ. Взмахнулъ копыемъ разъ и другой, древо болтается назадъ и впередъ, какъ сырой кѣмусъ. Хотѣлъ исштыть, гибко-ли, ве высохло-ли, не можетъ-ли сломаться. Но оно совсѣмъ гибко. Взялъ копые за конецъ, поднялъ вверхъ. Бѣжить къ водѣ, держа обѣими руками. Очувившись на берегу, прыгнулъ на средину рѣки. Отецъ молча смотритъ. Громко плачетъ мать. Разбавительницы шатровъ думаютъ: «Должно быть утонетъ въ водѣ!» Сильно ткнувъ копыемъ въ дно рѣки, въ крѣпкую землю. Повисъ на вершинѣ ратовья²⁾, скорчившись клубомъ. Пришелъ рѣчной ледъ, льдины задѣваютъ объ древо. Приходящія сверху тѣснятся у копейнаго дерева, но оно такъ крѣпко, что не могутъ сломать его. Еще стоитъ оно. Такъ что весь ледъ разошелся по берегамъ. Спереди копыя сталъ собираться за бѣгъ. Стѣснилась ледяная завруда. По льду можно ходить, какъ по твердой землѣ. Пригналъ стадо, спрыгнувъ на берегъ, выгналъ упряжныхъ оленей, загналъ ихъ въ изгородь³⁾. Отправился за рѣку долгимъ поѣздомъ, перешелъ на другой берегъ и перегналъ оленей. Слабыхъ телятъ гонить вмѣстѣ съ мѣулиномъ⁴⁾, стадо бредетъ поодаль. Самъ остался сзади всѣхъ, выдернулъ копые и перескочилъ на берегъ, льды разошлись, рѣка пробѣжала по прежнему. Когда кончился переходъ, отецъ говоритъ:—«Како! ловокъ ты! Я въ молодости не былъ такъ ловокъ».

На будущій годъ двинулся въ кочевой путь на ранней зарѣ. Старикъ со старухой пошла въ стадо. Витязъ лежитъ вдоль изголовья⁵⁾, разбираетъ свой лукъ, тетиву снялъ и свирталъ въ ишково. Вышла жена въ шатра и послѣшно бѣжала назадъ, говоритъ:—«Собирайся! Опять прѣехали!» Много коряцкихъ молодцовъ. Воины привязываютъ оленей. Домъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Одинъ изъ прѣхавшихъ натянулъ лукъ, поставилъ поперекъ двери.—«Убью тебя!» говоритъ.—«Ну что же, убей!» Во время этихъ словъ выстрѣлили. Какъ только звякнула тетива, подскочилъ высоко вверхъ, у передней стѣны шатра окустился на ноги, побѣжалъ, подхватилъ стрѣлу, ударилъ стрѣлой по головѣ и убилъ, побѣжалъ къ другимъ, которые возлились у саней, сталъ разбивать имъ головы. Всѣхъ перебилъ, только немногіе увидѣли издали и бѣжали. Собралъ упряжныхъ оленей, вошелъ въ шатеръ, говоритъ жентѣ:—«Разбирай шатеръ! На коряцкихъ оленяхъ поѣдемъ къ своему стаду!» Прѣехали къ стаду. Отецъ говоритъ:—«Опять что-то (случилось)!»—«Пожалуй!»—«Не будь такъ беззаботенъ! Берегись, убьютъ тебя!»—«О, нѣтъ! Если нападутъ въ раслохъ, могу даже голыми руками. Весьма великоушнымъ я сдѣлаюсь». Отецъ качаетъ головой.—«Пусть по твоему!» Увидѣлъ однажды у сосѣдей борющихся ребятшекъ. Играетъ съ ними, борется съ мальчишками, катается въ снѣгу съ ребятами... Пусть! Вродитъ въ снѣгу по поясъ... Пускай! Сталъ каждый день возиться съ

¹⁾ Торбаса—обувь изъ оленьихъ камусовъ, т. е. изъ крѣпкой шкуры, содранной съ оленьихъ ногъ. Чукчи для ходьбы надѣваютъ короткую обувь, запуская верхніе края подъ шнуровые раструбы шароваръ.

²⁾ Ратовье—древко.

³⁾ Изгородь для помки упряжныхъ оленей воздвигается изъ тѣсно сдвинутыхъ саней въ видѣ узкой и длинной подковы.

⁴⁾ Мѣулин—кочевой поѣздъ.

⁵⁾ По передней стѣнкѣ полога кладутся два длинные узкіе мѣшка, набитые рухлядью и одновременно служащіе изголовьемъ и порогомъ.

дѣтми. Куда прѣветъ, дѣти набѣгутъ гурьбой, свалаять его въ снѣгъ и задавятъ! Пусть, пусть! Только снѣгъ отряхаетъ съ лица и изъ-за рукавовъ.

Много сосѣдей собрались къ Лучнику. Стали удлинняться дни. Пробудившись, отправился на зарѣ къ уединенной скалѣ, особо стоящей среди ровной земли. Большая круглая сопка высится надъ равниной. Съ нея спускается дорога къ сосѣднему стѣбищу. Выше дороги густой темный лѣсъ, влѣво спускается русло горной рѣчки. Видить Лучникъ. Съ сопки спускается длинный рядъ вѣдущихъ на оленяхъ. Коряцкіе воины перебили сосѣдей и вѣдутъ къ этимъ стойбищамъ. Думаетъ умомъ: — «Отца правду говорилъ:—не нужно быть беззаботнымъ. Теперь пожалуй убьютъ меня. Жилище далеко, враги близко, а у меня только посохъ ¹⁾ въ рукѣ!...» — «Что же, думаетъ, пусть спрячусь!...» Но развѣ я женщина? Зачѣмъ мнѣ прятаться? Если вернусь, какъ взгляну на отца? Да и безъ пользы. Если спрячусь, перебьютъ товарищей, а меня потомъ все же отыщутъ по слѣду. Побѣжалъ стрѣлою къ густому лѣсу, обогнулъ рѣчку, побѣжалъ прямо къ дорогѣ. Достигъ ихъ дороги, пересѣкавшей рѣку. Тепло ва землѣ; весна! ²⁾ Пнулъ ногой дорогу, стала беснѣжной во всю длину. Покончивъ, побѣжалъ по надъ рѣкой. Прибѣжалъ въ укромное мѣсто, снялъ одежду, спряталъ въ тайникъ. Нагишомъ побѣжалъ навстрѣчу вѣдущимъ, ибо шумъ приближается. Легъ на беснѣжное мѣсто дороги, выгнулся во всю длину. Они выходятъ изъ лѣсу, передвѣй увидѣлъ нѣчто лежащее: — «Что тамъ такое блеститъ, краснѣетъ?» — «Гдѣ!» — «Вонъ тамъ!» — «Ну-ка, пойдѣмъ посмотримъ!» На беснѣжномъ мѣстѣ привязали оленей къ санямъ ³⁾, пныхъ опутали деревьями. Всѣ говорятъ: — «Вмѣстѣ, вмѣстѣ пойдѣмъ!» Цѣлой грудой пошли къ нему, покинувъ оленей. Подошли. — «Мѣй, это что? Силачъ издохъ!.. Эрмечѣй умеръ!.. Именно онъ и есть! Тотъ самый, кого мы такъ часто собирались навѣстить!»

Стали кругомъ на склонѣ скалы, дивуются. Вотъ вездѣ у него мясо. Мускулы самые желѣзные, толстые. Касается земли только икрами, задницей и плечами, ибо весьма толстомясы. Ходятъ по краю скалистого выступа. — «Умеръ таки онъ! Эрмечѣй умеръ!» Даже на членѣ у него мускулъ, толстое мясо. — «Ну, пойдѣмъ! Мы и такъ позабавились. Пойдемъ мы, замедлились здѣсь!.. Навѣстимъ скорѣе старика, его о т ч ѣй ш к у! Убьемъ всѣхъ! Увидимъ кровь маленькихъ дѣтей!» Они уходятъ къ санямъ. По узкой дорогѣ идутъ рядомъ толпой. Еще не дошли до саней. Онъ тайкомъ поглядѣлъ на нихъ. Передвѣй приблизился къ санямъ. Онъ поднялся на четвереньки и съ ревомъ побѣжалъ за ними вслѣдъ. Быстро бѣгаетъ на четырехъ косяхъ тымйдикал ⁴⁾. Испугавшись покойника ⁵⁾, всѣ они убѣжали въ лѣсъ. Даже олени стали рваться. Гдѣ были ремни слабы, сорвались и убѣжали. Кричатъ повсюду люди, отъ страха плачутъ, убѣгаютъ домой пѣшкою. Санки изломаны, олени разбѣгаются въ разныя стороны. Проползъ на четверенькахъ до рѣчки, одѣлся, поймалъ пару оленей, похалъ впередъ, заѣхалъ поперекъ дороги бѣгущимъ и сталъ ихъ избивать. Всѣхъ перебилъ поодиночкѣ. Окончивъ избіеніе, всѣхъ оленей собралъ, а было 60 коряцкихъ воиновъ. Собралъ оленей, какъ цѣлое стадо. Вытянулись санки очень длиннымъ поѣздомъ, ибо ихъ было такъ много, что дорога ихъ отъ передней до задней нарты протянулась черезъ всю рѣку и черезъ косу на рѣкѣ и ушла на гору и перевалила черезъ вершину... Пришелъ домой. Отецъ говоритъ: — «Что за диво? Опять?» — «*Ы!*» — «Како! Неужели даже ножа не было? Голыми руками убилъ?» — «*Ы!*» — «Теперь можетъ быть коряки перестанутъ нападать!» И дѣйствительно, перестали.

Сообщено В. Г. Богоразомъ.

¹⁾ Короткій посохъ пѣшехода не длиннѣе обыкновенной трости, съ кружкомъ изъ оленьяго рога на концѣ.

²⁾ Тепло по чукотскимъ понятіямъ. Весеннее тепло есть въ сущности 10—15 °/о мороза даже въ полдень. Ночью морозъ достигаетъ 40°/о С.

³⁾ Останавливаясь въ пути на короткое время, оленей, особенно смирныхъ, привязываютъ возжами къ головкамъ саней.

⁴⁾ Игра словъ: тымйдикал—и мѣющій быть убитымъ, также шутникъ, насмѣшникъ.

⁵⁾ Страхъ передъ мертвецами, которые послѣ смерти обращаются въ злыхъ духовъ, произвелъ множество различныхъ предохранительныхъ обрядовъ при погребеніи.

Три сказки, записанныя въ Колымскомъ краѣ.

Сказка о Памфилѣ.

Былъ Иадѣйскій король. Были у него двѣнадцать богатырей, самъ Памфилъ тринадцатый. Значить подобрались ростомъ недоростомъ (?) (дороствомъ), лицомъ и красотою, голосъ, волосъ, какъ одинъ человѣкъ. Потомъ, значить, по слухамъ есть у короля протуральскаго три вещи: кобель борзой, соколъ златокрылой, конь семиногой. Онъ своему королю говорить,—этотъ самый Памфилъ: — Что ваше королевское величество, я поѣду королю протуральскому, похвастать поѣду, эти три вещи возьму у него, хотя онъ въ честь даетъ и не въ честь даетъ. — Да,—говорить,—господинъ Памфилъ, много разъ доступали эти вещи, не могли доступить. Тебѣ-ли доступить? — Хорошо. Ну, однако сто Памфилъ наперъ, сто поѣду,—говорить,—я. — Ну, король, значить, всё-таки какъ конечно надумалъ ѣхать, даетъ ему нѣсколько тысячъ войска. — Не нужно, ваше королевское величество, ваше войско; ваши труды втунѣ пройдутъ; а лучше, есть у меня двѣнадцать боевыхъ товарищей, я самъ тринадцатый,— достаточно,— говорить.— Снарядился, этихъ двѣнадцать своихъ товарищей (забралъ), самъ тринадцатый, обострожились, взяли орудія всякія, взяли шатры, пали на коней, поѣхали въ городъ. Недалеко разстоянія отъ городу до городу, пріѣзжаютъ къ этому протуральскому королю. Надоѣзжая его городу, стоятъ за городомъ садъ. У этомъ саду вечеромъ поздно всѣ они остановились и поставили тринадцать шатровъ, бѣлыхъ, полотняныхъ. Преспокойно люди никто въ городъ не знали, они какъ поѣхали, расположились спать. Поутру ставтъ король, выходитъ до вѣтру на крыльцо и смотреть черезъ заплотъ, и увидалъ эти шатры и удивляется надъ этими шатрами. — Что такое, откуль такое приступленіе и сдѣлалось, откуль этакіе шатры незнамые? Неужели изъ какой земли приступленіе дѣлають? — разсуждаетъ, стоитъ. Обратился назадъ въ свой чертогъ, посылать своего министра думаго спросить, именно каки они люди? Цари-ли царевичи, король-ли королевичи или сильные могучіе богатыри, или изъ какихъ земель грозный посоль, или на моихъ дочерей свататься? — Сейчасъ обратился министръ, перевернулся къ этимъ шатрамъ. Всѣ стоятъ радомъ, Памфилъ въ передній. — на него и натакался право. Спрашиваетъ у него Памфилъ: — Што зачѣмъ ты пришелъ? — Онъ ему отвѣчаетъ: — Царь протуральскій осмѣняется спросить: кто вы такіе, царь-ли царевичъ, король-ли королевичъ, или сильные могучіе богатыри, или изъ какихъ земель грозный посоль, или на моихъ дочерей свататься? — Рѣчь кончилъ министръ, онъ сейчасъ хлестнулъ его въ щеку и въ другую. Отвѣчаетъ ему Памфилъ: — Отвѣчай ты своему королю протуральскому: я ни царь ни царевичъ, ни король королевичъ, ни сильные могучіе богатыри, ни изъ какихъ земель грозный посоль на его дочерей свататься. Вы однако, слыхали,— говорить, что я сущій самый вотъ Памфилъ и пріѣхалъ у теба три вещи взять: кобеля борзатаго, сокола златокрылатаго и коня семиногога. Такъ и кланься! — Приходитъ, обращается министръ своему королю Протуральскому и объясняется, что онъ это ему наказалъ. Собираетъ онъ весь свой сенатъ и сочинилъ совѣтъ, что будемъ дѣлать, что такое приступленіе хотять дѣлать. Потомъ сколько совѣтъ у нихъ былъ, никакое приложене не могъ сдѣлать. Этотъ самый министръ ему и присовѣтовалъ, что, ваше царское величество, вотъ какъ сдѣлаемъ: выборонимъ землю и изловимъ ихъ родъ западнень и закроемъ ихъ сверху и хрущатымъ пескомъ засыплемъ. Куды онъ долженъ дойти? — Значить сенатъ и король на его мнѣніе положилъ такъ сдѣлать. Сейчасъ распорядились, надѣлали западни, насыщали ихъ по этимъ западнямъ и засыпали ихъ хрущатымъ пескомъ. Ну,

сохранили; дѣло это осталось до вечера, до положеннаго вѣра ложиться спать, всѣ городу улеглись. Тамъ онъ, значить, разузналъ по часамъ, какъ ему вѣра собираться.— Что,—говорить,—товарищи, коней захватайте и засѣдлите, поѣдемъ королю гости.— Товарищи его, значить, что онъ приказываетъ, все исполняютъ, какъ онъ надъ ними старшій.

Сейчасъ коней поймали и обсѣдали. Пали на лошадей, пріѣхали самой дворъ. (Стоять часовой. Онъ сейчасъ съ лошади спустился. Нѣкакъ ему воротами войти. Черезъ заплоть перелѣзъ. Сейчасъ тотъ разъ вытащилъ пистоль, часовому хлопъ, пулю въ лобъ и убилъ его тутъ.)

Ворота отперъ, сотоварищей своихъ всѣхъ выпустилъ: въѣжайте, сотоварищи! (Стать ходить по двору; ходилъ и ходилъ, узналъ, гдѣ конь семиногой, какъ плюнулъ. Сказалъ:—Што ребятушки, ройте, копайте, здѣсь конь семиногой. Сейчасъ товарищи его вырыли эту западню и достали коня. Потомъ походилъ по двору и узналъ, гдѣ кобель борзой западнѣ. — Что,—говорить,—здѣсь копайте! — И това вытащили. Потомъ пошелъ по двору и нашель, гдѣ соколъ златогривой, и его достали. — Ну, сто ребятушки, мои сотоварищи, намѣреніе было украсти эти три вещи, — мы ихъ достали. А какъ же мы должны такъ ѣхать? У короля во дворѣ погуляли, а у самого не побывали. Ну,—говорить,—вы ребятушки меня здѣсь подождите, а я схожу къ королю. что онъ,—говорить,—дѣлать, чѣмъ заниматься? И пошелъ по всѣмъ заламъ, послѣдній кабанецъ пришелъ: въ сторонѣ спальня. Само у дверей свѣтъ горитъ; само у дверей сидитъ сказельникъ сказку сказывать королю, въ тотъ разъ само угодилъ. Тотъ разъ, значить, сказельникъ хотѣлъ скрычь, не усилъ скрычь, онъ тотъ разъ щелкнулъ его въ лобъ и убилъ его сразу. Сидѣлъ сказельникъ на сохвѣ, онъ сейчасъ сказельника подъ сохву: на то мѣсто слял самъ. Тотъ разъ, значить, король уснываетъ, вдругъ какъ тамъ что щелкнуло, онъ пробуждается.—Чего,—говорить,—ты не сказываешь? Ты берешь кату.

—Да что,—говорить.—ваше царское величество вы заснули, я,—говорить,—замолчель. Што,—говорить,—ваше королевское величество, я вамъ новую сказку скажу. — Ну, сказывай! — Ладно. — И сталъ онъ сказывать про себя самъ, какъ пріѣхалъ, какъ министръ булъ, какъ вещи укралъ, все сказывать, а король дремлетъ, ему все не въ память. Наконецъ това король крѣпко уснулъ, онъ вышелъ, пришелъ своимъ сотоварищамъ, пріѣхалъ своимъ натрамъ. Шатры скатали, склади на лошадей, тамъ побѣжали своему королю и эти вещи у нихъ съ собой. По утру король всѣ въ городу стали, хватились, западни всѣ вырыты и вещи яшту. (То будетъ дѣлать? Король опять весь свой совѣтъ собралъ, что Памфилю эти три вещи украсть. Войско послать, страженіе дѣлать, только.—Этотъ министръ говоритъ:—Нѣтъ, ваше царское величество, напишите лучше почту королю индѣйскому, что вотъ дескать ваши человекъ мои вещи укралъ, пусть предоставитъ; а если не предоставитъ, тогда можно страженіе дѣлать.—Сейчасъ король, значить, на его инѣние опять дался, сейчасъ почту написалъ, направлятъ. Король индѣйскій получилъ почту.—Твои люди ѣздили, вещи обратитъ! а если не обратитъ, то стражаться будемъ. Принялъ почту и читаетъ. Тотъ разъ Памфила не былъ. Вдругъ является, входитъ въ его кабанецъ.— Да что,—говорить,—ваше царское величество, что это читаешь?—Да вотъ,—говорить,—что послано отъ короля протуральскаго, посмотрите, что написано.—Взялъ съ его руки, осмотрѣлъ бумагу. Сейчасъ на той бумагѣ на оборотѣ отписывается:—Моего короля не задѣвай, онъ не причемъ. Я у твоего короля булъ, самъ ѣздилъ, самъ укралъ три вещи, самъ буду, съ тобой расплачуся. Только не назначилъ, которо вѣра ему быть, какой день. Тотъ, значить, обращается назадъ. Значить, король запечалился. — Ахъ,—говорить,—Памфилю, теперь ты поѣдешь, живъ не будешь; а возьми лучше нѣсколько тысячъ войска.—А не нужно, ваше царское величество; попустому избить. Которые мы ѣздили, тѣ же самые мы и поѣдемъ. — День сподоблялись, и другой и третій, выѣхали, побѣжали къ этому королю протуральскому, гдѣ они первый разъ остановивались саду: томъ же мѣстѣ остановились. Нихто ихъ не видалъ и не слыхалъ, вечеромъ поздно тоже и разстали тринадцать шатровъ бѣлыхъ полотняныхъ. По утру король стаетъ, выходитъ во вѣтру, смотритъ черезъ заплоть, опять усомнился: кто такіе? Царь-ли царевичи, король-ли королевичи, или сильные могучіе богатыри, или изъ какихъ земель грозный посоль-

или на моих дочерей свататься? Приходит этот министр, на него же опять на-
такался. Спрашивает: — Чего министр, почему пришел? — Отвѣчает: — Король
протуральскій осмѣливается спросить, кто вы таки: — Царь-ли царевичъ, король-ли ко-
ролевичъ или сильные могучіе богатыри, или изъ какихъ земель грозный посоль,
если на моихъ дочерей свататься? Какъ объяснился, сейчасъ Панфиль его въ щеку и
изъ другую. Кланялся, министръ, своему королю дураку: я ни царь ни царевичъ, ни ко-
роль ни королевичъ, ни сильный посоль на его дочерей свататься. Я тотъ самый суцій
Панфиль, что три вещи укралъ. прѣхать этѣка съ тобой расплатиться. — Вотъ какъ
похвастывать. Ушелъ, своему королю, объяснился: — Что, — говоритъ, — я тотъ самый су-
цій Панфиль, который три вещи укралъ. — Что же дѣлать, что же дѣлать, что же дѣ-
лать? — Стали совѣтывать, стали совѣтывать, стали совѣтывать. Войско послать — что зна-
чить они сами на себя какую надежду имѣють, войско не состоитъ. Что же дѣлать?
Какой предлогъ? Стали совѣтывать. Этотъ же министръ тоже даетъ ему совѣтъ: — Ваше
корольское величество, вотъ что сдѣлаемъ: у тебѣ есть три дочери. Пусть твои стар-
шая дочь сдѣлается, какъ имениница и позводемъ ихъ на завтрашній день на закуску,
не можетъ-ли она его прознать. — Она была знатливая. — Больше никакого мѣнѣе не
могу признать. А только такъ возможно, какъ бы его прознать и захватить. Король на
его мѣнѣе положился, такъ-то и сдѣлалъ. Сейчасъ, значить, по утру встають, собира-
ють со всѣхъ сторонъ съѣздъ и министръ, значить, пошелъ по этихъ людей. Объяс-
няется: — Просить васъ королевская дочь, — сегодня день андела ей, — поздравить! — Хорошо,
съ полнымъ удовольствіемъ сейчасъ ѣдемъ. Што, ребатушки, хватайте лошадей, обѣд-
лайте, — насъ въ гости зовуть! — Сотоварищи сейчасъ лошадей поймали, обѣддали, разное
вооруженіе, какое было, похватали, пали на лошадей и прѣѣзжаютъ прямо во дворъ. Спусти-
лись съ коней, коней не связали и не приказали, пустили на волю. Сами обращаются, вохо-
дятъ. Сейчасъ принимаютъ, стрѣчаютъ ихъ, садятъ ихъ всѣхъ шириной радомъ, а онъ, зна-
чить усялся въ самое стрѣдину. Это сейчасъ дѣвушка и стала угощать. Разъ обнесла, не
могла прознать; третій разъ, значить, обнесла и признала, что онъ въ самой середкѣ си-
дитъ; четвертый разъ черезъ его плечо стада подавать и успѣла на затылокъ серебряной
волосокъ приплести. Онъ не слышалъ и товарищи не видали. (Вотъ ужъ хитра!) Нѣсколько
время сидѣли, бесѣдовали, потомъ стали изъ-за стола, Богу помолились, хлѣбу-солю побла-
годарились. Сили по мѣстамъ. — Сто, господа, можно-ли до вѣтру сходить, провѣтрить самыхъ
себя. — Да можно. — Сейчасъ вышли всѣ тринадцать человѣкъ. Вошли во дворъ и за
дворъ. Говорить ина Панфиль: — Что, ребатушки, посмотрите меня на округъ, нѣтъ-ли
какой примѣты? — Сейчасъ товарищи на него взглянули, нашли у него на затылкѣ сере-
бряной волосокъ приплетенный. — Да, — говорятъ, — есть на тебѣ замѣтка, чего прежде
не бывало, серебряный волосокъ. — Это, — говорятъ, — ребатушки, пустое. — Взялъ по
головкѣ ихъ погладилъ: у всѣхъ по серебряному волоску. Сейчасъ обратились, вошли,
сали по мѣстамъ, конковыя трубки коныхали. Сказали, что можно расходиться. — Да,
можно, — говорить. Что, — говорить, — другъ любезный, котораго ты признала, подходи-
ка. — Сейчасъ дочь подходит и говорить ина: — Что, господа, — говорить, — станьте всѣ
радонъ, я васъ осмотру. Сейчасъ со свѣтомъ посмотрѣла: у всѣхъ по серебряному во-
лоску. Потерала. Какъ она его найдетъ! — Да, — говорить, — напаша, хотя я его и при-
знала, а онъ, значить еще мудронѣе меня. — Сейчасъ это середняя дочь говоритъ: — Что, —
говорить, — господа, я завтра имениница, просимъ покорно! — Хорошо, — говорить. — За
кресты и воиъ пошли. Сейчасъ вышли, пали на лошадей, прѣѣзжаютъ къ своимъ ша-
трамъ: лошадей расѣдали, отпустили, сами расположились на споконъ. По утру стали,
время настало, сейчасъ стали съѣзжаться, собираться. Послали министра. Говорить: —
Время настало, просить васъ королевска дочь побесѣдовать. — Хорошо, сейчасъ. — Сейчасъ
лошадей товарищи обѣддали, всю свою сбрую собрали, пали на лошадей и прѣѣзжаютъ
къ королю во дворъ. Спустились съ лошадей, лошадей не приказали, не связали. Вохо-
дятъ. Эта имениница ихъ и стрѣчать, эта дѣвушка. Садятъ ихъ опять радонъ шири-
ной. Онъ, значить, между двумя человѣками третій на краю саль. Эта дѣвушка стала
опять ихъ угощать. Разъ обнесла, два обнесла, третій разъ его узнала, что гдѣ онъ.
На четвертый разъ черезъ него понесла подавать и на тотъ разъ успѣла на самое чимо
златой волосокъ приплести. Онъ не слышалъ и товарищи не видали. Нѣсколько время

они бесѣдовали, бесѣдовали, потомъ, значить, стали изъ-за стола, Богу помолились. хлѣбу-солю поблагодарились, сяди по мѣстамъ.—Ну, што робатушки, нужно до вѣтру сходити!—Сейчасъ вышла во дворъ и за дворъ.—Што, робатушки, посмотрите на меня нѣтъ-ли какой примѣты на мнѣ?—Товарищи сейчасъ зглянули на голову, увидѣли: на головѣ золотой волосокъ приплетенный.—Да, говорятъ,—есть у тебѣ замѣтка, золотой волосокъ приплетенный.—Это,—говорить,—робатушки, пустое.—Вааль, по головкѣ мнѣ погладилъ, у всѣхъ по золотому волоску. И назадъ обратились. Сяди по мѣстамъ, трубки пенковы поыхали.—Нутка што дочка любезная, подходи, котораго ты признала. Сейчасъ подошла.—сидятъ всѣ рядомъ,— глаза обвела да, у всѣхъ по золоту волоску.— Да,—говорить,—батюшка любимый, признала да не совершенно. Я мудрена, а онъ еще мудронѣй.—Ну, значить, пали на лошадей, прѣехали къ своимъ шатрамъ, лошадей распустили, сами расположились. Сейчасъ дочь младшая подходитъ.—Что батюшка любезный, пускай завтрашняго числа я имениница; созовемъ ихъ.—Ну,—говорить.—дочь любезная, постарайся! Ты не признаешь, намъ никакъ его ни понять.—Поутру, значить, эта дѣвушка обострожилась, такое мнѣніе положили, что сводни день сѣнаго андела. Созвали съѣздъ, собрали сборъ, сейчасъ посылають этого самого министра. —Королевская дочь, сегодня день ея андела, поздравить, побесѣдовать.—Сто же, товарищи мои, можно-ли ѣхать?—Ну,—говорить, твое какъ мнѣніе.—А не ѣхать нельзя. Они своей хлѣбомъ содежь не дорожатся, и мы какъ умомъ станемъ дорожиться. Ѣхать надо, отказаться нельзя.—Сейчасъ товарищи коней поймали, осѣдлали, всю сбрую собрали. пали на лошадей и прѣзжаютъ ко королю во дворъ. Спустилися съ лошадей, коней не свизали, не приказали, входятъ. Стрѣчаетъ ихъ дѣвушка съ чествомъ и съ радостью. Сейчасъ садятъ ихъ рядомъ. Онъ сѣлъ на край, на послѣдній стулъ. Значить, дѣвушка (въ) первой пошла отъ внутреннаго конца, до дверей дошла, сразу его признала, что онъ, значить, на послѣднемъ стулѣ сидитъ. Какъ разъ какъ плюнула. Разъ обнесла. второй разъ обнесла и въ третій черезъ его плечо стала подавать и успѣла тошеньку булавочку подъ рубашешной воротникъ подсунуть. Что онъ не слыхалъ, товарищи не мидали. Нѣсколько времени бесѣдовали; отбесѣдовали, стали изъ-за стола, Богу помолились хлѣба-соли поблагодарились, разговоръ поимѣли. Сякое разное. Вышли во дворъ и за дворъ.—А что, робатушки, посмотрите на меня, нѣтъ-ли какой замѣтки?—(Стали слезтрѣть, стали искать, чисто ничего найти не смогутъ. А онъ знаетъ, что есть замѣтка.— Ну,—говорить,—робатушки, знаю, что есть замѣтка на мнѣ; только незнаю а-гдѣ. Ну,—говорить,—робатушки мои, тепера, значить, я попался; меня,—говорить,—захватятъ и сразу меня посадятъ въ тюрьму. Завтрашней день меня будутъ казнить: а я—говорить,—вась оправдаю. Я,—говорить,—вась оправдаю. Вы,—говорить,—поѣзжайте, шатры скатайте, уѣдьте, дальше этого мѣста есть садъ, тамъ расположитесь, шатры раскиньте, коней распустите, сами расположитесь на роздыхъ. Завтрашняго дня числа въ такомъ-то часу слушайте: можетъ быть въ двѣнадцать часовъ для счастья моего заиграють въ рожокъ. Заиграють,—говорить,— въ рожокъ, въ тотъ разъ вы коней поймайте и и осѣдлайте. Второй разъ черезъ короткое врѣмя заиграють въ рожокъ, вы,—говорить,— садитесь на лошадей, прѣзжайте подъ самый городъ заплотъ. Потомъ,—говорить,— слушайте, можетъ, третій разъ заиграють во рожокъ, вы,—говорить,—пересказывайте черезъ заплотъ. Кто,—говорить, вамъ попадетен, сѣките и рубите и палите (Значить, все тутъ у нихъ будетъ). Тотъ разъ я сумѣю, что сдѣлать тогда; только не робѣйте.— Хорошо. Значить вошли, сяди, нужно расходиться.—Ну что,—говорить,— другъ любезный, котораго ты признала?—Сейчасъ она глазъ обвела, признала его и на него плюнула. Сейчасъ король подходитъ:—Ты-ли,—говорить, Памфилъ?—Я-то и есть самой сущій.—Ты-ли, говоритъ,—три вещи у меня украдь?—Да.—Сейчасъ его захватили.— Ну что, ваше королевское величество, я передъ вами виноватъ, воля ваша власть, что хотите, что знаете, изъ меня дѣлайте. Но только товарищевъ моихъ распустите. Они невинновы ни къ чему; я надъ ними старшій, что прикажу, то и дѣлають. Ты надъ своимъ сенатомъ тоже старшій, что прикажешь, то и дѣлають; тоже и я.—Тутъ, распустили.—Да, дѣйствительно такъ; можно ихъ и распустить.—Сейчасъ онъ съ ними распростился на вѣчную жизнь. Товарищи его пали на лошадей и поѣхали; а его значить, забрали въ тюрьму. Товарищи его сейчасъ прѣехали въ садъ, шатры сляли, съ-

тали; уѣхали. Приѣхали на то показанное мѣсто. Сейчас лошадей роспустили, шатры поставили, расположились на покой. Утро, день стали, собралъ весь свой сенатъ, дѣлаеть предложеніе, какую же ему смерть, казнь доспѣтъ? Не могли сказать, предложенія сдѣлать, какую ему смерть сдѣлать, какую касть. Этотъ министръ и говоритъ:—Ваше царское величество, надо у него спросить, какую онъ себѣ смерть, касть желаетъ, ту и предадимъ.—Такъ-то и есть можно спросить. Поди же ты, министръ, спроси же у него, какую себѣ смерть пожелаетъ. — Сейчас министръ подходитъ къ оконечку и называетъ его:— Памфиль?—Я за него. Что тебѣ нужно?—Король объясняется, осмѣливается у васъ спросить, какую себѣ смерть, касть желаетъ? Ту и предадимъ.—Если король объясняется, спрашиваетъ, какую смерть касть,—благодаренъ считаюся. Я объяснюсь. Клавдия королю протуральскому и сказывай:—Очень и благодаренъ и очень и радъ. У себя,—говорить,—во дворцѣ среди двора пусть поставитъ столбы золотые и пусть повѣситъ петлю золотую, вторую рѣль пусть поставитъ столбы серебряные и повѣситъ петлю серебряную, третью рѣль, столбы були бы простые, петля пеньковая. Желая я на трехъ казняхъ казниться. Первая рѣль не удѣржитъ, вторая и третья удѣржитъ меня.—Ну, хорошо. Приходитъ министръ, объясняется своему королю. Сейчас распорядились сдѣлать три казни, три рѣли, по его словамъ сейчас исправили, какое время сейчас пошли, вывели его изъ тюрьмы. Ведутъ его на первую рѣль на золотую, онъ не говоривши ни слова, ни рѣчей, идетъ къ рѣли и не ослѣдившись, восходитъ на лѣстницу; три ступени ступилъ, и сказалъ:—Ваше царское величество, лишенія бѣла свѣта позволите на одну просьбу мою. Когда я молодъ былъ очень, очень я охоту имѣлъ. Позвольте меня стаканъ меду подать, рожокъ заиграть. Кого люблю, того рожкомъ подарю.—А некогда, — говоритъ, — тебѣ Памфиль время провождать и игру сочинять. Ступай, куда принадлежить.—Стала старшая дочь просить:—Батюшка, пусть играть, кака есть игра, въ рожокъ, а мы послушаемъ. Теперь онъ въ нашихъ рукахъ; куда же долженъ онъ сбѣжать?—Не гни онъ Памфила, а въ уваженіе дочери позволялъ онъ ему сыграть во рожокъ. Сейчас поднесли ему стаканъ меду. Выпилъ вытасилъ изъ карману рожокъ и заигралъ и такъ заигралъ, что по всей сендухѣ ¹⁾ разнеслось. Такъ этимъ дѣвушкамъ эта пѣсня поглынулася. Ахъ, думаютъ, кабу онъ поигралъ больше. Ну поигралъ, ищелталъ. Товарищи его коней поимали, обсѣдали. Потому передъ на три ступени ступилъ, опять остановился.—Что ваше царское величество, уважьте мою послѣднюю просьбу, прикажите стаканъ мѣду подать и въ рожокъ заиграть. Кого люблю, того рожкомъ подарю.—Некогда тебѣ, Памфиль, время продолжать, игру сочинять. Иди, куда принадлежить. — Сейчас это середняя дочь стала просить:—Батюшка, не гни его, а гни меня пусть играть. Онъ теперь въ нашихъ рукахъ. Куда уйдетъ?—Не гни Памфила, гни дочери уважить. Подали ему стаканъ меду и въ рожокъ заиграть. Проигралъ игру, а товарищи услышали, нали на лошадей, подъ самой подъ заплотъ приѣхали въ городъ. Никто ихъ не видалъ. На послѣднюю ступню ступилъ, остановился:—Что ваше царское величество, хочу проститься съ бѣлымъ свѣтомъ, со всѣми вами, съ друзьями пріятелями (въ) послѣдній позволите рожокъ поиграть. Кого люблю, того рожкомъ подарю. Не гни уваженіи Памфила, гни уваженія дочери.—Ну, дочь любезная, для тебя, какъ ты есть признала.—Умножился породъ во дворѣ, великъ, широкъ, сталъ полонъ. Смотрать эта на него, какъ онъ казниться станеть. Поднесли ему стаканъ сладкаго напитку; выпилъ; рожокъ досталъ, заигралъ. Только заигралъ, товарищи его перескочили заплоты, эту армію давай сѣкти и рубить. Только крикъ и ревъ пошелъ. Король испужался, что такое, во всѣхъ мѣстахъ люди кричатъ. Онъ сей часъ съ рѣли спустился. Тотъ разъ онъ скочилъ съ рѣли. Король услышалъ такой крикъ, онъ растерался. Между тѣмъ Памфиль подходитъ къ нему.—Что ваше королевское величество, что ты стоишь? Послушай-ка, какъ моя воробья твою синицу стали клевать.—Закричалъ онъ такимъ страшнымъ голосомъ:—Эхъ, робаты, моп воробьи, подѣзжайте ка сюда!—Товарищи его услышали, подѣзжали.—Ну, спускайтесь съ лошадей, короли вѣшайте на золоту рѣль, королевну на серебряную министра на пеньковую.—О, сейчасъ это дѣвушки его на округъ захватили, стали со слезами его просить, что не вѣшать, ни казнить.—ну, хорошо дѣвушки, развѣ для васъ,

¹⁾ Поле, пустыня.

выпросите. И, дѣло приходило, вы тоже упранивали, и я васъ тоже уважу, только не такъ. Што ваше корольское величество думаете, я сейчасъ то округу твою всю испльню, духу вашего не будетъ. Живо съ тобой распорядюся. Наставлю своихъ воробьявъ прямо синицу всю исслевать за то, што ты поступилъ со мной не честно. Ну, съ тѣмъ согласуся, дай мнѣ такое заключеніе, запись, пойдешь-ли въ подданство. Если пойдешь, дай мнѣ заключеніе запись, и предоставлю еѣ своему королю Индѣйскому. Будешь-ли платить каждой годъ моему королю индѣйскому по мильѣну въ годъ. Если дашь заключеніе, то не буду тебѣ плънить, а не дашь, сейчасъ, — говорить, — испльню. — Ну, подумаль, подумаль король Протуральскій, что никакой огненный бой готовой нѣтъ, ничто не обострожено, — испльнять. Что лучше же идти въ подданство, дати такое заключеніе—каждой годъ по мильѣну въ годъ. Далъ заключеніе письменное платить, посылать каждой годъ по мильѣну, взявъ всёхъ въ одинъ кругъ, подданство заключилъ и все положилъ мильѣне, данъ отобралъ. Оставилъ ихъ. Садятся на лошадей, бѣли да нѣту. Пріѣзжаетъ королю индѣйскому, что дѣло царство на кругу подъ подданство привелъ. Съ этой радости царь выдалъ за него дочь и послѣ его смерти долженъ онъ быть ему наследникомъ. Конецъ.

Записано въ Показской деревнѣ по рѣкѣ Колымѣ отъ мѣщанина *Ивана Кузаконъ*.

Д и в о.

Жилъ былъ московскій купецъ и захотѣлъ онъ поѣхать въ иностранскіе города, за далекія моря свой товаръ показать, и чужой товаръ закупить.

Будо у него три дочери и жена. Одна дочь говорить:—Привези мнѣ, батюшка, гостинецъ: золото кольцо на мизинецъ! Другая говорить:—привези мнѣ, батюшка, сдѣлай ласку, золоту парчеву повязку! — Третья дочь говорить:—привези мнѣ, батюшка, обновку, шелковой платокъ на головку,—а жена говорить:—привези мнѣ диво. Поѣхалъ онъ, пріѣхалъ въ иностранскіе города, за далекія моря, свой товаръ продалъ, чужой закупилъ. Дочерямъ купилъ, первой дочери гостинецъ, золото кольцо на мизинецъ, другой ласку, золоту парчеву повязку, третьей дочери гостинецъ, шелковый платокъ на головку. Хочетъ домой ѣхать, вдругъ вспомнилъ:—Жена просила привести диво.—Гдѣ я возьму? надо сыскать!—Идетъ по улицѣ: навстрѣчу ему человекъ: на всемъ кафтанѣ на округу мѣста нѣту, куды перстикомъ ткнуть, все кругомъ заплатки. — Здравствуй,—говоритъ Московскій купецъ!—Здравствуй, господинъ заплаточникъ!—Когда домой путь держишь? Да вотъ совсѣмъ собрался, да жена просила привести къ ней диво!—По городу хожу, его ищутъ:—Да,—говоритъ,—вамъ нужно?—Какже, говорить,—нужно!—Ну пойдёмъ ко мнѣ! Пошли они, пришли въ его домъ, поклонны иконамъ отдали, поздоровались.—Ну, говорить,—что, жена? ужна готова?—Какже, готова.—А гуся на жаркое жарила?—Какже, жарила!—Ну садёмъ за столъ!—Сяли за столъ, поужали. Привосятъ гуся на желтзной сквордѣ, а гусь не рушеной, а гусь не кроеной—только шерсть то на немъ нѣту.

Взялъ хозяинъ ножичокъ, въ разныхъ мѣстахъ искрошилъ его, положилъ на сквороду.—Ну, говорить,—гостю: «ты»—Гуся то ѣшь, косточки объѣдай, а косточки поймай, самъ на столъ всё клади!—Ну хорошо. Съѣли они гуся всего, косточки на столъ положили.—Ну, говорить, ты хотѣлъ диво,—вотъ тебѣ диво!—А!—говоритъ московской купецъ,—какое это диво? У насъ самихъ кормленки много. Бувакътъ гуси на Святой Руси!—Нѣтъ,—говоритъ,—бувакътъ гуси и гуси!

Сдернулъ онъ скатерть за углышекъ, косточки на полъ сбросилъ, гусь закричалъ, да пошелъ.—Охъ,—говоритъ,—вправду это диво, нельзя-ли мнѣ купить?—можно!—говоритъ!—А чего стоитъ?—Триста рублей.—Вынулъ эта московской купецъ деньги, расплатился.—Ну! говорить заплаточникъ, господинъ гусь! Вотъ тебѣ цовный хозяинъ! ты за нимъ иди! Чего станеть приказывать, ты слушайся!

Ну хорошо. Пошелъ московской купецъ домой, гусь за нимъ. Пришелъ домой, на утро встали, налц на каравъ, побѣжали. Пришелъ купецъ домой, дочерямъ отдасть подарки, женѣ ничего.—Ахъ,—говоритъ жена—другъ любезной, ты какъ мнѣ ничего и

привезь? — Нѣтъ, — говоритъ—ты просила привезти тебѣ диво—вотъ тебѣ диво.—Это какое диво.—Гусь? У меня самой карменки много. Бувають гуси на святой Русь! — Нѣтъ!—Говорить, — бувають гуси и гуси!.. Что, — говоритъ, — печка горячая? — Только, говоритъ, исполена! — Эй, — кричить, — гусь! ступай въ куть! Пошелъ гусь въ куть. — Эй, гусь! ложись на сковородку! Гусь сейчасъ ножки да крылышки свернулъ, лягъ.— Поставьте его въ печь! — Поставили его въ печь, жена и говоритъ. — Ой, другъ любезной! вѣдь онъ съ шерстью, будетъ отъ него смрадъ! — Не твоя забота! — говоритъ—никакой смрадъ не будетъ!

Сяли обѣдать; пообѣдали. На послѣдахъ говоритъ: — «принесите гуся!» Принесли гуси на желѣзной сковродѣ. Вотъ гусь некроеной, вотъ гусь нерушеной, только шерсть на ѣмъ нѣту. Взялъ онъ ножичокъ, изрѣзалъ гуся, по всѣмъ мѣстамъ.—Ну, — говоритъ, гуся ѣшьте. косточки обѣдайте, а косточки не ломайте, а всѣ на столъ кладите! — Поѣли они гуся, онъ скатерть за углышекъ со стола сдернулъ, гусь закричалъ да пошелъ: Жена въ ладошки захопала. Правда, — говоритъ, — диво! да и великое диво! — Ну, — говоритъ, — гуся береги, да не всякому про него сказывай!

Ну ладно. А повамъ купецъ ѣздилъ, былъ у этой бабѣ заведенной дружокъ. Купецъ въ лавку пошелъ, дружокъ на порогъ. Сяли они, стали разговаривать. — Ну, — говоритъ, — какой мужъ тебѣ гостинецъ привезъ? — Гостинца говоритъ не привезъ, а привезъ мнѣ диво? — А какое диво? — А вотъ — говоритъ. — ходитъ гусь. — Какое это диво? У насъ у самихъ кормленки много. Бувають гуси на святой Русь! — Нѣтъ, — говоритъ, — бувають гуси и гуси А этого, — говоритъ, — гусь, самъ на сковородку ложится, самъ и жарится, послѣ ѣды цѣлой буваецъ! — Можно ли повѣрить това? — говоритъ молодецъ! — никто не повѣритъ! — Она увѣрять, она увѣрять. Онъ не вѣрять. — А ну, — говоритъ, — покажи, какъ это онъ самъ на сковороду ложится, самъ и жарится, послѣ ѣды цѣлой бувать! — Вотъ она не долго думала, вышла на кухню. — Эй, гусь! — кричить, — ступай въ куть! — Гусь сидитъ. Въ другой разъ кричить: — Эй, гусь! — Ступай въ куть! — Гусь сидитъ. Въ третій разъ кричить: — Эй гусь! ступай въ куть! — Гусь сидитъ. — Оскорбилась она на гуся, схватила сковородникъ — рука прильнула къ шеѣ, руки къ сковороднику. — Ой — кричить, другъ любезной! Чего-й-то сталось; иди, отдѣлай руку! — Пришелъ молодецъ, сталъ отдѣлять и самъ прильнулъ! Кликнулъ своего холопа. — Иди! — Кричить, — отдѣлай руку! — Пришелъ холопъ и тоже прильнулся. Повернулся гусь, пошелъ на дворъ. Они ушпаться. Нѣтъ, братъ, не тутъ то було! Такъ и тащить. Вытащилъ ихъ на дворъ, потащилъ ихъ по улицѣ, близъ лавку дошелъ, закричалъ. Купецъ услышалъ. — Ой! — Говорить, — это мой гусь кричитъ! — Вышелъ, посмотрѣлъ, а гусь ихъ всѣхъ тащить — Гусь! — Кричить, — поворачивай домой! — Поворотилъ гусь домой, привелъ ихъ въ домъ, купецъ за нимъ. Дверь на запоръ. — Гусь! — кричить, — распусти! Сковородникъ упалъ и руки отстали. — Ну, молодецъ! Говорить купецъ — ты почего пришелъ? — Съ вами повидаться! — Какъ это повидаться? Ходишь ты безъ меня, какъ это чужія рѣдкости смотришь? — Вынулъ отъ плетъ, сталъ гостя охаживать, колотилъ, колотилъ, его отпустилъ, за жену принялся. Не такъ угостилъ, что она три мѣсяца немогла. Съ той пары баба ужъ боялась гуся слова сказать.

Записана въ д. Каретовой на нижней Колымѣ отъ мѣщанина *Михайла Кудря*.

Морской поскакунчикъ.

Живали, бували старикъ со старухой. У нихъ два сына. Большой сынъ-огъ большой сталъ. Отецъ заставилъ его топоръ точить. Тотъ топоръ точилъ, точилъ, брусъ переломилъ. Брусъ переломилъ; началъ отецъ его бить пальменнымъ ¹⁾ ратовемъ. Дорукъ выломалъ ратове. Эготъ сынъ его со злости меньшому братишку сталъ лучокъ, да тамарчикъ дѣлать. Лучокъ да тамарчикъ доспѣлъ. — Если ты тословать станешь, этииъ лучкомъ да тамаричкомъ стрѣлай! — Самъ пошелъ. Шелъ, шелъ, долго-ли, ко-

¹⁾ Пальмъ, короткое копье.

ротко-ли, вечеръ сталъ. Меньшой парнишко заплакалъ. Отець говоритъ: — Пошто плачешь? — Я, — говоритъ, — батѣ ¹⁾ тоскую. Батя куды ушелъ? Батя говорилъ: я далеко уйду, долго не буду. — Старикъ на старуху сказалъ: — Старуха, привнеси мой обуй! — Та принесла ему обуй. Онъ надѣлъ обуй, погонилъ сына. Гонилъ, гонилъ сына. Сынъ шелъ, шелъ, лѣсъ только сталъ, вышелъ на тундру. Старикъ вышелъ на тундру, на лѣсиву послѣднюю попалъ, сталъ ревѣть, — у сына только пустой паръ видить, пустой паръ видить и сталъ вричь: — Сынъ мой, воротись, воротись! Не ворачивася, такъ хоть ты послушай! — Сынъ его остановился, сталъ слушать. — Ну, — говоритъ, на морѣ ты выйдешь, черезъ моро пойдешь, станеть моро ломать, станешь ты съ лезину на лезину скакать, по ту сторону мора дойдешь, только у тебѣ сила станеть, черна изъ-подъ нутра послѣдня ледина выплывет, на нѣи какъ-вибудь скачи. Какъ-нибудь на нѣи скачи, да говори: «Сто ледина, ледина, довеси мене до берегу!» Не бойся! Перейдешь черезъ моро; выдешь на берегъ, хоть пѣтишечка ²⁾ прилетитъ, (в)се убивай, да ѣшь, (в)се сладко будетъ; хоть кукша ³⁾ прилетитъ, (в)се убивай да ѣшь, — (в)се сладко будетъ. Не бойся, за моромъ олени по человѣчьи бають.

Вотъ дослушалъ отца, пошелъ. Шель, шель, шель, шель, на моро вышелъ, черезъ моро пошелъ, стало моро ломать. Сталъ онъ съ ледина на лезину скакать. Ледина на лезину скакалъ, скакалъ, скакалъ; обессилился. Изъ-подъ нутра черна ледина выплыла; коѣ-какъ на нѣи скакнулъ. Стадо лезину нажимать, да нажимать, на сухой берегъ вытолкало. Едва онъ вышелъ, то ись весь перемокъ, лопать развѣшалъ, лежить самъ у огоньчика; (в)другъ пѣтишечка прилетѣла. Лукъ онъ схватилъ, эту пѣтишечку убилъ: эту пѣтишечку убилъ, вытербилъ. На рожончикъ ии поставилъ. Жарилось, жарилось, кругъ рожончику пуста пѣна только осталась. Вросилъ рожончикъ, говоритъ: Пѣтишечка, такъ пѣтишечка и есь. Кавѣ у нѣи и исти-то? На умъ ему пало: отецъ на-казувалъ сто? Этотъ рожончикъ схватилъ, сталъ пѣну исти кругомъ рожончику, такая очутилась баранья грудина, жирная, только держись. Онъ поѣлъ и лежить, отдыхать. Прилетѣла ему кукша. Схватилъ онъ лукъ, стрѣлилъ, еѣ убилъ. Убилъ ии, вытербилъ: поставилъ опять на рожки на жаркое. Самъ заснулъ. Пробудился: на рожки такъ ниhto нѣту, пуста опять пѣна. Взялъ, бросилъ и говоритъ: чево ии исти-то? Какая то ѣда? — Жжалъ, лежалъ: на умъ ему пало опять отцовскія рѣчи. Сталъ исти: (в)другъ очутилась такой бараній бокъ жирной. Отдохнулъ онъ, услышався, собрался, пошелъ. Шель, шель, услышалъ: люди бають, дѣвушки бають, — слышно. Одна и спра-вять: — Сестра, — говоритъ, — ты а идѣ свою скобельву доску ⁴⁾ покинула? — Я вотъ, — говоритъ, — на хребтѣ-тѣ покинула. — Друга-то у нѣи спросила: — «Ты а идѣ свой шивальной мѣшокъ ⁵⁾ покинула?» — «Покинула я, — говоритъ, — подъ камнемъ. Этта вотъ!» — Онъ запалъ, смотреть. Увидѣлъ: важеночій табунъ идетъ. Выбралъ важенку хоро-шую, потянулъ лукъ на нѣи, стрѣлилъ. Вдругъ засакакала. — «Йо, бокъ болить, о, бокъ болить у мене!» — (стрѣлялъ, убилъ ии. Взялъ ии, опустилъ, разбилъ какъ слѣдуетъ, масо, развѣсилъ къ огню, штобу подсохло. Жирное мясо развѣшалъ, которое, какъ могъ самому себѣ — штобу поднясти, увести, подсушилъ, завязалъ въ постелю, понесъ самъ себѣ на подорожну. Скоро сказка сказывается, между тѣмъ много дѣла минуется. Шель, шель, приоблегчилась эта у него котомка. Услышалъ, люди слышно опять бають, муж-чины: — «Братъ, а ты а-идѣ, — говорилъ, — свой лукъ покинулъ?» — «Я, — говоритъ, — вопъ за хребтомъ-тѣ покинулъ». — Братъ, а-идѣ свой ты туль покинулъ? — Ну, я, — говорятъ, — вотъ это на долу-ту. — Онъ запалъ, глядитъ, караулитъ: какіи же люди идуть, — православные, или хто? Увидѣлъ: бычій табунъ идетъ. Выбралъ жирнаго ожеви и потянулъ лукъ. Опеть засакакалъ: — «Йо! бокъ болить, бокъ болить!» — (стрѣлялъ.

¹⁾ Батя—старшій братъ.

²⁾ Мелкая птичка.

³⁾ Небольшая птица съ сѣрыми перьями, довольно часто встрѣчающаяся въ ко-лымскихъ лѣсахъ (ронжа).

⁴⁾ Доска, подкладываемая подъ шкуры при скобленіи.

⁵⁾ Мѣшокъ съ принадлежностями для шитья.

убилъ его. Опустилъ его; мясо, которое хорошее мясо, развѣшалъ его, какъ могъ поднести, самъ себѣ. На край мора шелъ, вдругъ на море рѣчка вышла. Перебродъ ему нигдѣ нѣту. И пошелъ онъ по этой рѣчкѣ, погонялъ эту рѣчку перебродъ искать. Недалеко по этой рѣчкѣ шелъ и увидѣлъ стоять двѣ вѣтки: одну кашку, друга вѣтка. Двѣ дѣвки ягоды собираютъ: одна воронья, другая князцовска ¹⁾ дочь. Взялъ онъ отъ этой, отъ князцовской дочери ягоды чистыя, поѣлъ много, а у вороньей какі чисты будутъ? Всѣ съ листьями. Взялъ эту котожку свою, все въ вѣтку положилъ, гдѣ чисты ягоды; а гдѣ сметьеваты ягоды, тѣтока мяско маленько да жирокъ положилъ. Воронья дѣвка увидала съ дѣсниѣ. — «Сестра, — говоритъ, — морской скакунъ пришелъ, котору-то изъ насъ замужъ (в)зяти хочетъ? Пойдемъ скорѣе домой», — говоритъ. — Пошли онъ домой; приближалъ (къ)вѣткамъ. — Сестра, — говоритъ: — воронья дѣвка, — чего у тебѣ (въ)вѣткѣ есть? У меня, — говоритъ, — ниhto нѣту. Ну, — говоритъ, — сестра, видно меня замужъ взяти хочетъ морской скакунъ, што менѣ (в)вѣтку положилъ жиръ да мясо. Вотъ на проходѣ погребли домой. Тотъ за ними бѣжалъ, шелъ, шелъ, само на эвой-тѣ сторонѣ тутъ дома-те, онъ пришелъ, князцу прямо вошелъ. У князца одна дочи и три сына и онъ со старухой, князець-то. Эта дѣвка на проходѣ бѣду постелю возлѣ себя постелила и посадила жениха. Эта воронья дѣвка пришла, села возлѣ жениха, возлѣ этого. Та и (в)зяла, выпинала. — «Уйди, — говоритъ, воронья дрыстунья, ты все мѣсто обгадаешь!» — Та ушла. Жили, жили. Этотъ отецъ вороньей дѣвки, какъ бу, это обиду отворотить, дочеръ что есть изженйли, князцовскому зятю говорить: — Пойдемъ охотничать за птицей, птицу промышлять. — Тотъ сказалъ ему: — Я, — говоритъ, — (въ)чемъ пойду? У меня вѣтка нѣту. — Тестъ-то ему и сказалъ, князець: — Да вотъ есть вѣтка; возьми, — говоритъ, — пооди съ нимъ. Онъ хочетъ испытовать твое удаљство дак.... — Ну, вотъ пошли они. А гдѣ стадо найдуть, это князцовской зять крупняковъ-то и убивать гусей. А этотъ воронъ все гагарленковъ гонятъ, цыленочковъ. Тотъ вѣтку подонъ какъ наубивалъ князцовской зять-отъ, возвратился назадъ. Пришелъ, эту птицу всю вытаскали. Тожно этотъ воронъ пришелъ. Ну, гагарленковъ, цыленковъ наубивалъ, дакъ тѣ унесуть домой, да (въ)пазуху назадъ принесуть опять (къ)вѣткѣ. Это воронья дѣвка-то. Тѣ взяли птицу вытеревили, всю еѣ тамъ насушили. Ночь какъ стала, эта воронья дѣвка съ матерью стали шерсть таскать съ улицы-те. Эти перья (в)сѣ убрали съ улицы.

Люди заходили. Этотъ воронъ и хвастать и говорить: — Князцовской зять страшной кислякъ! ²⁾ — Я, — говоритъ, — подонъ вѣтку набилъ, а онъ, — говоритъ, — насклу на бду-ту. За этаго кисляка я бу и дочеръ не далъ замужъ. — Князець на это ничего не говорить, не скорбится, и пачего, звать, што онъ этакой удалой. Ну и сказалъ зятю. — Ну, — говоритъ, — зять, пора тебѣ отку матеръ иди. — Ладно!... — говорятъ. — По утру стану собираться. — Утромъ проснывается, слышно на дворѣ, чего-то какъ погода шумить. Вышелъ-дакъ, огромной табунъ оленей. Это ему тестъ отъ зятю далъ съ невѣсткой кочевать, пригнали оленей. Покочевали они со женой. Вотъ эдакую далъ, — сказалъ къ ней. — До камня докочуй до этого, а тутъ ночуй. — Ну, докочевала до этого камня. Выгребла мѣсто, поставила руйту. Сама волчицей обернулась, ударила обь сыру землю и вернулась домой по огонь. Огонь-отъ не булъ, — у мужа огниво-то. Пришелъ овъ, — огонь у ней горить. Сумлѣвается: огнива нѣту, откуль же огонь (в)зяла? Ночлегъ этотъ прошелъ, мужъ ничего не сказалъ. Утромъ стали, опять покочевали. Кочевали, кочевали. Какъ съ полудня своротить, сказалъ: — Пооди вотъ (въ)это мѣсто докочуй, да тутъ ночуй. — Та покочевала, въ томъ мѣстѣ стала, ночлегъ выгребла, руйту поставила. Какъ руйту поставила, ударила обь сыру землю, обернулась волчицей, убижала на ночлегъ опять и-огонь. Тотъ пришелъ, ужъ у ней и огонь горить. Мужъ на это досадился, откуль же она, усумлился, огонь беретъ? Кто ей, люди ходять, или какъ? — Ну, — сказалъ къ ней, — вотъ кочевать, — говоритъ, — станешь, тепера на море выдешь; по мору покочуетъ. По мору недалеко откочуй, да тутъ ночуй. Самъ

¹⁾ Князець — родовой староста юкагирскаго или ламутскаго рода.

²⁾ Кислякъ — лѣнливый человекъ, худой охотникъ.

поѣхалъ попередь да и запаль тамо-ка.—О хто же огонь кладець къ ней?—Стялъ ва-роулить. Та прикочевала, мѣсто выгребла, руйту поставила. Обернулася сама волчицею и побѣжала назадъ по огонь: головешку схватила и бѣготъ. Вотъ выдернулъ онъ стрѣлу и направился, стобы её убить. Она если эдакъ, дакъ и мене погубить. Стрѣлить ия, она головешку бросила и назадъ драля. Не стала (жить), убѣжала, отцу, матери. И оленя всѣ за ней убѣжали, табунъ весь. Самъ отцу ушелъ. Отець ему говорить:—А—йдѣ баба?—Она говорить, — я еще опасенъ, она меня съестъ-ли чего-ли. Я ия хотѣлъ убигь, она назадъ убѣжала. — Отець его назадъ послалъ.— Твоя мати,— говорить, — эдакая же була, а я её этго привелъ. Дома ничего у ней стало. И откуль же твою матеръ досталъ. Ты пошто сталъ убивать? — Пошелъ назадъ.

Пришелъ онъ назадъ туды, этому князцу... Сялъ возлѣ невѣсты; невѣста скочила, убѣжала.— Почему,— говорить, — ты пришелъ? Ты,— говорить, — меня убить хотѣлъ!— Больной братъ сказалъ:—Э,— говорить, чего! То,— говорить, —я все это дѣлалъ, то есть, стобу онъ тебе хотѣлъ убить, для товѣ дѣлалъ больше, стобу сестру посмотреть. Если такъ, мнѣ больше сестру не увидѣть за моромъ,—намъ не дойти. Она на это слыш-сербилася, пустила его опеть. Переночевали и опеть назадъ покочевали. Если ужь чего дѣлать, онъ ужь и не шевелить. Эта обертыватся волчицей, по огонь бѣгать, не шевелить ужь ия. Такъ и отцу прикочевали. Съ тѣмъ у нихъ и конецъ.

Записано на урочищѣ «У двухъ високъ» на р. Большомъ Авию отъ обрусѣлаго юкагира *Митробана Татаринова*.

Сообщено В. Богоразомъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библиографія.

Slovenske narodne pesmi. Uredil D-r K. Štrekelj. Izdala in zabožila Slovenska Matica. Zv. I. V Ljubljani. 1898. 8°. 820 стр. 4 вып.

Настоящій, первый томъ полнаго собранія словенскихъ народныхъ пѣсней изданъ люблянскою матицею подъ редакціей проф. Градецкаго университета, г. Штрекеля, и заключаетъ въ себѣ свыше 1000 №№ пѣсней эпическаго содержанія. Оригинальную, но очень цѣнную особенность этого грандіознаго изданія составляетъ его критическій характеръ: пѣсни изданы здѣсь не en masse, но по редакціямъ, причемъ варианты на каждую редакцію приводятся не цѣлкою, но лишь постольку, поскольку они отступаютъ отъ текста пѣсни, принятаго за основной. Отъ такого способа изданія (единственно правильнаго и истинно научнаго) одинаково выигрываетъ какъ обыкновенный читатель-любитель, такъ и научный изслѣдователь: первому онъ даетъ возможность воспринимать поэтическіе образы народнаго творчества, не загромождая памяти излишними подробностями и повтореніями, втораго онъ освобождаетъ отъ необходимости продѣлывать черную работу классификаціи вариантовъ и опредѣленія взаимоотношенія различныхъ редакцій. Отсюда видно, что по научности метода изданіе г. Штрекеля представляетъ своего рода пикетъ и притомъ тѣмъ болѣе достойное подражанія, что у насъ въ Россіи до сихъ поръ не дѣлалось даже попытки такого критически очищеннаго изданія пѣсней, хотя его необходимость давно указывалась покойнымъ Н. А. Лавровскимъ... *).

Moravské Kravařsko (Politický okres Novojičků). S. 2 přílohami, mapkou a 78 vyobrazeními. V Příboře. 1898. 8°. 364 стр.

На крайнемъ сѣверо-востокѣ Моравской земли, на самой границѣ съ Прусскою Силезіей лежитъ очень небольшая по своей территоріи (501.85 кв. в.) но цвѣтущая въ экономическомъ отношеніи область Kravařsko, названная такъ по имени пановъ z Kravař (замка близъ Опавы), владѣвшихъ краемъ въ XIV—XV вв. Врѣзываясь клиномъ въ Австрійскую Силезію и раздѣляя ее на двѣ половины: Опавскую и Тѣшинскую, этотъ благословенный уголокъ принадлежитъ чехамъ только отчасти, такъ какъ изъ трехъ округовъ края: Приборскаго, Новоицкаго и Фульненскаго только въ первомъ чехи составляютъ преобладающее большинство (почти 70%), во второмъ находятся въ незначительномъ меньшинствѣ (42%), а въ третьемъ исчезаютъ въ морѣ нѣмецкаго элемента совсѣмъ (съ 1%). Помимо своего политическаго и промышленнаго значенія, этотъ край интересенъ и какъ родина Фр. Палацкаго — его родной городокъ Годелавицы лежитъ на югѣ Новоицкаго окр.

Достойнымъ литературнымъ вѣнкомъ въ память праздновавшагося въ прошломъ

*) Въ ст. «Замѣтка о текетѣ русскихъ былинъ», въ I т. Зап. Нѣж. Инст. .

году столѣтняго юбилея его рожденія и является настоящимъ книга, содержащая въ себѣ всестороннее описаніе родного края знаменитаго историографа.

Описаніе составлено исключительно мѣстными педагогическими силами и отличается большою обстоятельностью. Въ первой части (1—86 стр.) находимъ общія свѣдѣнія о краѣ: его географическомъ положеніи и границахъ, о формѣ его поверхности, объ орошеніи, геологическомъ строеніи, естественныхъ и искусственныхъ богатствахъ, объ этнографическомъ составѣ его населенія, о его торговыхъ и промышленныхъ силахъ, о состояніи образованности и общей культуры и т. п. Вторая часть (стр. 87—155) посвящена подробному обзорѣ историческихъ судьбъ края, написанному съ большимъ знаніемъ дѣла г. А. Угвиецъ, преподавателемъ въ Жилинѣ. Третья, самая большая, часть (стр. 157—364) знакомитъ съ мѣстоположеніемъ, исторіей и современнымъ состояніемъ отдѣльныхъ населенныхъ пунктовъ и можетъ служить, такимъ образомъ, превосходнымъ путеводителемъ по краю. Мѣстности, принадлежащія нѣмецкимъ общинамъ, разсматриваются отдѣльно отъ чешскихъ. Не смотря на то, что книга издава въ провинціальномъ чешскомъ городѣ, нѣтъшность изданія не заставляеть желать ничего лучшаго.

Statystyka ludności Kaszubskiej. Zebrał i opracował Stef. Ramułt. Z mapą etnograficzną Kaszub. Kraków 1899. 8°. 290 стр.

Новый трудъ г. Рамулта, составителя пзвѣстнаго «Кашубско-польскаго словаря», представляеть замѣчательный образчикъ гигантской работы, исполненной въ сравнительно недолгое время ничтожными средствами. Такія предпріятія, какъ поголовная перепись почти 200.000-го народа, при современныхъ условіяхъ общественной жизни, могутъ быть подъ силу только учрежденіямъ, сильно дифференцированнымъ въ своихъ функцияхъ, и если, не смотря на это, нашъ авторъ счужѣлъ собственными средствами организовать и привести къ концу это сложное дѣло, то этимъ онъ обязанъ прежде всего своему необыкновенному трудолюбію, желѣзной энергіи и горячей вѣрѣ въ важность дѣла, — вѣрѣ, которая, по истинѣ, здѣсь двигала горами.

Не имѣя ни предшественниковъ, ни образцовъ передъ собою, разсказываетъ г. Рамултъ въ предисловіи къ своей книгѣ, я долженъ былъ самъ искать себѣ дорогу, которая могли бы привести меня къ цѣли, создавать себѣ среду (*wyubiać sobie stanowki*), отыскивать сотрудниковъ, ѣздить, писать сотни писемъ, разсылать тысячи вопросовъ, свѣрять присланный матеріалъ, сшивать нитки разнородныхъ сообщений въ единое цѣлое... и, наконецъ, неустанно слѣдить за тѣмъ, чтобы въ такую массу цифръ не вкрадлась ошибка, которая не только повела бы къ ошибочному представленію объ отношеніяхъ народонаселенія въ извѣстной мѣстности, но обрекала бы на сомнительность и все суммарныя вычисленія» (*Przedmowa*, стр. 18).

Въ результатѣ явился трудъ, которому равныхъ по полнотѣ цифровыхъ данныхъ и по методичности изслѣдованія врядъ-ли найдется много въ славянской литературѣ *). Десятки тысячъ цифръ, касающихся всехъ населенныхъ кашубами пунктовъ, авторъ свелъ въ длинной серіи статистическихъ таблицъ, въ которыхъ кромѣ самихъ кашубовъ отмѣчается число населяющихъ извѣстную мѣстность нѣмцевъ и поляковъ, а также численность послѣдователей католическаго, лютеранскаго и еврейскаго исповѣданія. Таблицы слѣдуютъ въ порядкѣ географическаго разселенія кашубовъ отъ востока къ западу: сначала приводятся статистическія данныя для Западно-прусской провинціи по ея регенціямъ — по вѣтамъ (стр. 37—188), дальѣ — для Поморья (189—229 стр.), другихъ областей Прусской монархіи и Германской имперіи (стр. 230—233), Европы (стр. 234) и даже Америки (стр. 234—240). Въ заключеніе этой переписи, большая часть данныхъ которой относится къ 31 декабрю 1892 г. г. Рамултъ подводитъ итоги своимъ вычисленіямъ, причеиъ оказывается, что изъ общаго числа — 330.917 — в с ѣ л ѣ

*) Только подобный же трудъ Э. Муки «Статистика лужицкихъ сербовъ» можетъ еще соперничать съ работой г. Рамулта.

кашубовъ почти треть (180.700) составляютъ американскіе эмигранты. Изъ кашубовъ, живущихъ въ Европѣ, громадная часть (198.217) падаетъ, конечно, на королевство Прусское, главнымъ образомъ, на двѣ ея провинціи: Западно-Прусскую (162.947) и Поморскую (23.270). Относительное распространеніе кашубовъ въ повѣтахъ (уѣздахъ) обихъ провинцій выражается такимъ образомъ:

1.	Повѣтъ пуцкій	76,50	% каш.
2.	» картусскій	75,24	» »
3.	» вейгеровскій	66,79	» »
4.	» хойницкій	44,89	» »
5.	» косцерскій	37,78	» »
6.	» верхне-гданскій	26,26	» »
7.	» бытовскій	20,28	» »
8.	» члуховскій	18,46	» »
9.	» лемборскій	9,72	» »
10.	» слупскій	4,92	» »
11.	» гданскій городской	4,50	» »

Въ другомъ порядкѣ располагаются тѣ же повѣты съ точки зрѣнія абсолютной численности кашубовъ:

1.	Повѣтъ картусскій	45.284	каш.
2.	» вейгеровскій	27.930	»
3.	» хойницкій	23.680	»
4.	» пуцкій	18.609	»
5.	» косцерскій	17.580	»
6.	» члуховскій	11.976	»
7.	» верхне-гданскій	10.519	»
8.	» гданскій городской	5.419	»
9.	» слупскій	4.860	»
10.	» бытовскій	4.797	»
11.	» лемборскій	4.227	»

Что касается до отношеній вѣроисповѣдныхъ, то кашубы въ громадной своей части — католики и лица евангелическаго исповѣданія едва составляютъ $\frac{1}{10}$ часть всего числа (или только 6%).

Книгѣ предпослано предисловіе, въ которомъ авторъ рассказываетъ исторію своего труда, а также обозрѣваетъ прежнія попытки опредѣленія численности кашубовъ; ихъ полную научную неудовлетворительность авторъ доказываетъ рядомъ весьма яркихъ примѣровъ. Во «вступленіи» г. Рамультъ приводитъ племенные названія кашубовъ, опредѣляетъ границы ихъ территоріи, количественное распространеніе кашубовъ въ отдѣльныхъ повѣтахъ, характеръ вѣроисповѣдныхъ отношеній и предѣлы употребленія кашубскаго языка. Въ противоположность большинству другихъ ученыхъ, г. Рамультъ не смотритъ на эту заброшенную славянскую народность, какъ на племя угасающее, но твердо вѣритъ, что и для него настанутъ со временемъ лучшіе дни...

Хорошая этнографическая карта, приложенная къ книгѣ, представляетъ цѣнный подарокъ какъ для славянскаго діалектолога, такъ и этнографа.

Kleinere Schriften von Reinhold Köhler. I. Band. Kleinere Schriften zur Märchenforschung. Herausgegeben von Johannes Bolte. Weimar, 1898. Стр. 608, 8°.

Покойный пѣмецкій ученый, Рейнгольдъ Кёлеръ, не былъ этнографомъ, въ собственномъ значеніи этого слова. Онъ самъ не наблюдалъ и не изслѣдовалъ народнаго облика и быта, не собиралъ и не записывалъ «изъ устъ народа» повѣрій, пѣсенъ и сказокъ. Но тѣмъ не менѣе онъ оказалъ этнографіи великія услуги и оставилъ ей богатое литературное наслѣдіе. Какъ историкъ литературы, Кёлеръ отдался специально изученію одной ея области — народной словесности; изученіе ея въ то время только на-

чинало получать научную подкладку и имѣло лишь очень немногихъ служителей. Кёлеръ значительно содѣйствовалъ позднѣйшему развитію и разцвѣту молодой науки. Научное, сравнительное изученіе народнаго творчества нашло въ немъ самаго серьезнаго и преданнаго труженика. Онъ основательно разобралъ цѣлый рядъ народныхъ пѣсенъ, легендъ и сказокъ, освѣтилъ многія темныя страницы средневѣковыхъ балладъ и сагъ, наконецъ, постоянно и зорко слѣдилъ за цѣлою многоязычною народною литературою, приводя ее въ стройную систему и производя въ ней цѣпныя сопоставленія. Статьи Кёлера, разбросанныя разнымъ повременнымъ и малодоступнымъ изданіямъ собрали теперь его ученикъ, проф. I. Больте, въ полное изданіе, котораго первый томъ появился недавно въ печати. Этотъ томъ посвященъ всецѣло народнымъ сказкамъ и легендамъ, которыя издатель распредѣлилъ по ихъ національнымъ редакціямъ: французскія, кельтскія, итальянскія, греческія, албанскія, румынскія, славянскія, литовскія и восточныя. Изъ славянскихъ сказокъ Кёлеръ разобралъ и объяснилъ многочисленными параллелями сборникъ Ходзька (*Contes des paysans et des pâtres slaves*) и Ягича (*Aus dem südslavischen Märchenschatz*). Въ слѣдующіе томы этого цѣннаго изданія, которое несомнѣнно сдѣлается настольною книгою каждаго фольклориста, войдутъ статьи и замѣтки Кёлера по исторіи народныхъ пѣсенъ и средневѣковыхъ сагъ.

Ю. Яворскій.

Die Zeugung in Sitte, Brauch und Glauben der Südslaven. Ausschnitt aus *Κροπτάδια*, t. VI. Paris, 1899. Стр. 380, 12°.

Эта новая книжка извѣстнаго изслѣдователя сербо-хорватской народной жизни и литературы, д-ра Ф. С. Краусса, не предназначена, по самому существу своему, для широкой публики, но для этнографа и антрополога представляетъ несомнѣнный и выдающійся интересъ. Область половыхъ отношеній народныхъ массъ, въ ихъ настоящемъ откровенномъ видѣ, въ ихъ уклоненіяхъ, однимъ словомъ, область половой жизни и грязи народа укрывалась до сихъ поръ пологомъ таинственности и не привлекала вниманія этнологовъ, которые, въ фальшивой скромности своей, всегда обходили ее вокругъ да около. Между тѣмъ эта тайная сторона народной жизни представляеть иногда чрезвычайно важный матеріалъ для этнологическихъ разысканій и можетъ уяснить многія темныя страницы въ исторіи первобытной культуры, этнографіи и даже литературы. Это лишній разъ доказываетъ настоящая статья Краусса, открывающая передъ нами всѣ тайны и безобразія половой жизни и поэзіи сербо-хорватовъ и составленная на основаніи долготѣтныхъ наблюденій автора и его сотрудниковъ. Это пока только первая часть собранныхъ авторомъ матеріаловъ. Въ нее вошли народныя пѣсни, прибаутки, пословицы и ругательства, съ подробной терминологіей и объясненіями автора. Обстоятельнѣе всего описываетъ авторъ эротическій народный танецъ «Коло», приводя цѣлый рядъ сопровождающихъ его пѣсенъ и восклицаній. Эта глава сочиненія Краусса заслуживаетъ дѣйствительно самаго серьезнаго вниманія со стороны этнологовъ, такъ какъ въ ней замѣчаются несомнѣнно интересныя культурныя переживанія и отголоски съдой старины. Къ достоинствамъ книжки слѣдуетъ причислить также то, что всѣ тексты приведены въ ней въ славянскихъ подлинникахъ, съ подстрочными нѣмецкими переводами. Неприятно поражаютъ читателя только частыя и рѣзкія выходки автора противъ хорватовъ, съ которыми онъ почему-то издавна не ладитъ. Тутъ-то по крайней мѣрѣ это не должно-бы было имѣть мѣста.

Ю. Яворскій.

Српске народне приповетке. Скупио Атанасије Николић. На свет издали његови унучи. Београдъ, 1899. Стр. 240, 8°.

Имя покойнаго сербскаго этнографа Николича и часть его сказокъ, появившихся еще въ 1842 г., извѣстны русскимъ читателямъ по изданію И. А. Худякова «Материалы для изученія народной словесности» (Спб. 1863), гдѣ онъ помѣстилъ, частью въ подлинникѣ, частью-же въ русскомъ переводѣ, 15 сказокъ изъ сборника Николича.

Настоящее изданіе содержитъ всѣ сказки Николича (25 н-ровъ), между которыми находится немало интересныхъ и важныхъ сказочныхъ сюжетовъ и вариантовъ. Жаль только, что издатели выпустили ихъ опять въ сыромъ видѣ, не рассмотрѣвъ ихъ, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, Худяковъ, и не снабдивъ ихъ никакими, даже самыми общими примѣчаніями и параллелями. Въ 1842 г. это было, конечно, безразлично, но нынѣ, когда этнографическая литература разрослась до такихъ большихъ размѣровъ, такое упущеніе составляетъ весьма чувствительный недостатокъ каждаго новаго сборника памятниковъ народной литературы.

Ю. Яворскій.

ОТДѢЛЪ IV.

С м ѣ б ъ .

Свадебный обычай

крестьянъ Кургоминскаго Правленія, Арханг. губ. Шенкурскаго у. на границѣ съ Вологодской губ. что на Сѣверной Двинѣ.

Задумавъ парень жениться, просить благословенія на это у своихъ родителей. Получивши его, отправляетъ овъ удалого сваха или сваху, какъ говорятъ, сватать избранную дѣвицу. Свахъ, явившись въ домъ намѣченной дѣвушки, говоритъ родителямъ ей: у васъ есть красный товарецъ, а у меня купечъ молодецъ (мѣстный говоръ), а такъ нельзя-ли торгъ завести красну дѣвицу за столъ вести. При этомъ сваха или свахъ выхваливаетъ не только жениха но и всю его родню. Если дѣло уладится, тогда отецъ невѣсты или мать отправляются осматривать житье-бытье жениха, если женихъ изъ другой какой либо мѣстности или почему либо неизвѣстенъ своимъ состояніемъ. При семъ нужно замѣтить, что кромѣ подарковъ родителямъ жениха, приданого никакого не дается въ нашей мѣстности. Если же все окажется не дурнымъ (какъ говорятъ) въ домѣ жениха, назначается день свадьбы.—Вечеромъ, накануне свадьбы, въ домѣ невѣсты бываетъ дѣвичникъ, т. е. собираются къ невѣстѣ подруги ея дѣвушки въ самыхъ лучшихъ одеждахъ. Одежда дѣвушекъ состоитъ во 1-хъ изъ рубахи съ золотыми наплечниками (намышниками), во 2-хъ изъ сарафана ситцеваго или кумачеваго пли даже шелковаго (смотри по состоянію; 1-го рода сарафанъ назыв. ситникомъ, 2-й—кумачникомъ и 3-й—лопатиной). Грудь cadaго сарафана вышивается тоже золотомъ въ вершка два ширины, какъ и наплечники. На голову обыкновенно надѣвается платокъ изъ разной матеріи, смотря по состоянію, который называется ширинкой. На ногахъ сапоги, какъ у мужиковъ, съ высокими каблуками, каковыя сапоги назыв. бахилами, (сапожекъ здѣсь не носятъ совсѣмъ) и наконецъ поясъ съ длинными кистями, которыя бывають тоже изъ разныхъ матерій или шерстей. Дѣвушки вѣстѣ съ молодыми ребятами ходять кругами и поють свадебныя пѣсни. До пріѣзда жениха невѣста сидитъ среди своихъ родныхъ, тихонько плача, а когда пріѣдетъ женихъ, тогда на голову невѣсты сваха набрасываетъ большой платокъ, который каждый разъ невѣста сбрасываетъ. Только послѣ третьяго раза она уже не сбрасываетъ его, а оставшись съ покрытой платкомъ головой, начинаетъ реветъ, что естѣ мочи, а въ это время пригласенная плачя начинаетъ пѣть, растягивая каждое слово, жалобныя пѣсни или плачи. Эти плачи относятся къ молодымъ ребятамъ, которые дарятъ дѣвушекъ, невѣсту и плачю кренделями и деньгами. Женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ со всеми ребятами своего околodka: чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше считается свадьба, при чемъ ребята всегда пріѣзжаютъ къ жениху первыми на верховыхъ лошадяхъ и прямо ѣдутъ къ нему на повѣдь, гдѣ ихъ встрѣчаетъ женихъ! По пріѣздѣ къ жениху уже въ

тебѣ посаженнаго отца, и читается благословеніе родителей жениха къ началу дѣла, что всегда сопровождается вышивкой. Послѣ сего ѣдутъ гусемъ къ невѣстѣ, причемъ женихъ съ посаженнымъ огцомъ ѣдетъ всегда позади.—Тутъ-то встѣ и начинаютъ пѣть плачи, первоначально поютъ молодымъ ребятамъ. Вотъ содержаніе ихъ:

Изъ загоря вѣтерокъ попыхаеть, изъ за моря черенъ корабль выбѣгаетъ; тутъ мостилда со корабля мостили мосты калиновы, устилали на мосты трое сукно одинцѣвое; выводили со корабля команъ добрую лошадь, на доброй то на лошадѣ вся сбруя лошадина—черкасское седельшко. Какъ на команѣ, на лошадѣ да удалой доброй молодечѣ; по платьичу по свѣтному сынъ купца гостя торговаго; по поклонамъ да по низкимъ онъ да сынъ попа отца духовнаго, по говорѣ тихой смирной, да сынъ онъ богатаго крестьянина. По ричѣ да по пословничѣ молодча опознавала, по говорѣ тихой смирного да именемъ называла: удалой ты добрый молодецъ ино Иванъ сударь Андреевичъ, у тя поступоца бурлачная, да честь хвала молодечная. Ъздилъ добрый молодецъ, да во гульбу молодечную, за златомъ, за серебромъ себѣ за свѣтнымъ платьичемъ, у тя умная разумная на плечахъ буйная голова, (если грамотный) твоя буйна головушка да въ грамоту поучена, прибита рука правая ко перу лебединому, да приложена дѣва рука да къ скорописчатый грамоткѣ, присмотрѣны очн ясныя въ орлѣной ко грамоткѣ, ты многи люди знаютъ, да именемъ называютъ (2 раза) да вотчиной величаютъ.

Царень раздастъ гостинцы и деньги, послѣ чего поютъ:

Спасибо добрый молодецъ на любыхъ честныхъ гостинцахъ, на рублѣ денегъ, на полтинѣ, на цѣлой золотѣ гривнѣ. Заходилъ ты добрый молодецъ да въ тиху дѣвью бесѣду, дарилъ ты красныхъ дѣвичей да медовыми красными приицками.

Дѣвушкамъ поютъ плачи:

У насъ сидитъ да въ дубой скамьѣ сидитъ верба однолѣтняя, верба однолѣтняя—душа красная дѣвица. Не быть тѣ вербѣ вербочкой. да быть душой красной дѣвицей (2 раза) да дорогой дивьей красной, да подруженька любимая, да ино Анна Степановна, невдостой тѣ сидишь во лавицѣ, стану на рѣзвыя ноженъки, на ногахъ и стану мыкати да зло великое горе. Изъ подруженекъ подруженька, да изъ душей красна дѣвица, а три года выбирала милу любую подруженьку, ужъ я выбрала подруженьку да по уму, да по разуму. Ты подруженька любимая, да ино Анна Степановна, куда же мы сходились, да тутъ горѣ становились, гдѣ словечко тайное молвили тутъ трава выросла, гдѣ мы думушку думали, тутъ чвѣты разчвѣли. Дружба наша великая да раздружитья хочеть, кольчо наше серебряное да распоятитчя хочеть; вѣрно тайное словечушко да поразмовутиѣ хочеть; нашъ разтанечки приходять то да живое, разставаньце, живое то разставаньце да пуще скорья смерти (ахти, хти хти хти). Мы всюда виѣстѣ съ тобой ходили, во всѣ четыре да стороны, мы ходили со подруженькой да ко святой Вожьей церкви (2 раза) въ звончатѣ колокольню, мы ходили со подруженькой въ славныя зеленыя лузи, мы впередъ идемъ со подруженькой—да шутимъ шутку шутливую, а назадъ идемъ съ подруженькой—поемъ веселья пѣсенки, мы горѣ съ ней неспоминывали, веселья не забывывали.—Цѣлуются подруги и невѣста и серьезно плачуть, обнимаясь.

Сватовчѣ поютъ:

Во темномъ да во сыромъ лѣсу не безъ лютаго звѣря, въ молодомъ да въ брачномъ поѣздѣ не безъ лиха человекъ, не безъ лукаваго, висичваго, да не безъ большого сватовча. Ты носилъ да лѣшой сватовча да не путемъ не дорогой, не дороженькой (2 раза), да собачьей тропинкой, ты по утру да поранному, тебя по позднему вечеру. Изъ чего ты видся, лукавился, видся, на кривдѣ божился? Сказывалъ ты, на чужой сторонѣ да много хлѣба стоядаго, много хлѣба стоядаго, да много денегъ лежалыхъ; платья то свѣтнаго цѣлы градки изновѣшаны; ужъ ты большой сватовечъ да большой ты сьумасшедшій, изъ чего ты видся, лукавился, видся, на кривдѣ божился. Нѣту на чужой сторонѣ, нѣту хлѣба стоячаго, да нѣгу денегъ лежачихъ, градочки унавѣшаны да все тряпичками, рямочками. Думаешь что локоть достанитсѣ, да думаешь цѣланъ тысяча, только тебѣ достанитсѣ да одна мѣрка искосинка, тебѣ той мѣркой искосинкой да не одѣтисѣ будетъ, да нагнемъ находитсѣ. У большого у сватовча жена не ткаха,

ни пряха, дочери твои да не швец хитромудрые, сыновья твои ясны соколы, да картежники—ладыжники.

На дѣвичникѣ плачи бываютъ только однимъ молодымъ ребятамъ и поются всѣмъ попережнно. По окончаніи плачей кончается дѣвичникъ общимъ веселымъ хоромъ всѣхъ тутъ находящихся дѣвушекъ и парней.

На слѣдующій день бываетъ свадьба, гдѣ бываетъ попойка всѣхъ по порядку и тѣже плачи молодымъ дѣвушкамъ и сватовчю. Плачи начинаются по прїѣздѣ жениха къ невѣстѣ. Въ домѣ жениха передъ поѣздомъ его къ невѣстѣ ничего особеннаго не бываетъ, кромѣ обыкновенной попойки сосѣдей виномъ, которые за выпитый стаканъ вина кладутъ жениху на блюдо деньги. Послѣ сего происходитъ благословеніе жениха родителями. Съ поѣздомъ жениха къ невѣстѣ ѣдетъ какъ можно больше молодыхъ или даже женатыхъ ребятъ верхомъ на лошадяхъ, тысячій господинъ—(крестовый отецъ жениха), сватья или гордо—княжая сватьюшка (это кто либо изъ его родныхъ), сватовечь, который высватываетъ невѣсту, сторожъ—знахарь или колдунъ, который молодыхъ и дружку и всѣхъ вообще присутствующихъ охраняетъ отъ злыхъ людей; дружка жениха состоитъ изъ брата жениха, если такой есть, или кого либо особенно любимаго товарища и всѣхъ вышеповиновенныхъ молодыхъ ребятъ на верховыхъ лошадяхъ. Послѣ окончанія плачей дѣвушкамъ, сватовчю и дружкѣ всей, начинаютъ плачи родителямъ невѣсты, прося благословенія.

Схожее ты солнышко, да сударь солнышко батюшко, дай ты мнѣ благословеньице иди на чужую сторону, и твое то благословеньице будетъ по водѣ правителемъ и по землѣ сохранителемъ. Спасибо, родимый батюшко, да на великомъ благословеньицѣ.

Ты, кормилица, жалостница моя, родимая матушка, дай ты мнѣ кормилица да велико благословеньице, послушай ко, кормилица. что я стану говорить: ты кого нинѣ побудишь рано по раннему утрицу, ты кого нинѣ наредишь на дѣло, да на работу; ты не сына женишь, матушка, да не невѣстку берешь, ты своего работницу слугу да во люди отдаешь. Молодымъ я молодехонька, да зеленымъ зеленехонька, не въ дорось траву шелковую съ корешка подшибаешь, не до свѣтъ цвѣты лазуревы со травы сорываешь, не въ дорось мевя, красну дѣвицу, замужь выдаваешь. Спасибо тебѣ, кормилица, на великомъ благословеньицѣ.

Послѣ благословенія родителей невѣсту ведутъ за столъ къ жениху, который беретъ ее за привязанный къ ея рукѣ платокъ и, обведши ее вокругъ себя три раза, садитъ ее между сватьей и собой за столъ. Теперь подходитъ къ столу мать невѣсты, неся братыню воды и поверхъ ея платокъ, который даритъ жениху. Женихъ, взявши платокъ, сыплетъ въ братыню деньги, послѣ чего мать уходитъ съ братынею въ другую комнату, гдѣ выпивши воду изъ братыни, снова подходитъ къ жениху и отдаетъ деньги, говоря: «у васъ непродажно». Послѣ этого выходятъ изъ за стола и, помолившись Богу, отправляются для бракосочетанія. Послѣ вѣнца сватьи окружаютъ невѣсту т. е. плетутъ ей двѣ косы. При этомъ примѣчаютъ которая сватья раньше заплететъ косу женихова или невѣстина:—если женихова, то молодой будетъ большакомъ надъ молодой, а если невѣстина, то молодая будетъ управлять молодымъ.

Отъ церкви ѣдутъ въ домъ жениха, гдѣ родители жениха, благословляютъ новобрачныхъ,—отецъ иконой а мать хлѣбомъ селю а послѣ сего садятся за столъ, гдѣ изрядно попивши и поѣвши отпускаютъ молодыхъ молодые на подкѣлтъ т. е. спать. На другой день у жениха бываетъ такъ называемое утиранье т. е. молодая щеки присутствующаго на торжествѣ свадебномъ натираетъ красной краской, а молодые ребята съ дѣвками мараются сажей. Послѣ утиранья молодые ѣдутъ къ родителямъ молодыхъ «на хлѣбины», гдѣ молодые угощаютъ всѣхъ виномъ, а потомъ и блинами. Послѣ этого молодые выходятъ изъ за стола, и теперь каждый присутствующій ударяетъ молодого по спинѣ, отчего у молодого долгое время послѣ свадьбы болитъ спина. Этимъ закачивается свадебное пируество. Молодые обыкновенно гостятъ здѣсь два дня, а послѣ ужъ ѣдутъ домофъ—т. е. домой.

Религіозно-народныя повѣрья и сказанья.

(Записаны въ Калезинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи).

Предлагаемые апокрифическіе рассказы записаны со словъ людей, принадлежащихъ къ нашей церкви, но тѣмъ не менѣе въ рассказахъ играетъ первую роль простонародное убѣжденіе, сложившееся подъ вліяніемъ старинныхъ устныхъ и письменныхъ преданій, существующихъ и до настоящаго времени въ народной массѣ. Въ правдѣ и истинѣ подобныхъ повѣрій и сказаній не сомнѣваются какъ сами рассказчики, такъ и простодушные ихъ слушатели. Рассказчики жили среди кияряковъ, а изъ послѣднихъ еще до сихъ поръ многіе принадлежатъ къ старой вѣрѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что приводимыя сказанія сложились подъ вліяніемъ старовѣрскихъ понятій и преданій. Кияряки-сапожники; въ ученіи у нихъ пребываетъ масса подростковъ изъ прилегающихъ уѣздовъ къ Кимрѣ; ученики не мало наслушаются разныхъ сказаній отъ своихъ старовѣровъ-учителей, а потомъ въ свою очередь разнесутъ услышанное и усвоенное по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ побываютъ. И многіе вѣрятъ, и сказаніе не исчезаетъ.

В. Суворовъ.

Кіевскій соборъ.

«Въ старину Богородицу звали просто богородицей, значить дѣвка родила Бога, а потомъ ее назвали «Госпожей Богородацей». И вотъ, когда ее такъ прозвали. Въ Иерусалимѣ наваяла она 12 братьевъ-каменьщиковъ и заказываетъ имъ построить соборъ. — «Гдѣ?» спрашиваютъ ее каменьщики. Она на это ничего не отвѣтила, а только приказала имъ плыть, а куда доплывутъ, тамъ и соборъ строить. Сѣли 12 каменьщиковъ-братьевъ на корабль и поплыли по морю. Плывутъ это и говорятъ: «да что мы за глупые: ѣдемъ не вѣдомо куда и не вѣдомо, гдѣ будемъ строить соборъ; лучше вернемся домой». Повернули корабль назадъ. Но тутъ поднялась престашенная буря, чуть не потопила братьевъ; помолились они, повернули опять впередъ, и буря миновала. И приплыли они къ Кіеву; вышли на берегъ, пошли по городу, ходятъ и высматриваютъ мѣсто, гдѣ бы построить соборъ. Не могутъ найти, что дѣлать? Только вдругъ и пала роса, всю землю покрыла, а одно мѣсто нѣтъ. Тутъ они и начали строить соборъ. Что днемъ складутъ—на ночь подъ землю уйдетъ, и никто работы ихъ не видитъ. Сумленье взяло братьевъ, хотѣли работу бросить; но во снѣ явилась имъ Богородица и говоритъ: «не сумлевайтесь, работа ваша не пропадетъ». Кончили братья работу: и куполь, и кресты вывели... и вдругъ изъ-подъ земли, во всей красѣ, и вышелъ соборъ. Такъ онъ и до сихъ поръ стоитъ въ Кіевѣ» *).

Аріи **).

«На Никейскомъ соборѣ Аріи говорятъ: Богородицу должно звать не Богородицей, а Христородицей, а Никола говоритъ: «врешь!» да и въ ухо Аріи. За это Николу посадили подъ арестъ».

Другой рассказъ о немъ же и того же рассказчика:

*) Рассказывалъ крестьянинъ Калезинскаго уѣзда, деревни Бобахина, Михаилъ Васильевъ Валдовкинъ. Ему было 60 лѣтъ, сапожничалъ въ Москвѣ и любилъ ходить въ Кремль во время споровъ, которые бывали тамъ на Пасхѣ. Онъ былъ неграмотный, но съ удовольствіемъ слушалъ чтеніе, любилъ поговорить и рассказывать слышанное.

**) Его-же.

«Арій жилъ 750 лѣтъ. Тридцать послѣднихъ лѣтъ въ немъ сидѣлъ чертъ. А умеръ Арій вотъ какъ: понудило его, и изъ него съ скверомъ вышло все нутро, а съ нимъ вышли его душа и чертъ. Онъ обезчестилъ Богородицу, а дѣло это было вотъ какъ: епископъ Арій на Вселенскомъ соборѣ сталъ говорить противъ Богородицы и называть ее Христородицей. Всѣ епископы молчатъ, только противъ Арія выискался одинъ молодой человекъ,—во имя его на Тверской въ Москвѣ, еще церковь стоитъ, а лицо его съ такой еще предлинной бородой,—и началъ говорить съ нимъ. Заговорилъ Арія епископа, даромъ что былъ молодой, безбородый юнецъ. Озлился на него Арій и сказалъ: «ты еще безъ бороды, молокососъ—молчи! Я не хочу съ тобой говорить». Хорошо. Ушелъ юнецъ изъ собора, пришелъ къ себѣ въ коморку и сталъ просить у Господа бороды. И въ ночь она вдругъ выросла у него да предлиннѣющая! Вотъ, на другой день, опять всѣ епископы собрались на соборъ. Пришелъ юнецъ и сѣлъ насупротивъ Арія за столъ, а потомъ протянулъ черезъ него свою бороду къ Арію и говорить: «ну, Арій, не хотѣлъ ты говорить съ мной языкомъ, говори же теперь съ бородой. Что она скажетъ тебѣ? Ничего? И при бородѣ, все же будетъ говорить языкъ, а не она. Что жъ ты молчишь, Арій?» Арій вскочилъ и говорить: «да что ваша Богородица, вѣдь Ее такъ называть и почитать можно было только тогда, когда Она носила въ себѣ Христа, а теперь Ее такъ называть нельзя. Принесите мнѣ мѣшокъ съ золотомъ!» Принесли. Арій высналъ изъ него золото, а пустой мѣшокъ показываетъ собору и говорить: «теперь чегдъ стоитъ безъ золота мѣшокъ? Ничего?» Тутъ и вскочилъ Николай Чудотворецъ, тоже епископъ, горячій такой былъ—и бацъ въ ухо Арія. Ну вотъ за это взяли Николая Чудотворца и посадили его въ темницу; а пришли на утро и видятъ: облаченъ онъ въ свѣтлыя ризы. Выпустили. Вотъ какъ было дѣло на соборѣ, послѣ чего и вселился въ Арія бѣсъ.

«Арій до этого времени былъ первый вселенскій учитель, а послѣ его епископы сдѣлали его безумнымъ, и онъ сталъ называться Аріемъ безумнымъ».

Запись Адамова *).

«Вотъ ужъ хорошо не помню, за что Адамъ далъ чорту карту на себя и на весь родъ человѣчскій! за жену-ли или за землю? Кто говорить, что будто онъ далъ карту за жену, когда она была больна и чортъ вымѣчилъ ее, а кто говорить, что дѣло это было такъ: разъ пахалъ Адамъ, а къ нему подходитъ чортъ и говорить: «Адамъ, не дамъ тебѣ пахать землю, если ты не дашь на себя и потомство твое запись въ толь, что пока человекъ живъ—будетъ Боговъ, а умереть—будетъ мой.»—«А почему такъ?» спрашиваетъ Адамъ: «Потому, что земля не вся Бога: одна половина Его, а другая—моя». Адамъ хорошо этого не разобралъ, да и далъ чорту запись, чтобъ онъ не огыналъ отъ него нашии. Вотъ чортъ и побѣждалъ съ картой Адамовой и спряталъ ее подъ камень въ рѣкѣ Иорданѣ чтобъ ее никто не отыскалъ и не огынали-бъ отъ него Адамъ съ людьми. Съ тѣхъ поръ Адамъ и всѣ люди до Христа должны были послѣ своей смерти идти въ адъ подъ власть чорта. Хорошо. Родился Христосъ и пришелъ на Иорданѣ креститься. Господь сталъ на тотъ самый камень, подъ которымъ лежала Адамова карта. Камень сдвинулся съ мѣста, и карта очутилась подъ ногами Господа, а тутъ въ ней и вся запись стерлась. И уничтожилась карта, и непочемъ было большому чорту удерживать въ аду Адама съ людьми, и пришелъ Господь въ адъ, и вывелъ изъ него Адама со всѣмъ родомъ его». Писалъ свою запись Адамъ кровію, тогда чернила не было

*.) Разсказъ Михаила Васильева.

Пророки и освобожденіе ихъ изъ аду.

«Адамъ, пророки и всѣ люди были въ аду до Христа. Только до Него были настоящіе пророки, а послѣ не было—всѣ лгутъ. Съ древнихъ же пророковъ и пошли свидѣтели на судахъ, а именно со времени пророка Елисея. Онъ видѣлъ, какъ пророкъ Илія былъ взятъ на небо и засвидѣтельствовалъ объ этомъ. Но только тогдашніе свидѣтели были вѣрны, нынѣшніе же—ложны.

«Сатана зналъ, что за Адамомъ, пророками и за всѣмъ человѣческимъ родомъ придетъ къ нему въ адъ Господь и ихъ уведетъ отъ него, но не вѣдалъ иначе, когда это случится. Знали о пришествіи Господа и пророки, но тоже не вѣдали времени этому. Говорятъ только промежъ себя: «скоро, скоро придетъ за вами Господь», да все ближе подвигаются къ адскимъ вероямъ, чтобъ встрѣтить Его. Вотъ пришелъ въ адъ Іоаннъ Креститель и освѣтилъ его. Сатана смутился, а пророки молвили: «нѣтъ, это пришелъ не Господь, а Насвѣтлице Его, но скоро Онъ и самъ явится къ намъ». Вотъ Сатана и послалъ чорта изъ ада на развѣдки на землю: «пришелъ ли на нее Господь?» Вылетѣлъ чортъ и пошелъ отыскивать по землѣ Господа, а въ ту пору жиды распинали Христа на крестѣ между двухъ разбойниковъ. Вотъ чортъ и сталъ позади Его креста и слышитъ, говоритъ Господь: «Аллилуія, Аллилуія, слава тебѣ Господи! Боже, помилуй меня!» Не узналъ онъ Господа. Прибѣгаетъ въ адъ и говоритъ Сатанѣ: «не бойся, Сатана, еще не скоро придетъ къ намъ Господь: распинаютъ на землѣ жиды не Господа, а видно какого-нибудь пророка, потому что Онъ зоветъ на помощь къ себѣ Іилью отъ насъ». Обрадовался Сатана: ахъ вдругъ въ адъ и является Господь. «Крѣпитесь!.. Пришелъ!» закричалъ Сатана своимъ подначальнымъ бѣсамъ. Но передъ Господомъ пали адскія веревы и растворились врата адовы. Захлопали въ ладоши пророки отъ радости, а царь Давидъ заигралъ на лирѣ и заплясалъ, и вывелъ Господь изъ аду Адама съ пророками и со всѣми людьми, а Сатану сковалъ на тысячу лѣтъ. Остался одинъ Сатана съ своими чертями въ аду. Бѣгаетъ по аду, вопить, что всѣхъ увели отъ него; вопятъ и его черти, а Господь и говоритъ ему: «Сатана, Сатана и вся адови! не попяте: попадутъ къ тебѣ еще всѣ земные чины: и цари, и архіереи, и господа, и купцы съ мужиками, снова наполнится твой крошечный адъ».

Сказаніе о Іудѣ предателѣ.

«Еще въ утробѣ матери сказанъ Іуда. Мать и отецъ Іуды три раза видѣли сонъ, въ которомъ говорилось имъ, что у нихъ родится сынъ и сперва убьетъ отца, а потомъ женится на матери. Родился младенецъ. Отецъ съ матерью думаютъ: что сдѣлать съ нимъ? Вотъ взяли да и положили его въ бочку и пустили ее на море. Плыветъ бочка съ младенцемъ по морю, нищитъ онъ въ ней, а на ту пору плылъ купецъ на кораблѣ. Услыхалъ онъ голосъ младенца и спасъ его отъ смерти. Взялъ купецъ Іуду къ себѣ, а какъ выросъ онъ, то заставилъ его садъ стеречь. Отецъ съ матерью Іуды неподалеку жили отъ купца; вотъ разъ отцу и захотѣлось яблоковъ. Пробрался онъ въ садъ и началъ воровать яблоки. Увидалъ вора Іуда и убилъ его, не зная, что это былъ отецъ его. Въ это время Іудѣ было семнадцать лѣтъ. Хорошо. Прошло еще три года, приходять купецъ къ вдовѣ, значить Іудиною матери, и говоритъ: «ты вдовѣшь, а у меня есть пріемышь, но у меня своихъ дѣтей много, возьми къ себѣ въ домъ моего пріемыша и выходи за него замужъ». Вдова согласилась, и Іуда, не зная того самъ, женился на родной матери. Легли они на постель. Лежатъ, а жена и спрашиваетъ мужа, какого онъ роду и племени? «Да я и самъ этого не вѣдаю, отвѣчаетъ мужъ: а говорилъ купецъ, будто онъ нашелъ меня въ бочкѣ на морѣ». «Такъ вѣдь ты сынъ мой», говоритъ мать и рассказала, какъ было дѣло. Испугался Іуда, вскочилъ съ постели и убѣжалъ изъ дому матери-жены. А ужъ Господь ходилъ по землѣ

съ апостолами, и присталь къ нимъ Иуда. Вотъ какъ было дѣло, и по первоначалу Иуда былъ первый апостоль?» *).

Иуда предатель.

«Иуда предатель зналъ, что Господь выведетъ изъ ада всѣхъ людей. Ну, какъ онъ предалъ Господа и получилъ за Него тридцать сребренниковъ, такъ и задумалъ вотъ что сдѣлать: и изъ саду выйти и деньги при себѣ оставить. Вотъ и побѣжалъ онъ давиться, чтобъ прежде Христа попасть въ адъ. Но побѣжить къ одному дереву, повѣсится на его вѣтви, а она и склонится къ землѣ; побѣжить къ другому—повиснетъ, а она приклонится къ низу. Бѣгаль, бѣгаль—никакъ не можетъ повѣситься, въ одно дерево его не принимаетъ къ себѣ. Значить, Господь не допускаетъ и хочетъ, чтобъ онъ, предатель, прежде покался, а Иуда этого не хочетъ, а только и думаетъ объ одномъ: какъ бы поскорѣе въ адъ. Видитъ дѣло плохо, а спѣшить надо; вотъ и усмотрѣлъ предатель одну глубокую колею, а на краю ея чуть-чуть только держится вывороченное дерево того и гляди, что сейчасъ съатится въ выбоину. Взялъ Иуда да и бросился въ нее, присѣлъ, а дерево и скатилось на него да такъ придавило предателя, что индо у него глаза выскочили изъ лба. Только не успѣлъ поспѣть въ адъ прежде Господа, Онъ ужъ вывелъ оттуда людей. Предатель опоздалъ и первымъ очутился съ кошелькомъ въ рукахъ въ аду у Сатаны. Вотъ какъ задавился Иуда, а не на осинѣ. На его деньги потомъ купили село Скудельное, и въ немъ до сего времени такая вошь, что никому невозможно жить въ селѣ, oprичь однихъ змѣй, которыя тамъ живутъ и до сей поры».

Поясъ Господа **).

«Такая, значить, есть книга: «Страсти Господни» прозывается. Я самъ читалъ въ ней о крестѣ Господнемъ. Крестъ-то не только дается намъ людямъ, а несть что и самъ Господь. Вотъ и взвалили на плечи Господни крестъ, сказано въ книгѣ той, и Онъ понесъ его, а крестъ-то былъ претяжелѣющій и упалъ Господь подъ нимъ, идучи своей дорогой. Не въ силахъ былъ снести Онъ крестъ. Упалъ Господь, а тутъ и помогъ Ему встать и нести крестъ сотникъ Логинъ, по нашему будетъ, значить, сотскій. Ну за эту добродѣтель его достался ему поясъ Господень, когда Его пригвоздили къ кресту и раздѣлили Его ризы. Подпоясался сотникъ Логинъ Господнимъ поясомъ и пошелъ во дворецъ къ царю, а царь въ ту пору былъ болѣнъ очами. Вотъ приходитъ Логинъ на дворцовый дворъ—и вдругъ вся земля потряслась, а дворецъ чуть не развалился. Всѣхъ людей и царя ужастъ взяла. Спрашиваетъ царь: «что это значить? Отъ чего земля потряслась». Никто ему ничего не можетъ отвѣтить на это, а дворецъ все трясется. Но вотъ сотникъ Логинъ ушелъ со двора: и дворъ и дворецъ перестали трястись. Вернулся опять сотникъ—и снова началось трясеніе. Стали спрашивать Логина: «почему, когда онъ взойдетъ, земля трясется, а когда уйдетъ, перестаетъ трясеніе?» — «Не могу я знать этого», отвѣчаетъ Логинъ: «а рази такое чудо дѣлается отъ пояса, который на мнѣ». «Гдѣ ты взялъ его?» спрашиваетъ кесарь, по нашему, значить, царь. — «Я взялъ его съ того человѣка, котораго распяли». Ну тутъ кесарь взялъ поясъ да и потеръ имъ глаза свои—пропала болѣзнь. Вотъ тутъ только и догадались, что распяли не простаго человѣка. Разгнѣвался кесарь и приказалъ: Цината и всѣхъ неправедныхъ судей Господа въ темницу посадить. И досталось же отъ кесаря за Господа всѣмъ судьямъ: казнить велѣлъ».

*) Рассказъ Михаила Васильева.

**) Это сказаніе я слышалъ отъ одного ямщика.—крестьянина Калязинскаго уѣзда, Аванасья Николаева. Человѣкъ не глупый, грамотный и бывалый.

Смерть Пилата *).

«Пилата кесарь велѣлъ казнить; сердиты на него были всѣ жидаы, что Пилать стоялъ за Христа и отказался Его судить. А Пилать былъ у нихъ, какъ бы у насъ— губернаторъ. Вотъ и казнили Пилата: отрубили ему голову. Но тутъ сдѣлалось такъ: тѣло его осталось на землѣ, а голова поднялась на небо, значить достойна этого была».

Споръ сатаны съ Богомъ **).

«Только Богъ и Сатана никѣмъ не созданы, и никто не вѣдаетъ, откуда они взялись, ангеловъ-же сотворилъ Богъ. Сатана былъ равенъ Богу, но только безъ Него самъ собой ничего немогъ сдѣлать, сотворить. Они вмѣстѣ устраивали свѣтъ. Вотъ, когда Богъ сотворилъ воду, то и говорить Сатанѣ: «поди въ море, возьми со дна горсть песку и принеси мнѣ, Я соворю землю». Сатана досталъ со дна моря двѣ горсти песку (онъ ужъ и тогда задумалъ обмануть Господа и такъ же творить, какъ и Онъ), принесъ одну горсть и подаль ее Богу, а другую затаилъ у себя. Богъ бросилъ горсть песку—и родилась земля. Но когда Онъ ушелъ, и кинулъ свою горсть Сатана, то на землѣ появились горбины и каменные горы. Вотъ почему на землѣ родились горы. Сотворилъ Богъ ангеловъ и рай. Вотъ Сатана смутилъ многихъ изъ нихъ и задумалъ быть выше Господа и захотѣлъ устроить свой рай. Богъ создалъ небо, а Сатана— другое; Онъ—третье, а Сатана—четвертое; Господь сотворилъ надъ нимъ пятое, а Сатана еще выше сдѣлалъ шестое; Богъ сотворилъ седьмое, а Сатана—восьмое; и сталъ на немъ устраивать свой рай. Обвелъ онъ его крѣпкой стѣной. Богъ далъ жезлъ Михаилу Архангелу и послалъ его разрушить сатанинскій рай. Но Сатана стѣлъ палить огнемъ въ Архангела и не подпустилъ его къ стѣнѣ на тридцать верстъ. Вернулся Архангелъ къ Богу и сказалъ: «не могу, Господи, подойти къ стѣнѣ, огнемъ палить меня Сатана». Тогда Богъ далъ Архангелу другой жезлъ и приказалъ имъ ударить въ сатанинскую стѣну. Архангелъ ударилъ въ стѣну, — и вдругъ въ томъ мѣстѣ выскочила огненная стрѣла, изъ нея вышла другая, изъ этой третья, чѣмъ больше появлялось ихъ, тѣмъ больше рождалось огненныхъ стрѣлъ, и разлетались онѣ во всѣ стороны, и разщепали сатанинскую стѣну, разрушили его рай, а какъ ударили въ Сатану и бѣсовъ такъ онъ сверзился съ восьмага неба въ преисподнюю, а бѣсы—кто куда попало: въ море, такъ тамъ и остается до сихъ поръ, въ дѣсь—и бѣгаютъ дѣсовниками. Такъ разрушилось сатанинское восьмое небо и осталось семь небесъ, почему седмица—великое число».

Сказаніе объ Абакѣ ***).

«Абака былъ ангелъ. Господь сотворилъ Адама, во еще не вложилъ въ него душу, ушелъ, а стеречь его оставилъ Абаку, приказавъ не подпускать Сатаны къ тѣлу. Сталъ Сатана прельщать Абаку и просить, чтобъ онъ позволилъ ему коснуться Адамова тѣла. Абака не согласился. Тогда Сатана напустилъ преужасный холодъ; Абака задрожалъ отъ него и какъ ни старался согрѣться, но не могъ: холодъ становился все сильнѣе. И вотъ Сатана сказалъ Абакѣ: «Я тебя согрѣю, дамъ тебѣ шубу, только дозволь мнѣ хоть взглянуть на тѣло человѣка». Не въ терпѣжъ отъ холоду стало Абакѣ, согласился онъ взять шубу и накрылся ею, а окаянный подошелъ къ тѣлу, плюнулъ на Адама и исчезъ. Вернулся Господь, взглянулъ на Адамовы тѣлеса, а потомъ ив

*) Разсказъ Михаила Васильева.

***) Разск. Михаила Васильева.

***) Записано со словъ крестьянина Калязинскаго уѣзда Евсѣя Иванова.

Абаку. Видить, что на немъ шуба, къ Адаму подходилъ окаянный и стражъ не исполнилъ Его приказанія. И говоритъ Господь ему: «ходишь ты, Абака, до сей поры обнаженнымъ, и не чувствовалъ ни жары, ни холода, нынче же ты согрѣшилъ: взялъ отъ Сатаны шкуру, прикрылся ею и допустилъ его къ Адамову тѣлу; отъ нынѣ, въ наказаніе отъ Меня, называйся ты не Абака, а собака! вѣчно ходи въ шкурѣ и служи человѣку Адаму. Но хоть ты и будешь ему служить и оберегать его, одначе будешь находиться въ презрѣніи у Адама человѣка; будетъ дозволено ему мытариться надъ тобой; узнаешь отъ него голодь, терпѣть будешь отъ него и побой». Проклялъ Господь Абаку, сталъ онъ нечистымъ псомъ и залаялъ по собачьи:—а въ тѣлеса Адамовы Онъ вложилъ душу; но сатанинскаго плевка не стеръ съ нихъ. Съ тѣхъ поръ собака служитъ человѣку, а отъ сатанинской слюны въ человѣческомъ тѣлѣ произошла всякая хворь, отъ этой же сатанинской нечистоты теперь можно всякому колдуну къ человѣческому тѣлу присадить килу».

Кто создалъ козла *).

«Богъ сотворилъ человѣка. Завидно стало Сатанѣ и захотѣлъ онъ создать свое твореніе. Взялъ земли, сдѣлалъ тѣло, дунулъ,—анъ вышелъ козель! Отъ того и песней отъ козла разить, что онъ сатанинское твореніе».

Кончина старой земли и наказаніе Сатаны **).

«Небо свернется въ скатерть; эта старая земля сгоритъ, а будетъ новая и на ней Господь устроитъ рай. И будутъ пороть желѣзными прутьями (Сатану 12 авгеловъ и будетъ верещать онъ на всю вселенную, а потомъ кинуть его на кумову постель. А та постель такая, что ее и теперь боится онъ: вся въ огнѣ, вколочены въ нее желѣзные гвозди. Вотъ какъ кинуть его на нее, тогда ему и придетъ шабашъ; а теперь пока слободно. А міру опредѣлено быть семь тысячъ лѣтъ: говорить, теперь восьмая тысяча идетъ, и это все правда можетъ быть. Господь сказалъ: «Могу прибавить, могу и убавить», коли увижу, что человѣкъ достоинъ этого».

Чего чортъ боится ***).

«А какъ ты думаешь, вѣдь всѣ святые угодики безъ дьявола никогда не жили. Были два пустынника, вотъ одинъ и спрашиваетъ другаго: живетъ ли у него дьяволъ. «Нѣтъ», говоритъ тотъ: «я не вижу его».—«А ииѣ», говоритъ первый, дьяволъ такъ надоѣлъ, что хочу бросить свою пустыню и искать другую, авось онъ отвяжется отъ меня». Пошелъ пустынникъ искать себѣ новую пустыню, а дьяволъ за нимъ—не отстаетъ. Вотъ хорошо, долго-ли, коротко-ли они шли влѣгѣ, только пустынникъ сталъ подходить къ одной деревнѣ и видить, что дьяволъ начинаетъ отъ него понемногу отставать, а потомъ и вовсе пропалъ. Пришелъ пустынникъ въ деревню и зашелъ въ иѣбу къ хорошей вдовѣ, она была богомольная и жизнь хорошую вела. Пожилъ пустынникъ у этой вдовы нѣсколько дней и за все это время не видалъ дьявола. Хорошо. Надо пустыннику и отираваться. Простился онъ со вдовой и вышелъ изъ деревни. Думаетъ, что ужъ больше не увидитъ дьявола, анъ не тутъ-то было. Не отшелъ онъ еще и третей версты, какъ видить: стоитъ на межѣ его дьяволъ и поджидаетъ. Пошла опять рядомъ. Идучи, пустынникъ и спрашиваетъ его: «гдѣ это, дьяволъ, пропадаешь ты?»

*) Разск. Михаила Васильева.

***) Его же.

***) Его же.

столько прошло времени, а я не видалъ тебя».—«А потому не видалъ», отвѣчаетъ дьяволъ: «что мнѣ нельзя было взойти въ деревню, гдѣ ты былъ».—«Почему?»—«Потому, что тамъ живетъ благочестивая вдова и каждую минуту творитъ Христову молитву, а она жжетъ насъ дьяволовъ, какъ огонь». А Христова молитва коротенькая: «Господи, Іисусе Христе, помилуй меня!» вотъ и вся. Эта молитва всѣхъ лучше, читай ее поминутно и черезъ три года можно во святые попасть. Вонъ есть—«вѣрую», такъ та длинная, не запомнишь, а эта коротенькая и спасительная».

Когда свободень бываетъ Сатана *).

«Самый тяжелый часъ—12 часовъ ночью. Въ этотъ часъ дается Сатанѣ свободы на три секунды, и онъ тутъ что хочетъ, то и дѣлаетъ съ человѣкомъ. У насъ въ деревнѣ мужикъ ночью захотѣлъ пить; ну испилъ квасу въ полночь, да и не прикрылъ кувшина. Послѣ этого схватило его такъ, что прохворалъ три года. Съ нимъ сдѣлать это окаянный. Всегда надо ковшь, али кувшинъ съ водой, когда изопьешь, чѣмънибудь прикрыть, хоть лучнику положить, не то Сатана взойдетъ въ непокрытую посудину и подшутитъ надъ тобой».

Св. Кононъ—сказаніе **).

«Святой Кононъ былъ начальникъ надъ всѣми дьяволами и что хотѣлъ, то и заставлялъ ихъ работать: пахать ли—пахутъ, дрова ли рубить—рубятъ, все должны были они исполнять по его приказу. Не помню хорошо, а надо быть, моца св. Конона лежать въ Кіевѣ, тамъ онъ въ 12 кувшиновъ и всѣхъ дьяволовъ запряталъ. Надоѣли ему дьяволы, и захотѣлъ онъ уничтожить ихъ со свѣта. Вотъ и говоритъ онъ дьяволамъ, взявши 12 кувшиновъ: полѣзайте въ кувшины, а я буду варить пиво; когда сварю, буду васъ по одиночкѣ выпускать и угощать своимъ пивомъ». Черти вдались въ обманъ и влѣзли въ кувшины, а св. Кононъ взялъ да и заамнилъ ихъ тамъ. Ну черти и остались въ кувшинахъ. Потомъ св. Кононъ взялъ эти кувшины и закопать ихъ въ землю. Хорошо. Померъ св. Кононъ, а послѣ него на томъ мѣстѣ, гдѣ были зарыты черти въ кувшинахъ, стали строить церковь. Начали копать тутъ землю, и рабочіе наткнулись на кувшины. — «Ахъ, братцы,» сказали они: «кладъ нашли мы», и вынули одинъ кувшинъ. Разбили его; а изъ него вдругъ такая несосвѣтлая тьма вылетѣла чертей, что ндо солнышко помрачилось отъ отъ нихъ, и тутъ рабочіе испугались не стали трогать остальные кувшины.—Такъ въ Кіевѣ и до сей поры стоятъ 11 кувшиновъ съ зааминенными чертями: а не случись это, черти заполонили бы всю вселенную, они въ кувшинахъ—то превратились въ песчинки».

Сказаніе объ ангелѣ Симѣ ***).

«А слышали ли, кто въ Москвѣ воздвигъ Симоновъ монастырь? Давно ужъ это было, можетъ быть Москва еще только зачиналась, жила въ ней вдова Марія и родила она двухъ вьюношей младенцевъ. Родила она, а Господь и посылаетъ ангела Симы на землю и велитъ ему вынуть душу изъ вдовы Маріи. Прилетѣлъ Господень ангелъ къ Маріи, а вдова въ это время спала и по обѣимъ ея сторонамъ лежали вьюноши-младенцы. Увидалъ это Симъ, и жалко стало ему ихъ; вернулся къ Господу и говоритъ: не могу, Господи, вынуть душу изъ Маріи, жаль мнѣ младенцевъ, на кого останутся

*) Разсказъ Михаила Васильева.

***) Его же.

****) Разсказъ Евсея Иванова.

сироты?»—«Не твое дѣло», говорить Господь:» принеси мнѣ Маріину душу». Опять прилетѣлъ къ ней Симъ, опять сжался надъ вьюношами—и не могъ вынуть душу изъ вдовы: «Не могу, говорить, Господи!» Приказываетъ ему Господь въ третій разъ—ангелъ Симъ не вынимаетъ. Тогда Господь посылаетъ за душой Маріи другого ангела, а у Симона отнялъ ангельскія крылья и заключилъ на землю. Взялъ другой ангелъ изъ Маріи душу и отнесъ ее къ Господу, а Симонъ остался съ сиротами. Началъ онъ воспитывать ихъ и наставлять въ вѣрѣ, а тамъ собралъ вокругъ себя братію и построилъ монастырь. И такое завелъ Симонъ у себя пѣснопѣніе, что подобнаго нигдѣ не было на землѣ: сходились слушать его пѣніе князья и короли, дивились и спрашивали что онъ за человѣкъ, откуда пришелъ, барскаго или поповскаго онъ рода? Симонъ отвѣчалъ, что онъ рода не человѣческаго, а авгельскаго, и разсказалъ, какъ очутился на землѣ. Князья съ королями и говорятъ ему: «Коли ты, Симъ, правду говоришь, то спой намъ гласомъ ангельскимъ».—«Хорошо», отвѣчаетъ Симъ: «спую я вамъ гласомъ ангельскимъ, только вы падите ницъ и преклонитесь къ землѣ, иначе всѣ оглохнутъ отъ моего ангельскаго гласа». Пали ницъ князья и короли. И запѣлъ Симонъ гласомъ ангельскимъ, запѣли съ нимъ и его вьюноши. Услыхалъ Господь пѣніе ангельское: Симъ поетъ, поютъ съ нимъ и вьюноши, а у нихъ крылья ангельскія растутъ да растутъ, отросли совсѣмъ—и понесли на нихъ Симонъ съ вьюношами къ небесамъ. Простилъ, значить, Господь Сима. Вотъ отъ этого-то ангела Сима и произошелъ въ Москвѣ Симоновъ монастырь».

Сколько разъ дьяволъ прельщаль Еву?

«Дьяволъ два раза и въ двухъ видахъ прельщаль Еву. Въ первый разъ онъ обернулся въ лягушку, а въ другой разъ въ змія. Вотъ какъ было дѣло: разъ идетъ по раю Михаилъ Архангелъ съ жезломъ и видитъ, что Ева спитъ, а подлѣ самаго ея уха сидитъ «скареда», лягушка такъ прозывается.—«Откуда это взялась скареда?» думаетъ Архангелъ: «какъ это она пробралась въ рай?» Подошелъ, да ее жезломъ и тронулъ, и вдругъ скареда исчезла, а передъ нимъ явился самъ Сатана, и на поединокъ съ Архангеломъ готовъ. Ну, въ этотъ разъ, кое-какъ по чести вывели Сатану изъ рая;—а онъ, выйдя, кинулся въ море, а въ него впадала райская рѣка, по ней-то опять онъ пробрался въ рай, обернулся въ змія и ужъ въ этотъ разъ соблазнилъ жену Адама» *).

Книга Давидова **).

«Царь Давыдъ бывало, что ни напишетъ, то все въ море кинетъ. Если была написана правда-истина, то всѣ листы должны были собраться вмѣстѣ и всплыть, а если была написана ложь—потонули на днѣ. И собрались всѣ листы Давыдовы вмѣстѣ, и вышла изъ нихъ Давыдова книга».

О вѣрѣ ***).

«Послѣ смерти царевича Димитрія нѣтъ больше настоящихъ мощей, онѣ закончились въ Россіи имъ. Царь Алексѣй Михалычъ да Никонъ патріархъ сдѣлали вѣру короче, а допрежде этого она была длиннѣе. Короче стала нонѣ потому, что теперъ обѣдню служатъ на пяти просвирахъ, а въ старину на семи. И вѣра, старая, значить,

*) Слышано отъ многихъ.

**) Разсказъ Михаила Васильева.

***) Его же.

была правѣе, потому что семь небесъ, и вѣку опредѣлено на семь тысячъ лѣтъ и сказано въ писаніи, что никто ничего не можетъ ни прибавить, ни убавить, что положено святыми отцами, одинъ только Господь можетъ и прибавить и убавить. Старовѣры такъ и дѣлають, а вотъ у насъ—гдѣ прибавлено, гдѣ убавлено, а Господь глаголетъ, кто это сдѣлаеть, будетъ проклятъ».

«У насъ читается «еси», это значить: ѣсть, а надо говорить: «ради душъ нашихъ, а не еси душъ нашихъ, точно Богородица хочетъ ѣсть наши души. Старовѣры, значить вѣрнѣе нашего читають молитву Богородицы. «Вѣрую» надо читать: «вѣрую и во второй соборъ и въ едиnorodнаго Сына, въ Бога и Духа Святаго, а у насъ изъ «Вѣрую» выпущень соборъ—ну, значить, неправильно».

«Каждый день слѣдуетъ класть по 700 поклоновъ, старовѣры такъ и дѣлають; а кто побывалъ на свадьбѣ, то тому человѣку нужно за это положить 30 земныхъ поклоновъ, потому что на свадьбѣ бываетъ всякое безпутство: и сквернословіе, и пьянство, и плясъ».

«Безъ святаго причастья никто не попадетъ въ рай. Знаешь ли, почему утирають уста, когда человѣкъ приметъ причастье? Это для того, чтобы осталось причастье для тѣхъ, кто въ церкви не принимаетъ его, вотъ хошь бы старовѣры. На устахъ и усахъ все-таки кой что остается, ну и собирають про запасъ».

О б о р о д ѣ.

«Грѣхъ великій человѣку брить бороду и усы. Лицо свое всякій человѣкъ долженъ сохранить по образу Божию. Господь далъ намъ съ Себя на холстѣ свой образъ, знаешь Спасъ Нерукотворенный? Тамъ и усы и борода. Въ писаніи сказано: «человѣкъ можетъ взойти въ рай и безъ головы, а безъ бороды—никогда. «Когда идешь къ причастью, то не подстригай и не сбивай усы—грѣхъ, а пригладь».

«Бороду съ человѣка можетъ снять только одна власть; она прежде и сняла ее съ насъ. Но когда у насъ брили бороду, то человѣкъ не грѣшилъ, потому что это было приказано властью. А что такое власть? Вотъ насъ у царя сто милліоновъ, а всѣ мы за него не можемъ умолить Господа за одинъ его грѣхъ; онъ же можетъ одинъ уреспить Господа за грѣхи всѣхъ насъ».

О т а б а к ѣ.

«Кто курить, али нюхаетъ табакъ, такъ того человѣка нельзя хоронить тамъ, гдѣ солнышко прямо свѣтитъ на могилу; а кто понюхаетъ въ церкви, такъ это такой же грѣхъ, какъ бы я старикъ соблудилъ съ молодой дѣвкой».

Что значить: ты и вы *).

«Мы на молитвѣ молимся и говоримъ «ты» Господу, и сколько разъ такъ Его «ты к намъ». Но попробуй хоть разъ «тыкнуть» господина, али становаго, такъ они тѣ покажутъ твое тыканье. А знаешь ли, что значить слово «вы»? Оно значить—«вышнихъ». «Вышній—Вогъ, а «ты»—Господь».

В. Г. Суворовъ.

*) Его же.

Къ статистикѣ литовскихъ народныхъ книгъ.

Statistika lietuviszkų knygų atspausių Prūsijoje nuo 1864 m. iki pabaigai 1896 m. Statistique des livres lithuaniens imprimés en Prusse de l'an 1864 jusqu'à la fin de l'an 1896, et appel de la nation lithuanienne. Tilsit (Prusse orientale). Livrés à l'imprimerie en 1897 et imprimés en 1898. 12°. 96 стр.

Изъ втораго литовскаго заглавія этой книжки: «Suskaita arba statistika visu lietuviszkų Knygų atspausių Prūsijoje nu 1864 metų iki pabaigai 1896 metų Surasze A. Jonas Zanavikutis. Tilžeje. Kosztu autoriaus. Spaustuvije Otto v. Mauderode», видно, что надъ составленіемъ статистики литовскаго книгопечатанія трудился иткій Янъ Занавикутисъ (псевдонимъ). На 54 страницахъ приведено всего 496 изданій, за небольшимъ исключеніемъ контрафакцій, отпечатанными 14 известными книгоиздательскими фирмами въ Ценигсбергѣ, Рагнитѣ, Мемелѣ, Тильзитѣ, Витенахъ, Веймарѣ и Краковѣ. Статистика отпечатанныхъ, въ предѣлахъ русской Литвы, литовскихъ народныхъ книжекъ составлена на основаніи выписокъ, и справокъ, доставленныхъ отъ книгоиздателей. Въ концѣ книги помѣщены двѣ таблицы: 1) Обзоръ распространенія литовскихъ газетъ, напечатанныхъ для русскихъ Литовцевъ въ Пруссіи. 2) Обзоръ экземпляровъ всякихъ книгъ, контрафакцій и газетъ и ихъ номинальной стоимости. По этимъ выводамъ оказывается, что въ течение 32 лѣтъ появилось въ Пруссіи русско-литовскихъ газетъ всего девять, а именно Anszga, Apzvieta, Aržvalga, Gargas, Szviesa, Teognis Sargas, Ukiunkas, Ukininko priedai, Vagras. Изъ нихъ отдѣльныхъ номеровъ распространено всего болѣе газеты клерикально-ксензовской «Aržvalga», за тѣмъ свѣтскаго содержанія народно-земледѣльской газеты «Ukininkas» (Господарь) и наконецъ органа литовской интеллигенціи «Vagras». Всего отпечатано было отдѣльныхъ №№ 427, 100 экз., а годовыхъ экз. 75900, за что уплачено 58,100 рублей. Вторая таблица показываетъ, что вмѣстѣ съ латышскими контрафакціями, назначенными для восточныхъ латышей-католиковъ Витебской губ., всего отпечатано 3,980.750 экземпляровъ т. е. четырехъ милліоновъ, за что уплачено 1,523,184 рубля или по 38—39 к. за книжку или отд. брошюру.

На стр. 18-ой приведена брошюра А. Барановскаго Anykszeziu szilelis, что не совсѣмъ точно, такъ какъ это чисто научное изданіе на нѣмецкомъ языкѣ составлено Г. Веберомъ въ Веймарѣ, для изображенія Ониктенскаго говора приложены двѣ транскрипціи, одна діалектическая, другая Шлейхеровская и во всякомъ случаѣ къ разряду литовскихъ контрафакцій причислена быть не можетъ. Изъ молитвенниковъ болѣе всего отпечатано было золотыхъ алтаржиковъ (Auksa Altorius senas ir raujas) 401,000; азбукъ или такъ называемыхъ элементаріусъ (Lementorins del maži vaikeliu) отпечатано 408,500 а календарей 617,200 экз. Исключая же латышскихъ книгъ, чисто литовскихъ изданій остается 3,705, 250 экз., что обошлось въ 1,384, 109 рублей. Инфлянтскихъ контрафакцій, по свѣдѣніямъ Занавикутиса, печаталось молитвенниковъ (Pilniejga gromata Lyngszom) всего 158,000, элементаріусовъ (Pilus Elementiers) всего 117,500 экз., что стоило 134,075 рублей. Кромѣ того восточно-латышскія контрафакціи печатались въ Галландіи, а въ новѣйшее время въ Гельсингфорсѣ. Что далеко не всѣ 4 милліона литовскихъ контрафакцій попали въ руки Литовцевъ, само собою разумѣется, въ прим. къ стр. 54 рассказано, что въ 1896 г. сразу 1000 экз. № 1-го клерикальной газетки Tevunes Sargas (Strdž Ojczysny) попали въ руки властей, которыя и распорядились сожженіемъ ихъ въ Вильнѣ (обыкновенно на пожарномъ дворѣ). Въ приложеніи къ этой статистикѣ помѣщены воззванія о стѣсненномъ положеніи литовской печати на языкахъ литовскомъ, польскомъ, французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ. Изъ этого видно, какъ строго карается находженіе литовскихъ контрафакцій у Литовцевъ и какъ строго преслѣдуется участіе Литовцевъ въ изданіи книгъ и журналовъ за границею. Но не смотря на эти мѣры преслѣдованія литовской книги, число изданій возрастало съ каждымъ годомъ и вслѣдствіе участія и прусской

полиціи въ этомъ дѣлѣ литовское книгоиздательство принуждено было развиваться все болѣе и болѣе въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ въ настоящее время издаются два серьезныхъ журнала *Tevupe*, органъ союза литовскихъ обществъ Сѣверной Америки (редакторъ президентъ, раньше Зѣлинскій, теперь А. Теллюшисъ), въ Плимутѣ Пенсильванскомъ и *Digva* (*Lithuanian Quarterly Publication, published at Rev. A. M. Milikas Shenandoah, Pa.*). Въ предисловіи г. Ионасъ Занавикутисъ подтверждаетъ снова громадную пользу изданія Географическимъ Обществомъ «Библиографическихъ Матеріаловъ Валтрамайтиса». Только слѣдуетъ вспомнить, что такого рода библиографическіе указатели нуждаются въ частыхъ пополненіяхъ. Еще въ 1893 г. въ № 5 газеты «*Vaivas*», стр. 76 было указано что № 1277 и 1802 изд. Явкусса вовсе не были отпечатаны¹⁾. Затѣмъ для полной характеристики всей этой контрафакціонной литературы необходимо, при напечатаніи новаго указателя литовскихъ книгъ пользоваться числовыми данными г. Занавикутиса, прибавляя къ нимъ обзоры главныхъ родовъ печатныхъ произведеній Литвы, ихъ не такъ много и интересно конечно знать, что кромѣ алтарниковъ (старого и новаго, большаго и малаго), кантычекъ (или книгъ духовныхъ пѣсень), памятниконъ, календарей и азбукъ въ Литвѣ было издано. Авторы, скрывающіеся подъ разными псевдонимами впредь до разрѣшенія печати въ Россіи, особаго значенія не имѣютъ. Во всякомъ случаѣ книга Занавикутиса, и помимо своихъ полемическихъ цѣлей, служить можетъ матеріаломъ для исторіи культуры Литвы за послѣднія 40 лѣтъ и той замѣчательной національной стойкости, которую обнаруживаетъ въ этихъ цифрахъ статистика литовской книги весьма нагляднымъ образомъ. Какъ усердно уничтожается литовская книга, видно изъ того, что любимая напр. книга «*Palangos Inze*» (изд. 1882 г.) составляетъ библиографическую рѣдкость не только въ Россіи, но и въ Германіи; также тщетными останутся поиски за брошюрами въ родѣ «*Lietuvos Mešijis*» и др. книжекъ антикатолическаго и антирелигіознаго направленія.

Э. Вольтеръ.

¹⁾ См. статью *Liesuvisznoji bibliografija*. Другая статья по библиографіи «*Lituanica leukisznoje kalboje*», составленная Станиславомъ Юрьевичемъ, напечатана въ «*Aprszvieta*» 1892, № 6, стр. 473—485.

Записки по Отдѣленію Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

- Томъ I. Подъ редакцію д. чл. *В. И. Ламанскаго*. Спб. 1867 г. Ц. 2 р.
- » II. Подъ редакцію д. чл. *Л. Н. Майкова*. Спб. 1869 г. Ц. 2 р. 50 к.
- » III. Подъ редакцію д. чл. *Л. Н. Майкова*. Спб. 1873 г. Ц. 2 р. 50 к.
- » VI. Подъ редакцію д. чл. *А. И. Савельева*. Спб. 1871 г. Ц. 3 р. 50 к.
- » V. Подъ наблюденіемъ д. чл. *О. Ф. Миллера* и *П. А. Гилътебрандта*. Спб. 1873 г. Ц. 2 р. 50 к.
- » VI. Подъ редакцію д. чл. *Н. И. Веселовскаго* и *П. П. Лерга*. Спб. 1880. Ц. 2 р.
- » VII. Подъ редакцію д. чл. *Л. Н. Майкова*. Спб. 1877. Ц. 3 р.
- » VIII. Подъ редакцію д. чл. *П. А. Матвѣева*. Сборникъ юридическихъ обычаевъ. Спб. 1878. Ц. 3 р.
- » IX. Подъ редакцію д. чл. *Л. Н. Майкова*: 1) Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербяхъ и Хорватахъ. *К. Я. Грота*, 2) Волжскій басейнъ по книгѣ Большаго Чертежа. *Е. К. Огородникова*, 3) Изслѣдованія по каменному вѣку. *И. С. Полякова*. Спб. 1882. Ц. 2 р. 50 к.
- » X. Вып. 1. Путешествіе черезъ Сибирь до границъ Китая Николая Спаарія въ 1675 г. Подъ редакцію д. чл. *Л. Н. Майкова*. Спб. 1882. Ц. 1 р. Вып. 2. Посольство къ Зюнгарскому хунь-тайчи Павла Рабтану Ивана Унковскаго и путевой журналъ его за 1722—1724 годы. Спб. 1887. Ц. 1 р. Вып. 3. Гемонологическіе рассказы Киргизовъ. *М. Меропіева*. Подъ редакцію д. чл. *Н. И. Веселовскаго*. Спб. 1883. Ц. 30 к.
- » XI. Подъ редакцію д. чл. *Л. Н. Майкова*. Антропологическія изслѣдованія среди Мордвы-Эрзи. *В. М. Майнова*. Спб. 1883. Ц. 3 р.
- » XII. Подъ редакцію д. чл. *Л. Н. Майкова*. Сказки и преданія Самарскаго края, собр. *Д. Н. Садовниковымъ*. Спб. 1884. Ц. 2 р. 50 к.
- » XIII. Подъ редакцію чл.-сотр. *Ө. М. Истомина*. Вып. 1. Угро-русскія народныя пѣсни, собр. *Г. А. де-Волланомъ*. Спб. 1885. Ц. 1 р. Вып. 2. Гомельскія народныя пѣсни. Запис. *З. Радченко*. Спб. 1888. Ц. 1 р. 50 к. Вып. 3. Пинчуки. Этногр. сборникъ *Д. Г. Булаковскаго*. Спб. 1890. Ц. 1 р. 20 к.
- » XIV. Подъ редакцію д. чл. *П. А. Соколовскаго*. Вып. I. Очеркъ юридическаго быта Мордвы. *В. Н. Майнова*. Спб. 1885. Ц. 1 р. Вып. II. Вотяки Соновскаго края. *Гр. Верещагина*. Спб. 1886. Ц. 1 р. Вып. III. Вотяки Саранульскаго уѣзда Бятской губ. *Гр. Верещагина*. Спб. 1888. Ц. 1 р.
- » XV. Вып. I. Подъ наблюденіемъ чл.-сотр. *П. А. Соколовскаго* и *Ө. М. Истомина*: Матеріалы для Этнографіи латышскаго племени Витебской губ. Собр. и снабд. объясн. *Э. А. Вольтеръ*. Часть I. Спб. 1890. Ц. 4 р.
- » XVI. Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи. *А. М. Позднѣва*. Спб. 1897. Ц. 3 р.
- » XVII. Подъ редакціей д. чл. *Н. И. Веселовскаго*. Вып. I. Таранчинскія пѣсни. Собр. и перевод. *Н. Н. Цантусовымъ*. Спб. 1890. Ц. 2 р. Вып. II. 1) Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области. *М. С. Вручевича*. 2) Матеріалы по антропологии и этнологии Киргизъ. *В. Д. Тронови*. 3) Обычай и обычное право Киргизъ. *Ело-же*. 4) Обряды и обычай Чуваши. *В. М. Михайлова*. 5) Поѣздка къ Карагасамъ въ 1890 г. *Н. Ф. Катанова*. Спб. 1891. Ц. 1 р. 50 к.
- » XIX. Вып. I. Подъ редакцію д. чл. *В. И. Ламанскаго*. Соловки. *И. Ф. Асторова*. Крившт. 1889. Ц. 3 р. Вып. II. Подъ ред. чл.-сотр. *А. Н. Пилина*. Народы, обычаи Саратовск. губ. Собр. *А. Н. Минъ*. Спб. 1890. Ц. 1 р.
- » XX. Подъ ред. д. чл. *В. И. Ламанскаго* и чл.-сотр. *Ир. Н. Половинкина*: Смоленскій Этнографическій сборникъ. Сост. *В. Н. Добровольскій*. Ч. I. Спб. 1891. Ц. 5 р.
- » XXI. Вып. I. Подъ ред. чл.-сотр. *Ө. М. Истомина*. Сборникъ библиографическихъ матеріаловъ для географіи, этнографіи и статистики Литвы. Составилъ чл.-сотр. *С. Балтрамаййтисъ*.
- » XXII. Подъ ред. д. чл. *В. И. Ламанскаго*, чл.-сотр. *Ир. Н. Половинкина* и чл.-сотр. *П. Д. Драганова*: Македонско-Славянскій сборникъ съ приложеніемъ словаря. Составилъ *П. Драгановъ*. Вып. I. Спб. 1894. Ц. 1 р.
- » XXIII. Вып. I. Подъ ред. чл.-сотр. *Ир. Н. Половинкина*. Смоленскій Этнографическій сборникъ. Сост. *В. Н. Добровольскій*. Ч. II. Спб. 1894. Ц. 2 р. Вып. II. Смоленскій Этнографическій Сборникъ. Сост. *В. Н. Добровольскій*. Ч. III. Пословицы. Спб. 1895. Ц. 1 р.
- » XXIV. Мэнь-чу-ю-му-дзи. Записки о Монгольскихъ кочевьяхъ. Переводъ съ китайскаго *П. С. Попова*. Спб. 1895. Ц. 2 р. 50 к.

Всѣ эти изданія можно получать въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ. СПБ., у Чернышева моста.

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА,

выходятъ не менѣе 6 разъ въ годъ несрочными выпусками, изъ которыхъ къ концу года составляется томъ листовъ въ 30.

„Извѣстія“ представляютъ сборникъ статей, читанныхъ въ собраніяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Въ «Извѣстіяхъ» печатаются также журналы засѣданій Общества, обзоръ географической литературы о Россіи и странахъ съ нею сопредѣльныхъ и отзывы о книгахъ и картахъ, приносимыхъ Обществу въ даръ и имѣющихъ отношеніе къ предметамъ занятій Общества.

— ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ —

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

пожизненные, а равно и уплатившіе установленный членскій взносъ за текущій казначейскій годъ, имѣютъ право на *бесплатное* полученіе „Извѣстій“ съ доставкой на домъ и пересылкою.

(Постановленія Совѣта И. Р. Г. О. отъ 22 февраля 1882 г. и 24 октября 1883 г.)

„Извѣстія“ высылаются лишь тѣмъ изъ гг. членовъ Общества которые заявятъ письменно о желаніи ихъ получать.

ДЛЯ НОСТРОННИХЪ ЛИЦЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „ИЗВѢСТІЯ“ ВЪ ГОДЪ:

Безъ доставки и пересылки	3 р. — к.
Съ пересылкою въ Россіи	3 » 50 »
Съ пересылкою за границу	4 » — »

„ЖИВАЯ СТАРИНА“

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ
ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩАГО ВЪ ОТДѢ-
ЛЕНІИ ЭТНОГРАФІИ

В. И. ЛАМАНСКАГО

И ВЪ ДЕСЯТОМЪ ГОДУ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ БУДЕТЬ
ВЫХОДИТЬ 4-МЯ ВЫПУСКАМИ ПО 8—10 ЛИСТОВЪ ВЫ-
ПУСКЪ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ 5 Р., СЪ
ДОСТАВКОЮ, ВЪ ИМПЕРІИ—5 Р. 50 К., ЗА ГРАНИЦУ—6 Р.

КНИЖКИ „ЖИВОЙ СТАРИНЫ“ СЪ 1891 ПО 96 Г.
ВКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРОДАЮТСЯ ВЪ ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ ОБ-
ЩЕСТВѢ ПО ПОНИЖЕННОЙ ЦѢНѢ: ЗА ГОДЪ—3 Р. ВЪ ПЕТЕР-
БУРГѢ, 3 Р. 50 К. ВЪ ИМПЕРІИ И 4 Р. ЗА ГРАНИЦУ.

	Стран.
5. Die Zeugung in Sitte, Brauch und Glauben der Süd-slaven. <i>Ю. А. Яворскаго</i>	384
6. Српске народне приповетке. Скупио Атанасије Нико-л и њ. На свет издади његови унуци. <i>Ю. А. Яворскаго</i> .	385

Отдѣлъ IV.

С м ѣ с ь .

1. Свадебный обычай крестьянъ Кургоминскаго Правленія Арх. губ. Шенк. у. Свящ. <i>К. И. Боголѣнова</i>	386—388
2. Религіозно-народныя повѣрья и легенды. (Записаны въ Баязинскомъ уѣздѣ Тверской губ.). <i>В. I. Суворова</i> . . .	389—397
3. Къ статистикѣ литовскихъ народныхъ книгъ. <i>Э. Воль-тера</i>	398—399
Объявленія	400—402
